

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 39

СТАТЬИ

1893–1898 гг.

Полное собрание сочинений. Том 39

Содержание

Лев Николаевич Толстой Полное собрание сочинений. Том 39 Статьи 1893—1898 гг.	0006
#2	0007
Предисловие к электронному изданию	0009
#4	0013
#5	0012
СТАТЬИ 1893—1898	0013
#7	0014
#8	0016
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОМУ — СОРОК ВТОРОМУ ТОМАМ	0017
I	0017
II	0025
III	0049
IV	0081
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ	0088
СТАТЬИ 1893—1898	0091
РЕЛИГИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ	0091
ХРИСТИАНСТВО И ПАТРИОТИЗМ	0142
ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ Е. И. ПОПОВА «ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВДОКИМА НИКИТИЧА ДРОЖЖИНА. 1866—1894»	0254
ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ П. И. БИРЮКОВА «ГОНЕНИЕ НА ХРИСТИАН В РОССИИ В 1895 г.»	0292

БОГУ ИЛИ МАММОНЕ?	0307
КАК ЧИТАТЬ ЕВАНГЕЛИЕ И В ЧЕМ ЕГО СУЩНОСТЬ?	0322
ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ	0328
ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВОЗЗВАНИЮ «ПОМОГИТЕ!» . . 0482	
SARTHAGO DELENDA EST [1898]	0492
ЧЕРНОВОЕ, НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОКОНЧЕННОЕ	0510
[ПИСЬМО В ИНОСТРАННЫЕ ГАЗЕТЫ ПО ПОВОДУ ГОНЕНИЙ НА КАВКАЗСКИХ ДУХОБОРОВ]	0510
* SARTHAGO DELENDA EST [1896]	0525
КОММЕНТАРИИ	0541
«РЕЛИГИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ»	0541
«ХРИСТИАНСТВО И ПАТРИОТИЗМ»	0551
«ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ Е. И. ПОПОВА «ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВДОКИМА НИКИТИЧА ДРОЖЖИНА. 1866—1894»	0565
«ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ П. И. БИРЮКОВА «ГОНЕНИЕ НА ХРИСТИАН В РОССИИ В 1895 г.» . . 0570	
«БОГУ ИЛИ МАММОНЕ?»	0573
«КАК ЧИТАТЬ ЕВАНГЕЛИЕ И В ЧЕМ ЕГО СУЩНОСТЬ?»	0576
«ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ»	0578
«ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВОЗЗВАНИЮ «ПОМОГИТЕ!» . . 0594	

«CARTHAGO DELENDA EST» (1898)	0597
«ПИСЬМО В ИНОСТРАННЫЕ ГАЗЕТЫ ПО ПОВОДУ ГОНЕНИЙ НА КАВКАЗСКИХ ДУХОБОРОВ»	0603
«CARTHAGO DELENDA EST» (1896)	0608
СОДЕРЖАНИЕ (из 39-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого)	0612
ИЛЛЮСТРАЦИИ	0615

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание сочинений.
Том 39
Статьи
1893—1898 гг.

Государственное издательство
художественной литературы
Москва — 1956

Электронное издание осуществлено
компаниями АBBYU и WEXLER
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:
Государственный музей Л. Н. Толстого
Музей-усадьба «Ясная Поляна»
Компания АBBYU

Подготовлено на основе электронной ко-
пии 39-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толсто-
го, предоставленной
Российской государственной библиотекой

Электронное издание
90-томного собрания сочинений Л. Н. Тол-
стого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

`report@tolstoy.ru`

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

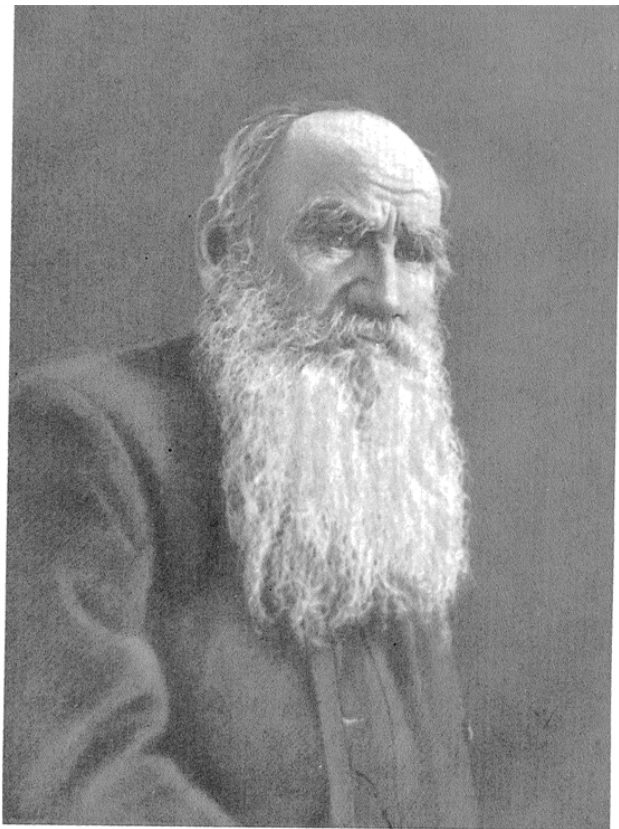
39

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

П*ерепечатка разрешается безвозмездно.*

СТАТЬИ
1893—1898

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
В. С. МИШИНА

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОМУ — СОРОК ВТОРОМУ ТОМАМ

I

Произведения, вошедшие в 39—42 томы Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, создавались им (лишь с некоторым перерывом) в течение одного из крупнейших периодов русской истории — в эпоху подготовки, развития и поражения первой русской революции 1905 года.

Толстовские работы, вошедшие в тридцать девятый том, написаны были в период с 1893 по 1898 г., когда в России, с одной стороны, начиналось перерастание капитализма в империалистическую стадию, а с другой — происходил процесс соединения марксизма с рабочим движением.

Произведения, публикуемые в сороковом — сорок втором томах, создавались Толстым в 1903—1910 гг., то есть во время самой революции 1905 года и последовавшей затем

мрачной полосы столыпинской реакции.

Грандиозные историко-революционные явления нашли свое, хотя и своеобразное, отражение в произведениях Толстого.

Это с предельной четкостью подчеркнул Ленин в одной из своих статей о великом писателе: «Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции... Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».¹

Правда, еще ранее порвав с эксплуататорскими классами и приняв воззрения русского патриархального крестьянства, Толстой резко обнажал язвы капиталистического строя, клеймил жестокость и тупость русского самодержавия, изобличал реакционность и ханжество официальной церкви, бичевал тунеядство и аморализм господствующих классов, разоблачал бесплодность и пустоту современной буржуазной культуры, науки, искусства.

При этом он проявлял неизменное внимание и сочувствие к нуждам и желаниям, помыслам и устремлениям широчайших масс русского трудового народа.

В пору подъема освободительного движения и особенно тяжелого положения народных масс Толстой довел свою критику окружающей социальной действительности до небывалой остроты и силы. Жесточайшая эксплуатация и разорение трудящихся, безжалостное угнетение народа отзывалось острой болью в сердце писателя, вызывая гневный протест его. И Толстой бесстрашно, с необычайной мощью выступал против репрессий русского самодержавия, против свирепых расправ многочисленных карательных экспедиций, арестов, ссылок, каторги, против казней, массовых расстрелов — в защиту жертв этой зверской политики царизма. Более того, заражаясь стихийно-бунтарскими настроениями, проникшими даже в косную среду патриархального крестьянства, писатель подчас отзывался одобрительно и об аграрных волнениях и рабочих забастовках.

Но творчество Толстого и в особенности

его публицистика не отличались ни цельностью, ни последовательностью. Толстой не нашел верного решения вопросов, поставленных эпохой подготовки первой русской революции, как и не мог понять ее исторической необходимости. Наоборот, все его учение было преисполнено «кричащих противоречий», наряду со многими «сильными» сторонами включало немало «слабых» сторон.

Это явилось неизбежным следствием того, что в своей социальной философии Толстой оставался на идеалистических позициях.

Главным двигателем социально-исторического развития писатель, подобно философам-просветителям, считал сознание людей. «Уже давно власть правительств над народами держится не на силе», а «на том, что называется общественным мнением», — писал он.

Правда, Толстой порой стихийно приходил к диалектическим выводам. Так, например, он утверждал, что «удержать старое и остановить новое можно только до известных пределов, точно так же, как только до известного предела можно плотиной задержать текущую воду».

Больше того, Толстой оставался верен этому взгляду также по отношению к социальным явлениям. Он доказывал, что «переход людей от прежнего, отжитого общественного мнения к новому неизбежно должен совершиться. Переход этот так же неизбежен, как отпадение весной последних сухих листьев и разворачивание молодых из надувшихся почек».²

Но, несмотря на элементы диалектики, Толстой оставался метафизиком с абстрактно-внеисторическим подходом к явлениям общественной и политической жизни.

Вопреки даже просветителям, все же полагавшим, что взгляды людей определяются социальной средой, Толстой утверждал, что «та духовная сила, которая движет миром... — есть та, которая проявляется в душе человека, когда он один, сам собою обдумывает явления мира и потом невольно высказывает свои мысли своей жене, брату, другу». В результате «то, что было вчера новым мнением одного человека, делается нынче общим мнением большинства».³

В силу такого утопического представления

о развитии общественного сознания Толстой, одновременно с суровой реалистической критикой буржуазных отношений и феодальных пережитков, проявил, однако, столь удивительное «непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса», которое могло быть «свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».⁴ Толстой, естественно, оказался «в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата».⁵

Напряженной революционной борьбе рабочего класса Толстой пытался противопоставить реакционные искания «мирного» разрешения социальных противоречий, которые приводили его к абстрактным евангельским «истинам». Принципиально отвергая всякое насилие, в том числе и революционную борьбу, Толстой стремился доказать, что социальное неустройство жизни возможно преодолеть не внешней борьбой, которая лишь еще более разжигает «зло», а только внутренним сопротивлением или хотя бы просто пассивным неучастием в социально-политической

жизни, ибо победить рознь можно лишь «непротивлением злу насилием». И Толстой проповедовал: «чтобы всем людям освободиться от всех тех бедствий, которые теперь удручают их», надобно, чтобы они только «поверили» бы, «что сила не в силе, а в правде, и смело высказывали бы ее или хоть бы не отступали от нее словом и делом». Таким образом, с точки зрения Толстого, весь несправедливый общественный порядок изменится мгновенно и сам собой: «и тотчас же совершится такой переворот во всем строе нашей жизни, которого не достигнут революционеры столетиями, если бы вся власть находилась в их руках».

Однако эти противоречия Толстого не были случайны, не явились результатом блуждания его мысли. Напротив, они были порождены своеобразием той исторической эпохи, в которую он жил и творил. Ибо именно Толстой из всех писателей с наибольшей яркостью, «поразительно рельефно воплотил в своих произведениях» независимо от жанров «черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и слабость».⁶

Только в свете этой непревзойденной ленинской трактовки творчества Толстого можно глубоко понять и осмыслить подлинное содержание каждого из его произведений, в том числе и печатаемых в данных томах.

Сочинения Толстого, публикуемые в тридцать девятом — сорок втором томах, носят почти исключительно публицистический характер. И даже немногие вошедшие сюда художественные произведения тесным образом связаны с его публицистикой.

Однако все эти работы Толстого весьма разнообразны и по тематике и в жанровом отношении. Одни из них представляют собою статьи на общественно-политические и философско-религиозные темы; другие произведения имеют форму биографических очерков о различных мыслителях и общественных деятелях; иные написаны были Толстым в виде вступительных и заключительных статей к книгам, сборникам и статьям других авторов; обширный же ряд работ является своеобразными «компиляциями» Толстого — сборниками изречений мудрецов «разных стран и разных веков».

В соответствии с этим все произведения данных томов можно подразделить на ряд циклов.

II

К первому из этих циклов должны быть отнесены работы Толстого на социально-политические и философско-религиозные темы.

В ряде публицистических произведений этого времени⁷ Толстой останавливался преимущественно на таких животрепещущих темах предреволюционной и революционной эпохи, как деспотизм русского самодержавия, эксплуатация трудящихся «высшими» классами, рабочий вопрос, аграрная проблема, вопрос о значении революции и т. п. В публикуемых же в настоящих томах работах, таких, как «Христианство и патриотизм», «Религия и нравственность», «Богу или маммоне?», «Религия и наука», Толстой главным образом останавливается на других значительных проблемах — милитаризма, патриотизма, религии, науки. Каждая из этих статей являлась живым откликом на злободневные государственные и общественные события того вре-

мени.

Так, поводом к написанию статьи «Христианство и патриотизм» (1894) послужило посещение русской военной эскадры в октябре 1893 г. Тулона в ответ на посещение в 1892 г. французским военным флотом Кронштадта.

Это, на первый взгляд, малопримечательное событие возбудило в Толстом желание высказать свои суждения о буржуазном патриотизме, который Толстой отождествлял с шовинизмом, раскрыть его роль в милитаристской политике буржуазных правительств.

В своей работе Толстой с присущей ему пронизательностью обнажил связь шовинизма и милитаризма с интересами эксплуататорской верхушки. Подлинными вдохновителями военных нападений всегда, по его мнению, являются господствующие классы, стремящиеся к сверхприбылям, и многочисленные их прислужники, движимые карьеристскими и материальными устремлениями — гражданская бюрократия, военная администрация, представители желтой прессы и т. п.

Именно в предвкушении всего этого, лишь

запахнет войной, «засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военных припасов, ожидая двойных барышей»,— пишет Толстой. И вслед за ними «засуетятся всякого рода чиновники, предвидя возможность украсть больше, чем они крадут обыкновенно». Точно так же «засуетятся военные начальства, получающие двойное жалованье и рационы и надеющиеся получить за убийство людей различные высоко ценимые ими побрякушки—ленты, кресты, галуны, звезды». И одновременно в неменьшей мере «засуетятся, разжигаящие людей под видом патриотизма к ненависти и убийству, газетчики, радуясь тому, что получают двойной доход».

Особенно резко осудил Толстой прислужничество и лицемерие клерикалов, которые готовы в зависимости от политических обстоятельств то проповедовать христианскую «любовь», то прославлять смертоносное оружие; в заключение он иронически упоминает об одном католическом епископе, который, освящая спуск на воду нового броненосца, «молился богу мира, давая чувствовать при этом, однако, что если что, то он может обра-

титься и к богу войны».

Толстой подчеркивал, что народные «низы» вовлекаются в войны правящей верхушкой путем обмана, одурманивания, принуждения, что им чужды агрессивные устремления господствующих «верхов». С возникновением войны, «заглушая в своей душе отчаяние песнями, развратом и водкой», бессознательно, но неуклонно «побредут оторванные от мирного труда, от своих жен, матерей, детей — люди, сотни тысяч простых, добрых людей с орудиями убийств в руках туда, куда их погонят». И они «будут ходить, зябнуть, голодать, болеть, умирать от болезней» до тех пор, покуда, наконец, не «придут к тому месту, где их начнут убивать тысячами, и они будут убивать тысячами, сами не зная зачем, людей, которых они никогда не видали, которые им ничего не сделали и не могут сделать дурного».

Но, верно понимая социально-экономическую природу милитаризма, Толстой не делал никакого различия между милитаристской агрессией и справедливой войной, подходя к этому вопросу с абстрактной, «вечной» точки

зрения. И, словно отрешившись от своего бывшего взгляда на освободительные войны, художественно-реалистически выраженного им некогда в «Севастопольских рассказах» и «Войне и мире», Толстой ныне в публицистических статьях безоговорочно приравнивал всякую войну к «разорению, грабежу и убийству».

Однако противоречивость и непоследовательность суждений Толстого о милитаризме заключались в том, что хищническим действиям агрессоров он противопоставил не эффективные методы борьбы, а лишь своеобразный и беспочвенный пацифизм. Агрессивной политике капиталистов, их далеко идущим колониальным планам, гонке вооружений, развитию военной науки и техники, буржуазной дипломатии он противопоставлял лишь «юродивую проповедь» самоустранения от участия в этих кровавых мероприятиях путем «отказа» от воинской повинности из религиозных побуждений. «Для того, чтобы люди, которым не нужна война, не воевали, не нужно ни международного права, ни третейского суда, ни международных судилищ... Средство

для того, чтобы не было войны, состоит в том, чтобы не воевали те, которым не нужна война, которые считают грехом участие в ней», — к такому утопическому выводу приходил Толстой.

Правда, сам Толстой не мог не сознавать, что, хотя «средство это проповедовалось с древнейших времен христианскими писателями» и сам он «вот уже скоро двадцать лет... всячески разъяснял грех, вред и безумие военной службы», захватнические устремления буржуазии не только не исчезли, а, наоборот, все более усиливались, и Толстой, возмущенный всеми «ужасами войны», еще больше скорбит по поводу нарушения ею евангельских «основ» жизни. Ибо в случае новой войны «опять одичают, остервенеют, озвереют люди, и уменьшится в мире любовь» и тем самым «наступившее уже охристианение человечества отодвинется опять на десятки, сотни лет».

Те же «сила» и «слабость» Толстого сказались и на его отношении к патриотизму — к этому, по словам Ленина, одному «из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и

тысячелетиями обособленных отечеств».⁸

Толстой отчетливо показал использование правящими классами патриотизма в своих корыстных, изменных, антинародных целях. Он подчеркивал, что русское самодержавие насаждало официальный «патриотизм в виде любви и преданности к вере, царю и отечеству» и из живого, воодушевляющего, народного чувства превратило его в орудие одурманивания, ослепления трудящихся масс. Толстой писал, что «правительства и правящие классы, чувствуя, что с этим патриотизмом связана не только их власть, но и существование, старательно и хитростью и насилием возбуждают и поддерживают его в народах».

Не менее отрицательно отнесся Толстой также к напускному, «квасному» патриотизму, который ретиво пропагандировался славянофилами и их реакционными приспешниками. Сопоставляя лжепатриотические «проявления» перед русско-турецкой войной середины 50-х годов, с тулонскими торжествами 90-х годов, Толстой иронически замечает, что они точно так же тогда «раздувались Аксако-

выми и Катковыми», за что последних «поминают уже теперь в Париже, как образцы патриотизма».

Толстой подверг также критике и безотчетные выражения лжепатриотизма. Он с неприязнью выделял из «большой массы настоящего русского народа» тех отдельных «самых легкомысленных и испорченных людей народа», из уст коих нередко раздавались фальшивые «патриотические фразы», хотя и механически лишь «заученные на солдатской службе или повторяемые из книг» шовинистского направления.

Толстой обнажал и самые цели, ради осуществления которых русское самодержавие и буржуазные правительства «искусственно возбуждали», всемерно разжигали и неизменно поддерживали лжепатриотизм, но которые тщательно скрывались и маскировались ими. Он вскрыл основные разновидности официального шовинизма.

Толстой остановился, во-первых, на той националистической пропаганде, которую буржуазные правительства вели друг против друга для поддержания своего собственного

престижа. Она носила, правда, по преимуществу, лишь показной характер, так как преследовала не столько прямые агрессивные цели, сколько стремилась внушить «подданным» мысль о необходимости твердой власти для предотвращения якобы неизбежных международных конфликтов. Разоблачая эту форму «обмана патриотизма», Толстой прибегает к сатирически-образному сравнению, уподобляя монархов и президентов тому плуту-«цыгану, который, насыпав своей лошади перца под хвост, нахлестав ее в стойле, выводит ее, повиснув на поводу, и притворяется, что он насилу может удержать разгоряченную лошадь».

Во-вторых, Толстой разоблачает и ту разновидность лицемерного «патриотизма», посредством которого самодержавие пыталось парализовать или хотя бы сдержать все растущие революционные настроения трудящихся. Создаваемая этим путем удушливая атмосфера ненависти, презрения и недоверия к «инородцам», естественно, не только не могла не препятствовать солидарности трудящихся различных наций, но служила рассад-

ником слепой розни среди них. И Толстой, вопреки даже своему неприятию всякого, в том числе и революционного, «насилия», не мог, однако, не поднять голоса против тех неблагоприятных мероприятий, которые «употребляются правительствами для привития народам... патриотизма и подавления в них... идей социализма».

Но самый резкий протест со стороны Толстого вызвала третья разновидность лжепатриотизма, преступно используемая правящими кликами именно в явно милитаристских целях, которая далеко не всегда сразу проявлялась в форме военных союзов или грозных коалиций. Кровавая бойня нередко подготавливается задолго до ее начала путем торжественных с виду патриотических манифестаций, — вроде тех пышных тулонских празднеств, которые были организованы русским самодержавием и французской буржуазной республикой и преследовали в будущем агрессивные планы против Пруссии. Толстой с полным основанием подчеркивал поэтому, что разжигаемые буржуазными правительствами шовинистические инстинкты

неизбежно должны приводить в конце концов к войнам — к тем «обычным злодеяниям, которые всегда вытекают из патриотизма» такого извращенного толка. Ибо ими маскировалась хищная фигура агрессора, стремившегося посредством военных насильий к захвату чужих территорий. И эти «патриотические» манифестации Толстой саркастически приравнивал к коварным умыслам уголовных элементов, образно уподобляя их на сей раз тем «оргиям и пьянствам, которым предаются злоумышленники, готовясь на совместное преступление».

Наконец, Толстой счел необходимым подвергнуть резкой критике и способы, при помощи которых насаждался лицемерный, официальный патриотизм. Это обуславливалось тем, что «средства искусственного возбуждения» его были «так могущественны, что правительства и правящие классы» в любое время «могли по произволу вызвать какую они хотят патриотическую манифестацию».

К этим средствам Толстой относит казенные учебные заведения, официальную церковь, продажную прессу, шовинистические

произведения литературы и искусства — специально создаваемые и составляемые в лжепатриотическом духе «школьные учебники, службы, проповеди, речи, книги, газеты, стихи, памятники». К «исключительным средствам», представляющим собою хотя и «временные», но даже более эффектные мероприятия для «искусственного возбуждения» патриотического чувства, принадлежат царские «коронации», военные «маневры» и «смотры», международные «визиты» армии и флота, различные «манифестации», обращаемые в пышные «празднества» и «торжественные зрелища», сопровождаемые пушечными залпами, колокольным звоном, военными оркестрами, феерической иллюминацией и т. д.

Толстой, глубоко связанный с трудовым людом, не мог не видеть, что эти меры искусственного разжигания патриотизма отнюдь не воздействовали сколько-нибудь на широкие массы народа, а, наоборот, овладевали лишь совершенно незначительной, «составлявшей только одну крошечную, десятитысячную часть» его, притом наиболее отсталыми его слоями; и это демагогически «выдава-

лось потом за постоянное выражение воли всего народа». Поэтому Толстой совершенно прав был, когда утверждал, что такой «воображаемый патриотизм» действительно чужд трудящимся массам.

Во всех этих обличительных суждениях Толстого, таким образом, оказалась сокрушительная сила его критики, приобретающая подчас необычайное социально-политическое звучание.

Вместе с тем Толстой, страстно борясь против лживого патриотизма правящих классов, впадал в иную крайность.

На фактах враждебного отношения крестьян к политике царизма, их отчужденности от государственных интересов Толстой стремился доказать полное отсутствие в народных массах патриотических чувств вообще. «Я прожил полвека среди русского народа и... в продолжение всего этого времени ни разу не видал и не слышал проявления или выражения этого чувства патриотизма... — писал он. — Я никогда не слышал от народа выражений чувств патриотизма, но, напротив, беспрестанно от самых серьезных, почтенных

людей народа слышал выражения совершенного равнодушия и даже презрения ко всякого рода проявлениям патриотизма».⁹

Он даже утверждал предвзято, что русский крестьянин всегда якобы предпочтет плохому земельному наделу на родине «несколько большие и лучшие угодья... где-либо вне России, в Пруссии, Китае, Турции, Австрии». Или что ему будто бы безразлично, «в чье войско отдавать своих сынов».

В качестве аргумента для подтверждения этой своей мысли Толстой передал разговор своего знакомого помещика с крестьянином-старостой о «вмешательстве французского правительства в наши дела» накануне второго польского восстания 1863 г. и о возможной поэтому войне с Францией:

«— Зачем же нам воевать? — спросил староста.

— Да как же позволить Франции распоряжаться у нас?

— Да ведь вы сами говорите, что у них лучше нашего устроено, — сказал староста».¹⁰

Здесь Толстой-публицист противоречит Толстому-художнику, который в своем рома-

не «Война и мир» превознес тот подлинный «скрытый (latent) патриотизм, который выражается не фразами, не убийством детей для спасения отечества и тому подобными противоестественными действиями, а который выражается незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты». Ибо «для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли, или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего»,¹¹— художественно-публицистически писал тогда Толстой.

В таком порочном кругу оказался Толстой при обсуждении проблемы патриотизма вследствие того, что он руководствовался не конкретным социально-историческим критерием, а исходил из своего утопического морально-религиозного идеала.

Вот почему, разоблачая буржуазный патриотизм, которому сопутствует безудержная политическая и шовинистическая пропаганда, «предпочтение своего государства или народа всякому другому государству и народу», Толстой, верный своей религиозной догме,

пришел к отрицанию патриотизма вообще.

Патриотическое чувство, писал он, «вовсе не высокое, а, напротив... очень безнравственное»; и «безнравственно потому, что оно неизбежно влечет всякого человека, испытывающего его, к тому, чтобы приобрести выгоды для своего государства и народа в ущерб другим государствам и народам, — влечение прямо противоположное основному, признаваемому всеми нравственному закону: не делать другому и другим, чего бы мы не хотели, чтобы нам делали». И одну из глав Толстой заключил следующими недоуменно-риторическими вопросами, которые не могли не ослаблять силу его сокрушительной критики: «...какое же значение может иметь это чувство в наше христианское время? На каком основании и для чего может... русский пойти и убивать французов, немцев или француз немцев», когда каждый из них, даже из наименее образованных, якобы «знает очень хорошо», что «люди другого государства и народа, к которому возбуждается его патриотическая враждебность», несомненно, «точно такие же люди-христиане, как и он?»

Толстой проявил большой интерес к этическим проблемам. Вслед за статьей «Христианство и патриотизм» он пишет другую, озаглавленную им «Религия и нравственность».

Идеалистические предпосылки мировоззрения Толстого при трактовке и данного вопроса привели его все к тем же противоречиям.

Толстой резко и убедительно осуждает сложившиеся этические нормы, различая в них две одинаково не приемлемые для него разновидности. Одна из них — это, по словам Толстого, «нравственное учение первобытное, дикое», в основе которого лежало «стремление к благу отдельной личности», к «личному наслаждению», преследовало узко эгоистические цели. Возникновение же второй разновидности учения о морали приурочивалось Толстым к античности. Он именовал ее «общественной», так как она «пользование личным благом допускала только в той мере, в которой оно приобреталось... известной совокупностью личностей». Однако и эта своего рода альтруистическая мораль не была принята Толстым за «высшую нравственность»,

так как она тоже преследовала, подобно первой, лишь «земные», «мирские» цели. Историзм этой своеобразной периодизации Толстого носил чисто внешний характер, по существу же он исходил только из отвлеченных категорий нравственности, будто бы в той или иной мере повторяющихся в разные эпохи. Так, к указанной второй разновидности он причисляет не только мораль «древнего римского и греческого мира», но также нравственные учения «отчасти средней и новой истории» и относит к ней даже «нравственность большинства женщин, жертвующих личностью для блага семьи и, главное, детей». Словом, обе этические разновидности Толстой в равной мере пренебрежительно называет «языческими».

Причины упадочного состояния буржуазной этики Толстой, игнорируя законы общественного развития, видит лишь в ее связи с буржуазной философией и наукой, проникнутыми либо духом эгоистических устремлений, либо мнимым альтруизмом. Именно эти хищнические цели, по утверждению Толстого, преследовали как откровенно собственни-

ческие, так и лицемерно-либеральные научные школы, начиная с древнейших времен, в особенности же с эпохи Ренессанса, и кончая его современностью. «Языческая наука, — писал он, — восстановленная во времена Возрождения, процветающая и теперь в нашем обществе, всегда была и продолжает быть исследованием всех тех условий, при которых человек получает наибольшее благо, и всех тех явлений мира, которые могут доставить его».¹² Особенно же ожесточенно выступил Толстой, против эволюционной теории с ее принципом «борьбы за существование». Ибо, согласно ей, наиболее приспособленный («способнейший», как переводит писатель дарвиновский термин «the fittest») не только не признает альтруистической «жертвы личности», но стремится к тому, «чтобы погибнуть не ему», а «другому, неспособнейшему». Не упоминая самого Дарвина, Толстой критикует его последователей — английского профессора-эволюциониста Гексли, русского профессора-дарвиниста Бекетова и т. п.

Но, совершенно резонно осуждая собственническую мораль и поддерживающие ее бур-

жуазную философию и науку, Толстой выступает также и против подлинно научной точки зрения, рассматривающей нравственность как одну из существенных форм общественного сознания. Он упорно отрицает классовый характер морали. «Утверждать, что социальный прогресс производит нравственность, всё равно, что утверждать, что постройка печей производит тепло», — не без иронии писал Толстой.

Вся статья Толстого пронизана мыслью о тесной взаимосвязи религии и нравственности. «Без религиозной основы не может быть никакой настоящей, непритворной нравственности, точно так же, как без корня не может быть настоящего растения», — читаем в одном месте. «Нравственность не может быть независима от религии, потому что она не только есть следствие религии... но она включена уже, *impliquée*, в религии», — таков вывод, к которому приходит Толстой.

В противовес «языческой» морали Толстой выдвигает патриархально-утопический идеал «христианской» этики, которая, отрицая личное наслаждение и признавая лишь пол-

ное «самоотречение» от всех «мирских» целей, определила «извечные» и «всеобщие» нравственные нормы. «Христианская этика — определял Толстой, — ...требует не только жертвы личности для совокупности личностей, но требует отречения от своей личности и от совокупности личностей для служения богу».

В самой тесной связи с только что рассмотренной статьей стоят еще две работы Толстого, помещаемые в данных томах: статья «Богу или маммоне?» и незаконченная заметка «Религия и наука». В статье «Богу или маммоне?» изобличается Толстым алкоголизм, вызываемые им «грехи» и «соблазны» в виде «прелюбодеяния», «убийства», «воровства». И точно так же трактовка тем, затрагиваемых в обеих этих статьях, в полной мере обнаруживает все те же «силу» и «слабость» толстовской публицистики.

Известную группу в пределах данного цикла составляют также работы Толстого, непосредственно посвященные проблеме христианства: «Христианское учение» и «Как читать евангелие и в чем его сущность?».

По своей тематике они примыкают к таким более ранним толстовским сочинениям, как «Исповедь», «В чем моя вера?», «Соединение, перевод и исследование четырех евангелий». И, подобно им, статьи эти также отличаются непримиримым антиклерикализмом. Толстой беспощадно разоблачает в них ханжеское использование церковью с помощью внешней обрядности и лжетолкования богослужебных текстов, христианского мировоззрения в своих реакционных и своекорыстных целях. «Если я писал книги о христианском учении, то только для того, чтобы доказать неверность тех объяснений, которые делаются толкователями евангелий», — указывал он во второй из названных работ.

И Толстой стремится совлечь с евангельского текста веками создававшийся вокруг него мистический ореол и установить «читательское» отношение к нему как именно к «книге». Более того, Толстой даже подчеркивает текстологическое его несовершенство; это, по его словам, «книга, прошедшая через многие соединения, переводы и переписки, составленная восемнадцать веков тому назад

людьми малообразованными и суеверными».

Вследствие этого, приводит Толстой читателя к антицерковному выводу, «евангелие никак не есть непогрешимое выражение божеской истины, а произведение бесчисленных рук и умов человеческих, исполненное погрешностей, и потому ни в каком случае не может быть принимаемо, как произведение св: духа, как это говорят церковники».¹³

Но в то же время Толстой противопоставляет официальной церкви не атеизм в собственном смысле слова, а религиозное миропонимание, только очищенное от догматики и предвзятых искажений. Он признает его необходимейшим условием людского существования. «Человек без религии... так же невозможен, как человек без сердца», — подчеркивает он.

Толстой отвергал «метафизику религии»; для него последняя была тождественна искажениям «смысла жизни» и своеобразному мирозерцанию. «Сущность всякой религии, — утверждал он, — состоит только в ответе на вопрос: зачем я живу и какое мое отношение к окружающему меня миру». Однако если для

Толстого, по его собственным словам, Христос и не «бог», как утверждало «учение церкви», то все же «великий учитель»; в евангелии, очищенном, правда, от лжетолкований, он «нашел истину», то есть якобы все то, «что нужно людям», — проповедь морального самосовершенствования, евангельского смирения, непротивления злу насилием.

Такое двойственное отношение великого писателя к религиозным вопросам неоднократно и необычайно остро критиковал Ленин. У Толстого «борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс»,¹⁴ — писал он, ибо Толстой явно обнаруживал «стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению».¹⁵

Второй, самый обширный, цикл работ, входящих в настоящие томы, составляют своеобразные «компиляции» Толстого.

Это — различные своды мыслей, собрания изречений, сборники афоризмов и т. п., принадлежащие многочисленным философам, писателям, ученым, публицистам «разных стран и разных веков».

Работа писателя над данными сборниками не была просто механической, а представляла собою тоже в известной мере творческий процесс. Это проявлялось прежде всего в том, что в них включались и собственные мысли и афоризмы Толстого. Затем комплектование изречений производилось здесь не только не случайно, но, наоборот, путем глубоко осмысленного отбора с определенных идейных позиций. И к этой стороне составительской работы Толстого вполне применимы следующие строки Лабрюйера, которые сам писатель включил в одну из этих компилятивных работ: «Выбор чужих мыслей требует работы собственной мысли». Яркий отпечаток тол-

стовской индивидуальности лежит и на характере систематизации введенных сюда мыслей, изречений, афоризмов. Наконец, творческой была и переводческая деятельность Толстого, переводы которого отличались высоким мастерством.

Вполне естественно поэтому, что и на этих составительских работах Толстого должны были также сказаться «кричащие противоречия», вообще присущие его мировоззрению и творчеству, его «сильные» и «слабые» стороны.

При создании сборников подобного рода Толстой руководствовался следующими предпосылками.

Одна из них заключалась в том, что «все лучшие люди прежнего и нашего времени» не только задумывались над вопросом о смысле жизни, но и давали сходные ответы на него, хотя и с различной степенью четкости. И если, по представлению Толстого, христианское учение изложило этот ответ с наибольшей простотой и силой, то все же и оно «не есть даже исключительное откровение Христа». Ибо, как утверждает Толстой, не под-

лежит никакому сомнению, что «этот самый ответ на вопрос жизни более или менее ясно высказывали все лучшие люди человечества и до и после евангелия, начиная с Моисея, Исаии, Конфуция, древних греков, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха и всех тех, часто незаметных и не прославленных людей, которые искренно, без взятых на веру учений, думали и говорили о смысле жизни».¹⁶ Отсюда широта и многообразие привлекаемого Толстым материала для своих сборников.

Вторая предпосылка, из которой исходил великий писатель при подготовке этих компиляций, это его классификация философского мышления. «Деятельность человеческого разума по отношению познания законов, управляющих жизнью людей, — писал Толстой в предисловии к одной из таких работ, — всегда проявлялась двояко. Одни мыслители старались привести в определенную связь и систему все явления и законы жизни человеческой». И к ним он причислял таких «систематизаторов», как Аристотель, Спиноза, Гегель и т. п. «Другие же, — продолжает он, —

содействовали познанию законов человеческой жизни не стройными системами, а отдельными наблюдениями над этой жизнью, меткими выражениями».¹⁷ Среди них Толстым назывались античные «мудрецы», «составлявшие сборники изречений», и особенно французские мыслители XVII—XVIII столетий, доведшие эту форму до высшей степени совершенства, — Монтескье, Лабрюйер, Паскаль и др.

Каждый из этих типов мышления имеет, по мнению Толстого, свои достоинства и недостатки. Если первый привлекает «связностью, полнотой, стройностью», то он достигает этого лишь путем «искусственности построения», смысловых натяжек. И наоборот, второму образу мышления присуща «отрывочность», а подчас и «внешнее противоречие», но он, с другой стороны, отличается «стремительностью мысли» и «новизной».

Толстой оказывал предпочтение именно «второму роду», «главное преимущество» которого в том, что он не только не «ослабляет ум читателя», а, напротив, импульсирует его в сторону «дальнейших выводов» и «неожжи-

данных заключений».

Замысел компиляций такого рода возник у Толстого еще в 80-х годах, и предназначались они для самого широкого круга читателей. «Надо себе составить Круг чтения: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаоцы, Будда, Паскаль, евангелие. Это и для всех бы нужно»,¹⁸ — записывает он в Дневник 15 марта 1884 г. А еще через год с лишним Толстой не только повторяет в одном из писем ту же мысль, но и уточняет ее. «Очень бы мне хотелось составить Круг чтения, — сообщал он Черткову 4—5 июня 1885 г., — т. е. ряд книг и выборки из них, которые все говорят про то одно, что нужно человеку прежде всего, в чем его жизнь, его благо».¹⁹ Однако план этот долго еще все не приводился им в исполнение; и три года спустя Толстой вновь писал о нем даже с сокрушением. «Вопрос о том, что читать доброе по-русски? заставляет меня страдать укорами совести. Давно уже я понял, что нужен этот круг чтения, давно уже я читал многое, могущее и долженствующее войти в этот круг, и давно я имею возможность и перевести, и издать, — и я ничего этого не сделал»,²⁰ — писал он Г. Ру-

санову в конце февраля 1888 г.

Непосредственно к составлению этих компилятивных работ Толстой приступил лишь двадцать лет спустя после возникновения первого их замысла — в 1903 г. Но зато он уже не прекращал работу над ними до самых последних дней своей жизни, нередко работая над одним и тем же сборником по нескольку лет, а подчас параллельно и с другими работами подобного же типа.

Толстой придавал этим компиляциям многообразные формы, все совершенствуя их. Несмотря на общность идейного содержания, каждая из них отличалась друг от друга и составом включаемых фрагментов и внутренней структурой. Одни из них были стройно систематизированы, в других же, наоборот, материалы приведены без особых внешних подразделений; некоторые состояли из отрывков нескольких авторов, иные же, напротив, посвящены были одному и тому же мыслителю. При всем том, однако, эти сборники можно довольно отчетливо разбить на две основных группы.

Первую из них — и по времени возникно-

вения и по степени сложности — составляют компиляции календарного типа. В настоящих томах к ним относятся самый ранний опыт Толстого в данном направлении — «Мысли мудрых людей на каждый день» и последовавший за ними «Круг чтения».

Выбор Толстым такого именно жанра для своих сборников обычно непосредственно связывают со случайным обстоятельством — с одним фактом биографии писателя: «Во время тяжелой болезни Л. Н. Толстого в январе 1903 г., когда жизнь его висела на волоске и он не мог отдаваться привычной работе, он все же... по привычке, ежедневно отрывая находившийся в его спальне календарь, прочитывал собранные там изречения различных великих людей. Но календарь прошлого года подошел к концу, и Льву Николаевичу, за неимением другого под руками, захотелось самому составить себе выдержки из разных мыслителей на каждый день. Ежедневно, находясь в постели, насколько позволяли ему силы, он делал эти извлечения, и результатом этого труда явилась предлагаемая читателям книга»,²¹ — сообщали в своей заметке

первые издатели «Мыслей мудрых людей на каждый день». И эта же версия поддерживалась и в некоторых работах о Толстом.²²

Между тем это личное обстоятельство явилось лишь внешним толчком обращения к такой форме; подлинным ее источником послужила одна из древнерусских литературных традиций, творчески воспринятая Толстым, разрабатывавшая жанр многообразных старинных сборников для чтения в определенные дни года, а именно: «Четьи-минеи», «Пролог», «Святцы», «Месяцесловы» и т. п., представляющие собою пространные и краткие жизнеописания «святых» или простые перечни их и расположенные именно в календарной последовательности по числам и месяцам года. Все они не только были хорошо известны Толстому, но и использованы им и как источник для «народных» рассказов и пьес, и в качестве материала для публицистических работ, и как образец стиля и структуры.

Сборник «Мысли мудрых людей на каждый день», представляющий собою самый ранний вариант этих компилятивных работ

Толстого, в отличие от поздних был еще сравнительно невелик по составу и относительно примитивен по структуре. Он хотя и содержал изречения и произведения классиков русской литературы, сочинения писателей и мыслителей Западной Европы и Восточной Азии, античных и современных авторов, однако круг вовлеченных сюда имен был еще недостаточно широк, а число включенных мыслей каждого из них весьма скромно.

Впрочем, и здесь уже встречаются изречения как всемирно знаменитых, так и малоизвестных философов, религиозных мыслителей, писателей, ученых, — притом самых различных школ и направлений, а также извлечения из фольклорных сборников, «священных» книг и т. п. Наиболее часто приводятся тут высказывания древнегреческого философа Эпиктета и древнеримского Марка Аврелия, французского мыслителя Паскаля, английского — Рескина, китайских мудрецов Конфуция и Лао-Тзе, самого Толстого, а также выдержки из евангелия и талмуда. Наряду же с этими неоднократно повторяющимися именами тут находятся и отдельные «мысли».

других «мудрых людей», таких, как Платон, Аристотель, Сенека, Кант, Шопенгауэр, Рюккерт, Гартман, Даниэль, Леббок, Бентам, Карлейль, Спенсер, Смайльс, Блекки, Спиноза, Чокке, Лактанций, св. Августин, Рамакришна, Лютер, Гончаров, Достоевский, Ювенал, Вольтер, Руссо, Вовенарг, Род, Гёте, Шиллер, Клингер, Рихтер, Теккерей, Гумбольдт, Вильмен. Кроме того, здесь же приведено немало русских, арабских, китайских пословиц и поговорок и, наконец, изречения из сборников «мудростей» — китайской, буддийской, браминской.

И в композиционном отношении «Мысли мудрых людей на каждый день» еще не обладали совершенной систематизацией изречений для сборников этого рода. Правда, и здесь уже все текстовые материалы разбиты были на двенадцать месяцев, а внутри каждого из них в свою очередь мысли были распределены согласно соответственным месяцам по 30 и 31 дням, в феврале же по 29 дням (с учетом високосных лет). Однако, во-первых, на каждый из дней приходилось покуда чаще всего по одному только изречению, иногда — по

два-три и лишь в редчайших случаях по несколько большему числу их. Во-вторых, хотя тут и затронуты были в общем основные темы и идеи развиваемого Толстым «определенного жизнепонимания», но четкой систематизации их не было достигнуто, и только рядом стоявшие изречения в пределах одного и того же дня были более или менее связаны между собою.

Впервые выпущенные в свет в 1903 г. «Мысли мудрых людей на каждый день» неоднократно затем переиздавались и однажды даже в виде отрывного календаря.

Но и после этого Толстой не прерывал работы по дальнейшему отбору, переводу и редактированию все новых и новых мыслей из самых различных источников с целью усовершенствования первого своего компилятивного опыта. И уже в самом начале 1904 г. он записал в своем Дневнике об этих занятиях наряду с другими работами: «Занят тоже исправлением «Мыслей».²³

Однако по существу это было не просто переработкой прежней книги, а уже качественно иным сборником — и по составу, и по ха-

рактеру, и даже по объему. Он и стал известен под заглавием «Круг чтения», хотя в начале работы над ним Толстой и называл еще его по инерции «новым календарем». Толстой и прямо подчеркнул это в одном из своих писем Г. А. Русанову: «Я занят последнее время составлением уже не календаря, но Круга чтения на каждый день».²⁴

Процесс работы над этой второй компиляцией оказался не только гораздо длительнее, но и более трудоемким и протекал значительно сложнее. В записях своего Дневника Толстой то отмечал, что он «очень занят Кругом чтения», то указывал, что хотя «работа подвигается, но очень ее много», что «еще много работы», так что он и «не знает, где остановится»; то Толстой сетовал на *то*, что общее направление нового сборника «уясняется, но еще трудно», что «чем дальше, тем больше видишь, что могло бы быть лучше». И в течение всего периода работы над «Кругом чтения» он неоднократно переходил от состояния творческой уверенности к тягостным сомнениям: то он ощущал «увлечение самой работой», чувствовал, что «это радостная рабо-

та»; то, наоборот, в ее «достоинстве сомневался, скорее склоняясь думать, что плохо». А однажды Толстой остановился даже перед мыслью, не напрасно ли расточает он остаток жизненной энергии на эту работу. «Всё занят Кругом Чтения и боюсь, что даром трачу остатные силы»,²⁵ — записал он в конце того же года.

И все же в результате этой напряженной и долгой работы в 1906 г. «Круг чтения» был выпущен в свет. Он значительно отличался от предыдущего сборника. Даже с чисто внешней стороны, вместо прежней тонкой книжки, «Круг чтения» представлял собою уже два очень объемистых тома. Особенно же превосходил он «Мысли мудрых людей» своим составом. Сам Толстой, лишь бегло касаясь этой стороны нового своего сборника при работе над ним, перечислил целый ряд дополнительных источников: читаю «всё это время, не говоря о Марке Аврелии, Эпиктете, Ксенофоне, Сократе, о браминской, китайской, буддийской мудрости, Сенеку, Плутарха, Цицерона и новых: Монтескье, Руссо, Вольтера, Лессинга, Канта, Лихтенберга, Шопенгауэра,

Эмерсона, Чаннинга, Паркера, Рёскина, Амие-ля и др.».²⁶ Но это только незначительная часть новых имен, вошедших в самый текст новой компиляции. Вообще же если в сборник «Мысли мудрых людей» включены всего лишь сорок один автор и восемь сборников, то в «Круг чтения» было включено свыше двухсот пятидесяти имен мыслителей и писателей, а сборных источников около пятидесяти. Притом несравнимо большее количество изречений извлекалось из работ одного и того же автора.

Во-вторых, и с внутренней стороны новая компиляция была более упорядочена, нежели первая. Прежде всего самый отбор выдержек носил здесь менее случайный характер, так как, по утверждению самого автора, «Круг чтения» был «составлен из лучших мыслей самых лучших писателей». Затем в «каждом дне» его содержалось уже значительно больше изречений, чем прежде: пять-шесть их было уже не редкостью, а обыденным явлением, иногда же их насчитывалось свыше десятка. Более организована была и классификация мыслей: все выдержки, приуроченные к опре-

деленной дате, были не только взаимосвязаны, но все посвящались одной какой-нибудь теме, причем, помимо «нумерованных» изречений, каждый из дней открывался и замыкался двумя обобщающими мыслями, игравшими роль как бы экспозиции данной темы и ее концовки. Наконец, в «Круг чтения» было введено и совершенное новшество — «Недельные чтения»; это были главным образом художественные произведения, отобранные под все тем же идейным углом зрения, содержащие проповедь морального совершенствования и принадлежавшие многим русским и иностранным писателям, в том числе и самому Толстому; рассказы эти помещались после каждых семи дней и представляли собою как бы итог за неделю.

Первое издание «Круга чтения» появилось в 1906 г. Но и эту компилятивную работу Толстой не считал пределом совершенства. Вот почему он предпринял еще две попытки в том же направлении — «На каждый день» и «Путь жизни».

Помимо календарного типа, у Толстого (как упоминалось выше) имеется и другая

группа компилятивных работ, которые можно было бы назвать «сплошными». Они тоже являются сборниками изречений, но систематизированы главным образом по авторам и в меньшей мере по темам.

Эти компиляции Толстого также опирались на определенные литературные традиции, творчески им освоенные и преобразованные. Они восходили к древнерусскому же «изборнику», озаглавленному «Пчела» и содержавшему изречения античных и раннехристианских авторов, а также пословицы, притчи и т. п., и к древнегреческим, латинским, христианско-мистическим, французским и другим сборникам мыслей и афоризмов. Толстой при работе над этими своими компиляциями прямо указывал на то, что и некоторые из них он частично использовал.

Самым показательным образцом работ Толстого подобного типа может служить составленный при его ближайшем участии сборник «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье». Сюда же должны быть отнесены и книжечка

мыслей, озаглавленная «Для души», а также «Избранные мысли Магомета, не вошедшие в Коран», «Изречения Лао-Тсе» и различные разрозненные изречения.

Эти работы по отбору изречений и мыслей различных мыслителей не только приносили Толстому творческое удовлетворение, но он, как сам выразился в связи с одной из таких работ, «испытал» именно «при ее составлении» «благотворное чувство», которое также затем «продолжал испытывать при ее перечитывании».

Толстой понимал, что, при поверхностном взгляде, включенные им в эти сборники имена «древних и новых мыслителей разных народов» могут казаться совершенно несопоставимыми, но сам он остро чувствовал общность и сходство их идейных исканий «смысла жизни». «Я по себе знаю, какую это придает силу, спокойствие и счастье — входить в общение с такими душами, как Сократ, Эпиктет, Arnold, Паркер (странно это сопоставление, но для меня оно так)»,²⁷ — писал он в упоминавшемся уже письме к Черткову. Каждый

из месяцев в этих компиляциях, по его утверждению, заключал «в себе изложение одного и того же определенного жизнепонимания, религиозно-нравственного, из которого вытекает и руководство поведения».²⁸

Внутренняя сущность этого «жизнепонимания» характеризуется в известной мере уже предметным указателем, который был составлен самим Толстым к одной из компиляций. Среди его рубрик имеются такие, которые указывают на критический, обличительный характер ряда приводимых в сборниках изречений, как, например: «Богатство», «Война», «Насилие», «Наказание», «Гордость», «Тщеславие», «Одурманивание» и т. д. и т. д. Но тут же им противостоят рубрики, свидетельствующие о религиозно-утопической трактовке многих тем, а именно: «Вера», «Дух», «Бог», «Божественная природа души», «Божественность природы человека», «Слияние своей воли с волей бога», «Самосовершенствование», «Самоотречение», «Молитва», «Покаяние», «Единение», «Юродство» и т. п. и т. п.

На компилятивных работах Толстого ска-

зывались, хотя и по-своему, те же «кричащие противоречия», что и в его публицистических статьях на философско-религиозные и этические темы.

Так, одной из основных идейно-тематических линий сборников является антиправительственная пропаганда, выраженная в ряде изречений. При помощи высказывания Паскаля он снимал ореол, создаваемый вокруг носителя монархической власти, саркастически подчеркивал его постоянный трепет перед угрозой революционного восстания: «Обыкновенно думают, что жизнь короля есть самая лучшая жизнь. Однако если король останется без развлечения... то он увидит свое несчастное положение, вспоминая о всем том, что угрожает ему: о неповиновении, о беспорядках, болезнях, смерти. И потому король, если он не развлекается, несчастнее последнего своего подданного».²⁹ Но при этом Толстой не только не призывал к эффективному низвержению самодержавия, но старался отвлечь от непосредственной борьбы с ним, ограничиваясь, напротив, лишь проповедью непротивления злу насилием. «Вот

тюрьма; какой вред мне, моей душе, от того, что она стоит. Зачем мне разрушать ее, зачем нападать на людей, производящих насилие, и убивать их? Их тюрьмы, цепи, оружие не поработят моего духа. Тело мое могут взять, но дух мой свободен... А как я дошел до этого? Я подчинил свою волю воле бога»,³⁰ — говорил он устами Эпиктета в том же сборнике.

Столь же противоречиво было отношение Толстого и к другой трактуемой в компилятивных сборниках теме — к вопросу о капиталистическом строе с его хищнической эксплуатацией. Он неоднократно и с разных сторон возвращался к нему. Например, под датой 12 сентября в тех же «Мыслях мудрых людей на каждый день» Толстой помещает изречение Рёскина, в котором бичуется кровавый «закон» капитализма, предательски маскируемый «современными сиренами» — либералами: «Сентиментально проповедуя устами заповедь о «любви к ближнему, как к самому себе», люди на деле, словно дикие звери, вцепляются когтями в этих ближних и попирают их ногами, причем, кто только может, живет трудами других». Однако тут же встре-

чаются высказывания Гартмана о том, что это хищничество исчезнет не путем разрушения основ буржуазного строя, а «только через личное самосовершенствование», что «улучшение общественного зла может быть достигнуто тем, что люди усвоят более высокое мирозерцание и сами сделаются лучше, поступая соответственно своему мирозерцанию. И потому тщетны все попытки улучшить жизнь мира до тех пор, пока сами люди не станут лучше; улучшение каждого отдельного человека есть вернейшее средство улучшения жизни мира».³¹ В сборнике «Круг чтения» Толстой устами Генри Джорджа протестует против порабощения большинства привилегированным меньшинством: «Устройство нашего мира таково, что тысяча людей, работая вместе, могут произвести во много раз больше, чем сколько могла бы произвести та же тысяча человек, работая порознь. Однако это не доказывает еще необходимости того, чтобы девятьсот девяносто девять человек делались, в сущности, рабами одного».³² С другой же стороны, Толстой отрицает обобществление производства и социалистический пере-

ворот, а, наоборот, противопоставляет последнему реакционный евангельский «социализм», исповедуемый Эрнестом Лесиным, который полагал, что «существует два рода социализма... Один желает, чтобы управляемый класс стал правящим; другой желает уничтожения классов. Один верит в социальную войну; другой только в дела мира... Один уже прошлое, другой — будущее».³³ Достаточно красноречивыми свидетельствами о крайней противоречивости толстовских компиляций служат и суждения включенных в них мыслителей по общетеоретическим проблемам социологии, экономики, этики.

Весьма показателен в этом отношении день 11 апреля в «Мыслях мудрых людей на каждый день», посвященный, на первый взгляд, теме непрестанной борьбы как закону человеческой жизни, которая решается Толстым чисто идеалистически. «Жизнь как отдельного человека, так и всего человечества, — утверждает сам писатель, — есть непрестанная борьба плоти и духа. В борьбе этой дух всегда остается победителем, но победа эта никогда не окончательная, борьба

эта бесконечна; она-то и составляет сущность жизни». ³⁴

Взаимно исключают друг друга и утверждения, посвященные проблеме социального равенства (от 7 февраля). Нарушение его признается преступлением; установление же его считается не только необходимым, но и вполне осуществимым. «Не верь тому, что равенство не может быть достигнуто, или что оно может быть достигнуто только в далеком будущем... Оно сейчас может быть достигнуто», — категорически формулируется в одном из афоризмов. Однако, противореча самому себе, Толстой тут же в другом изречении не менее категорически утверждает, что социальное неравенство может быть уничтожено не реформами и не революционным путем, а лишь «христианскими» взаимоотношениями людей между собою: «Равенство не может быть осуществлено, как это думают, гражданскими мероприятиями, оно осуществляется только любовью к богу (добру, истине) и к людям. Любовь же к богу и людям внушается людям не гражданскими мероприятиями, а истинным религиозным учением». ³⁵

В «Круге чтения» много говорится о преступности тунеядства и обязательности трудовой деятельности для человека как с физической, так и с социальной и моральной точек зрения. «Освобождение себя от труда есть преступление», — гласит вступительное изречение к 19 февраля и далее: «Работай постоянно, не почитай работу для себя бедствием и не желай себе за это похвалы и участия». Трижды приводятся мнения о том, что помыслы человека «должны быть направлены не на то, чтобы доставить ему покой, а чтобы дать ему силы на труд». Им резко осуждается паразитизм и безнравственность господствующих классов: «Физически невозможно, чтобы... чистая нравственность существовала в тех классах народа, которые не добывают хлеба трудами своими» (Рёскин). Однако, вместо поддержки в трудящихся воли к сопротивлению безнравственным эксплуататорам, Толстой приводит в этом же сборнике мысль Паскаля о тщете якобы всякой «мирской» борьбы вообще и о благотворном воздействии христианского упования. «Как хорошо бывает человеку, когда он истомится в напрасных поис-

как за благом в мирской жизни и протянет, усталый, свои руки ко Христу», — читаем здесь.

Таким образом, было бы ошибочно считать, как это обычно делается, будто указанные объемистые компилятивные работы Толстого отражают лишь слабые стороны его мировоззрения. Не будет ошибочным утверждение, что и в этих работах Толстой, «оставался глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность своей теории».³⁶ И в этом, разумеется, состоит непреходящее значение и перечисленных сборников Толстого.

Публикуемая нами группа работ Толстого, носящая характер биографий отдельных мыслителей, по своему типу и содержанию также примыкает к этим сборникам.

Это — небольшие по размеру заметки, предпосланные им к одной из упоминавшихся выше компиляций, а именно к «Избранным мыслям Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вольтера и Монтескье». Правда, по непонятным причинам об основном из этих авторов

Толстой такого биографического очерка не оставил; отсутствие его, вероятно, случайно и едва ли может быть объяснено особой популярностью Лабрюйера, так как о более (как указывает сам Толстой) «знаменитом Монтескье» он счел все же необходимым написать. Зато здесь даны самостоятельные заметки о каждом из трех остальных названных мыслителей.

На первый взгляд, очерки эти носят чисто справочный характер: даты рождения и смерти, перечень основных биографических фактов, упоминание главных публицистических работ — таковы в общем сведения, даваемые в любом из этих очерков. Однако, несмотря на внешнюю краткость, в них охарактеризован идейный облик каждого из мыслителей, хотя акцент Толстым делается на наиболее близких и созвучных ему сторонах мировоззрения, моментах жизни. И, превознося, с одной стороны, критический дух большинства изречений этих французских философов, Толстой, с другой стороны, стремится подчеркнуть невысокий, при всей знатности происхождения, уровень их образованности, опро-

ценческие тенденции и происшедший в них под влиянием жизненных обстоятельств «духовный кризис», что, по его мнению, способствовало свежести и оригинальности их мысли.

Первая такая заметка была посвящена Толстым французскому мыслителю XVII века Франсуа Ларошфуко — аристократу по крови, но настроенному оппозиционно по отношению к господствовавшему буржуазному обществу, автору книги «Размышления или моральные сентенции и максимы», избранные изречения из которой нашли свое место в указанной компиляции.

Толстого привлекла критическая направленность этого сочинения, в котором с бесстрашной искренностью вскрывались, как рычаг всей современной человеческой деятельности, холодный «расчет», эгоизм. Толстой с восхищением писал по поводу этого: «Хотя во всей книге этой есть только одна истина, та, что самолюбие (себялюбие? — С. Б.) есть главный двигатель человеческих поступков, мысль эта представляется со столь разных сторон, что она всегда нова и порази-

тельна».

Наряду же с этим Толстой с нескрываемым одобрением и умилением отмечал, что герцог Ларошфуко был «мало образован, но очень умен», что он был «человек очень нравственно высокий в своей жизни», что, несмотря на одолевавшие его физические страдания и личные переживания, он «подошел к последнему своему часу без удивления и противления».

Во второй из данных биографических заметок Толстой остановился на обрисовке жизни и деятельности маркиза Луки де Клапье Вовенарга — французского моралиста и литератора XVIII столетия. Он интересовался им давно, еще в 70-х годах. Толстой восторгался «ясным и сильным сочинением» его о «свободе человека». Отдельные мысли Вовенарга и особенно полюбившееся Толстому его изречение — «Великие мысли исходят из сердца» — встречаются и во всех «календарных» компиляциях Толстого, и в его Дневниках, и в переписке. А. основное его сочинение — «Парадоксы попеременно с размышлениями и правилами» — и послужило одним из четы-

рех источников упомянутого сборника «Избранных мыслей».

Литературные работы Вовенарга Толстой ценил прежде всего за их «парадоксальность», резко расходившуюся с общепринятыми понятиями и суждениями. Но он всячески подчеркивал «опрошенческие» устремления у этого мыслителя. Сообщая, что жизнь Вовенарга (ввиду служебных неудач и тяжелых болезней, в результате которых он должен был уехать в свое деревенское поместье) «по внешним условиям была самою несчастною», Толстой утверждает, что это, наоборот, способствовало лишь развитию в нем «высоких умственных и нравственных качеств». И точно так же, указывая, что и Вовенарг «был очень мало образован», Толстой приходит к выводу, что ни это, ни «деревенское уединение» его «не только не помешали его умственной деятельности, но, напротив, много содействовали ее самобытности».

Третий биографический очерк посвящен французскому социологу XVIII века — барону и графу Шарлю Луи Монтескье. С главным произведением его «Дух законов» Толстой

внимательно ознакомился еще на студенческой скамье. Но этому и другим знаменитым произведениям Монтескье он предпочел теперь «мало замеченное и почти неизвестное» собрание его мыслей — именно за «особенный... характер спокойствия и основательности».

В теснейшей связи с только что рассмотренными заметками находится еще один мемуарно-биографический очерк — «Первое знакомство с Эрнестом Кросби». Кросби являлся американским единомышленником Толстого, и поэтому характеристика его облика дана здесь с особой силой. Толстой яркими штрихами запечатлел внешний вид и социальное положение этого «образованного, красивого, богатого, пользовавшегося хорошим общественным положением» филантропа, пожертвовавшего через Толстого «довольно большую сумму денег для пострадавших от неурожая» русских крестьян в 90-х годах минувшего столетия. С трогательным волнением Толстой описывает близкий и понятный ему душевный «переворот», который пережил Кросби, став человеком «цельного хри-

стианского мировоззрения», никогда потом уже не сходя с этой позиции.

Особый цикл работ, печатающихся в настоящих томах, составляют вступительные и заключительные статьи Толстого к работам других авторов. Это — «Предисловие к книге «Жизнь и изречения Кришны», «Послесловие к статье П. И. Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 г.», «Послесловие к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина» и др.

Они по содержанию напоминают собою те же публицистические работы Толстого, затрагивающие острые вопросы современности и трактующие их в том же морально-религиозном направлении, но только в более сжатой форме.

Характерным образцом работ подобного рода является, например, «Послесловие к воззванию «Помогите!», где Толстой бесстрашно выступает, несмотря на царившую тогда политическую обстановку и свирепый цензурный гнет, против жестоких преследований секты духоборов со стороны русского само-

державия.

Толстой уподобляет эти жестокие притеснения неслыханным зверствам первобытной эпохи: он изобличает «ожесточение и слепоту русского правительства», направляющего против беззащитных сектантов «гонения, подобные временам язычников». Но, с другой стороны, Толстой отнюдь не выдвигает сколько-нибудь действенных мер против этих зверств, а ограничивается лишь апологией непротивления независимых, религиозно настроенных духоборов. Он прямо именует их «новыми христианскими мучениками», современными «учениками Христа», в смиренном поведении которых якобы происходит «произрастание того семени, которое посеяно Христом 1800 лет тому назад». Он умиляется этой «антигосударственной сектой», которая путем внутреннего сопротивления «отрицала обязанность подчинения властям», «удивительной кротостью и спокойствием, с которыми переносили эти гонения» духоборы.

Но Толстой не только выступает против бесчеловечных притеснителей духоборов, но также требует к ним чувства «христианской»

любви в такой же мере, как и к самим притесняемым. Своей поддержкой этого воззвания он был, как и его составители, «руководим одним религиозным чувством желая служить... богу и ближним, — как гонимым, так и гонителям».

IV

Наконец, в настоящий том вошли и художественные произведения.

Они, как сказано, не имели здесь самодовлеющего значения, потому что тоже были органически связаны с работами компилятивного жанра.

Поэтому по своему содержанию они носили назидательный характер, а в жанровом отношении одни из них примыкали к фольклорному творчеству, другие — к нравственно-поучительному роду.

К первому роду относится «Календарь с поговорками на 1887 год». Это уже не просто компиляция условно-календарного типа, а календарь в собственном смысле слова — на реальные дни и месяцы определенного года. Он был издан, правда, в форме книжки, но по

своему содержанию распадался на два раздела, соответствовавшие лицевой и оборотной сторонам отрывного календаря. В первом разделе приведены были наименования месяцев и дней недели, числа, именные «святцы», перечень праздников, обозначения «восхода» и «захода» солнца. Во втором же разделе были сосредоточены именно литературные материалы — подлинные народные пословицы «на каждый день» и описания крестьянских «работ» на каждый месяц, представлявшие собою неподражаемый образец «народной» стилизации.

Особенно пословицы эти — как в отношении подбора, так и по своей тематике — носили печать все того же «определенного мирозерцания». Толстой вводит сюда пословицы и поговорки, вскрывающие социальное противоречие между богатством и бедностью. Но он здесь не только не стремится подбором других пословиц указать на иные стороны народного мировоззрения, но наоборот, утверждает преимущество бедности перед богатством. «Богатый в неволе у прихотей своих» (10 III), «Богатому не спится, он вора боится»

(29 I); в противоположность же этому — «Богачи едят калачи, да не спят ни днем, ни в ночи, а бедный чего ни хлебнет, да заснет» (1 VIII), «Бедному горе, а богатому вдвое» (8 I), «Богатство гинет, а нищета живет» (29 V), «Богатство с золотом, а бедность с весельем» (19 III) и т. д.

Столь же противоречивы здесь и сочетания пословиц, в которых отражены сетования народных масс против социального тунеядства, эксплуатации труда, барского землевладения и т. п. Так, с одной стороны, эти общественные несправедливости осуждаются в таких пословицах, как: «Белые ручки чужие труды любят» (7 XII), «Богач деньги бы ел, кабы его убогий не кормил» (20 VII), «Не тот хозяин земле, кто по ней бродит, а тот, кто по ней с сохой ходит» (6 XII) и пр. С другой стороны, Толстой приводит многочисленные пословицы, проповедующие непротивление злу насилием и отчасти дословно знакомые по употреблению их в толстовской публицистике: «Сила не в силе, а в правде» (25 X, ср. также в статье «Христианство и патриотизм»), «Добро помни, а зло забывай» (14 VIII)

и т. д.

В «Календаре» встречается немало пословиц, направленных против современного правосудия: «Хоть бы все законы пропали, да люди правдой бы жили» (18 IX), милитаризма: «Ни моря без воды, ни войны без крови» (16 IX), клерикалов: «Колокольный звон не молитва» (20 XII) и т. п. Однако рядом же с ними имеется ряд пословиц морально-религиозного характера, — о приоритете якобы «духа» над «плотью», например: «Душа тела дороже», «Что телу любо, то душе грубо», «Телу простор, душе теснота» (17 IX, 22 XI) и т. п.

Художественные рассказы, сказки, легенды, введенные Толстым в его сборники, носят также нравственно-поучительный характер. Они предназначались для «Детского круга чтения», издание которого не состоялось, где должны были служить иллюстрацией к философским «изречениям» за неделю. Вследствие этого и все такие произведения, отличаясь друг от друга и по теме и по форме, представляли собой художественное воплощение той или иной из основных идей Толстого и отмечены, стало быть, теми же противоречиями,

что и остальные материалы настоящих томов.

Правда, большинство из этих недельных чтений не оригинально, а заимствовано Толстым из литературного наследия других писателей. Так, «Бедные люди» явились прозаическим, его переводом одного из стихотворных произведений В. Гюго; «Царское новое платье» — переработкой сказки Андерсена; «Шут Палечек» — переделкой рассказа словенского писателя. А. Шкарвана. Но они не просто, разумеется, переведены были Толстым, а настолько им переработаны, что в еще большей степени, нежели самые «изречения», носили черты его гения.

Подводя итог всему сказанному, можно прийти к следующему выводу.

Толстой под влиянием революционных событий в России, с неустрашимым мужеством восставал против жестокостей самодержавия и продажности бюрократии, разоблачал несправедливость состояния землевладения в России и хищническую сущность капиталистической эксплуатации, клеймил пустоту

светской среды и лицемерие либералов, вскрывал тупость военщины и ханжество официальной церкви.

Но все более и более углубляя свое критическое отношение к оценке «сущего», Толстой продолжал оставаться беспомощным утопистом в оценке «должного». Вскрыв сущность зла он не указал, однако, подлинных путей для его преодоления. Толстой отстранился от активной политической борьбы, отрешился от участия в строительстве новой жизни, противопоставив этому проповедь «неучастия в зле», теорию «неделения», как путь к осуществлению своего патриархально-утопического идеала.

И Ленин не только вскрыл эти «сильные» и «слабые» стороны в творчестве Толстого, но и дал им также точную политическую оценку. Он отмечал, что «своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода».³⁷ Но вместе с тем предупреждал: «всякая по-

пытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред».³⁸

Подлинное значение публицистических работ Толстого, как и всех произведений, включенных в настоящие тома, состоит не в тех ошибочных патриархально-утопических идеалах, которыми пронизана каждая из них, а в огромной силе их сокрушительной критики буржуазного общества, в том, что эта критика безусловно сохранила непреходящий характер и по сию пору.

Проф. С. М Брейтбург

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с сохранением особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Пунктуация автора воспроизводится в точности, за исключением тех случаев, когда она противоречит *общепринятым* нормам.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. *неразобр.*], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора делаются с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * при названиях произведений означает, что печатается впервые.

СТАТЬИ 1893—1898

РЕЛИГИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Вы спрашивали меня: 1) что я понимаю под словом «религия» и 2) считаю ли я возможной нравственность, независимую от религии, как я понимаю ее?

Постараюсь по мере своих сил наилучшим образом ответить на эти в высшей степени важные и прекрасно поставленные вопросы.

Слову «религия» приписываются обыкновенно три различных значения.

Первое то, что религия есть известное, данное богом людям истинное откровение и вытекающее из этого откровения богопочитание. Такое значение приписывают религии люди, верующие в какую-нибудь одну из существующих религий и считающие поэтому эту одну религию истинною.

Второе значение, приписываемое религии, то, что религия есть свод известных суеверных положений и вытекающее из этих поло-

жений суеверное богопочитание. Такое значение приписывается религии людьми неверующими вообще или не верующими в ту религию, которую они определяют.

Третье значение, приписываемое религии, то, что религия есть свод придуманных умными людьми положений и законов, необходимых грубым народным массам как для их утешения, так и для сдерживания их страстей и для управления ими. Такое значение приписывают религии люди равнодушные к религии, как религии, но считающие ее полезным орудием государственности.

Религия по первому определению есть несомненная, непререкаемая истина, которую желательно и даже обязательно для блага людей распространять между ними всеми возможными средствами.

По второму определению религия есть собрание суеверий, от которых желательно и даже обязательно для блага человечества всеми возможными средствами избавлять людей.

По третьему определению религия есть известное полезное для людей приспособление,

хотя и не нужное для людей высшего развития, необходимое, однако, для утешения грубого народа и для управления им, и которое поэтому необходимо поддерживать.

Первое определение подобно тому, которое сделал бы человек музыке, сказав, что музыка есть та самая известная ему любимая им песня, которой желательно научить как можно больше народа.

Второе — подобно тому, которое сделал бы музыке человек, не понимающий и потому не любящий ее, сказав, что музыка есть произведение звуков гортанью и ртом или руками над известными инструментами и что надо отучить людей, как можно скорее, от этого ненужного или даже вредного занятия.

Третье — подобно тому, которое бы сделал человек музыке, сказав, что это есть дело полезное для обучения танцам или для марширования, и которое для этих целей надо поддерживать.

Различие и неполнота этих определений происходит от того, что все они не захватывают сущности музыки, а определяют только признаки ее, смотря по точке зрения опреде-

ляющего. Точно то же и с тремя данными определениями религии.

По первому определению религия есть то, во что, по его убеждению, справедливо верит тот человек, который определяет ее.

По второму определению она есть то, во что, по наблюдениям определяющего, несправедливо верят другие люди.

По третьему определению она есть то, во что полезно заставлять верить людей.

Во всех трех определениях определяется не то, что составляет сущность религии, а вера людей в то, что они считают религией. При первом определении под понятие религии подставляется вера того, кто определяет религию; при втором определении — вера других людей в то, что эти другие люди считают религией; при третьем определении вера людей в то, что им выдают за религию.

Но что же такое вера? И почему люди верят в то, во что верят? Что такое вера и откуда она возникла?

Среди большинства людей современной культурной толпы считается вопросом ре-

шенным то, что сущность всякой религии состоит в происшедшем от суеверного страха перед непонятными явлениями природы олицетворении, обоготворении этих сил природы и поклонении им.

Мнение это принимается без критики, на веру культурною толпой нашего времени и не только не встречает возражения в людях науки, но большею частью среди них-то и находит самые определенные подтверждения. Если и раздаются изредка голоса людей, как Макса Мюллера и других, приписывающих религии другое происхождение и смысл, то голоса эти не слышны и не заметны среди всеобщего единодушного признания религии вообще проявлением суеверия и невежества. Еще недавно, в начале настоящего столетия, самые передовые люди если и отвергали католичество, протестантство и православие, как это делали энциклопедисты конца прошлого столетия, то никто из них не отвергал того, что религия вообще была и есть необходимое условие жизни каждого человека. Не говоря о деистах, как Бернарден-де-Сен-Пьер, Дидро и Руссо, Вольтер ставил памятник богу,

Робеспьер устанавливал празднество высшего существа. Но в наше время, благодаря легкомысленному и поверхностному учению Огюста Конта, искренно верившего, как и большинство французов, что христианство есть не что иное, как католичество, и потому в католичестве видевшего полное осуществление христианства, решено и признано культурною толпою, как всегда охотно и быстро принимающей самые низменные представления, — решено и признано, что религия есть только известная, давно уже пережитая фаза развития человечества, мешающая его прогрессу. Признается, что человечество пережило уже два периода: религиозный и метафизический, и теперь вступило в третий, высший — научный, и что все явления религиозные среди людей суть только переживания когда-то нужного духовного органа человечества, уже давно потерявшего свой смысл и значение, в роде ногтя пятого пальца лошади. Признается, что сущность религии состоит в вызванном страхом перед непонятными силами природы признании воображаемых существ и поклонении им, как это еще

в древности думал Демокрит и как это утверждают новейшие философы и историки религий.

Но, не говоря уже о том, что признание невидимых сверхъестественных существ или существа происходило и происходит не всегда от страха перед неведомыми силами природы, как свидетельствуют о том сотни самых передовых и высокообразованных людей прошедшего времени, Сократы, Декарты, Ньютоны, и таких же людей нашего времени, никак уже не из страха перед неведомыми силами природы признававших высшие сверхъестественные существа или существо, — утверждение о том, что религия произошла от суеверного страха людей перед непонятными силами природы, в действительности ничего не отвечает на главный вопрос: откуда взялось в людях представление о невидимых сверхъестественных существах?

Если люди боялись грома и молнии, то они и боялись бы грома и молнии, но для чего же они придумали какое-то невидимое сверхъестественное существо, Юпитера, которое где-то находится и кидает иногда в людей стрела-

ми?

Если люди были поражены видом смерти, то они и боялись бы смерти, а для чего же они «придумали» души умерших, с которыми стали входить в воображаемое сношение? От грома люди могли прятаться, от ужаса перед смертью могли бежать от нее, но придумали они вечное и могущественное существо, от которого они считают себя в зависимости, и живые души умерших не от страха только, а по каким-то другим причинам. И в этих-то причинах, очевидно, и заключается сущность того, что называется религией. Кроме того, всякий человек, когда-либо, хотя бы в детстве, испытывавший религиозное чувство, по своему личному опыту знает, что чувство это всегда вызываемо было в нем не внешними страшными вещественными явлениями, а внутренним, не имеющим ничего общего с страхом перед непонятными силами природы сознанием своего ничтожества, одиночества и своей греховности. И потому человек и по внешнему наблюдению и по личному опыту может узнать, что религия не есть поклонение божествам, вызванное суеверным страхом пе-

ред неведомыми силами природы, которое свойственно людям только в известный период их развития, а нечто совершенно независимое от страха и от степени образования человека и не могущее уничтожиться никаким развитием просвещения, так как сознание человеком своей конечности среди бесконечного мира и своей греховности, т. е. неисполнения всего того, что он мог бы и должен был сделать, но не сделал, всегда было и всегда будет до тех пор, пока человек останется человеком.

В самом деле, всякий человек, как только он выходит из животного состояния ребячества и первого детства, во время которого он живет, руководясь только теми требованиями, которые предъявляются ему его животной природой, — всякий человек, проснувшись к разумному сознанию, не может не заметить того, что всё вокруг него живет, возобновляясь, не уничтожаясь и неуклонно подчиняясь одному определенному, вечному закону, а что он только один, сознавая себя отдельным от всего мира существом, приговорен к смерти, к исчезновению в беспредель-

ном пространстве и бесконечном времени и мучительному сознанию ответственности в своих поступках, т. е. сознанию того, что, поступив нехорошо, он мог бы поступить лучше. И, поняв это, всякий разумный человек не может не задуматься и не спросить себя: для чего это его мгновенное, неопределенное и колеблющееся существование среди этого вечного, твердо определенного и бесконечного мира? Вступая в истинную человеческую жизнь, человек не может обойти этого вопроса.

Вопрос этот стоит всегда перед каждым человеком, и всякий человек всегда так или иначе отвечает на него. Ответ же на *этот* вопрос и есть то, что составляет сущность всякой религии. Сущность всякой религии состоит только в ответе на вопрос: зачем я живу и какое мое отношение к окружающему меня бесконечному миру?

Вся же метафизика религии, все учения о божествах, о происхождении мира, всё внешнее богопочитание, которые обыкновенно принимаются за религию, суть только различные по географическим, этнографическим

и историческим условиям сопутствующие религии признаки. Нет ни одной религии, от самой возвышенной и до самой грубой, которая не имела бы в основе своей этого установления отношения человека к окружающему его миру или первопричине его. Нет ни одного самого грубого религиозного обряда, так же как и самого утонченного культа, которые не имели бы в своей основе того же самого.

Всякое религиозное учение есть выражение основателем религии того отношения, в котором он признает себя, как человека, а вследствие того и всех других людей, к миру или началу и первопричине его.

Выражения этих отношений очень многообразны, соответственно этнографическим и историческим условиям, в которых находятся основатель религии и народ, усвоивающий ее; кроме того, выражения эти всегда различно перетолковываются и уродуются последователями учителя, обыкновенно на сотни, иногда на тысячи лет предваряющего понимания масс; и потому этих отношений человека к миру, т. е. религий, кажется очень много, но в сущности основных отношений чело-

века к миру или началу его есть только три: 1) первобытное личное, 2) языческое общественное, или семейно-государственное и 3) христианское, или божеское.

Строго говоря, основных отношений человека к миру только два: личное, состоящее в признании смысла жизни в благе личности, приобретаемом отдельно или в соединении с другими личностями, и христианское, признающее смысл жизни в служении посланному человеку в мир. Второе же отношение человека к миру — общественное — в сущности есть только расширение первого.

Первое из этих отношений, самое древнее — то, которое теперь встречается между людьми, стоящими на самой низшей степени развития, — состоит в том, что человек признает себя самодовлеющим существом, живущим в мире для приобретения в нем наибольшего возможного личного блага, независимо от того, насколько страдает от этого благо других существ.

Из этого самого первого отношения к миру, в котором находится всякий ребенок, вступая в жизнь, и в котором жило человечество

на первой, языческой, ступени своего развития и живут еще и теперь многие, отдельные, самые нравственноглубые люди и дикие народы, вытекают все языческие древние религии, так же как и низшие формы позднейших религий в их извращенном виде: буддизм³⁹ таосизм, магометанство и другие.

Из этого же отношения к миру вытекает и новейший спиритизм, имеющий в основе своей сохранение личности и блага ее. Все языческие культы — гадания, обоготворения таких же, как и человек, наслаждающихся существ, или святых, молящихся за него, все жертвоприношения и молитвы о даровании благ земных и избавления от бедствий — вытекают из этого отношения к жизни.

Второе, языческое отношение человека к миру, общественное — то, которое устанавливается им на следующей ступени развития, отношение, свойственное преимущественно возмужалым людям, — состоит в том, что значение жизни признается не в благе одной отдельной личности, а в благе известной совокупности личностей: семьи, рода, народа, государства, и даже человечества (попытка ре-

лигии позитивистов).

Смысл жизни при этом отношении человека к миру переносится из личности в семью, род, народ, государство, в известную совокупность личностей, благо которой и считается при этом целью существования. Из этого отношения вытекают все одного характера религии патриархальные и общественные: китайская и японская религия, религия избранного народа — еврейская, государственная религия римлян, наша церковно-государственная, низведенная на эту степень Августином, хотя она и называется не свойственным ей именем — христианской, и предполагаемая религия человечества — позитивистов. Все обряды поклонения предкам в Китае и Японии, поклонения императорам в Риме, вся многосложная еврейская обрядность, имеющая целью соблюсти договор избранного народа с богом, все семейные, общественные церковно-христианские молебствия за благоденствие государства и за военные успехи зиждутся на этом отношении человека к миру.

Третье отношение человека к миру, христианское — то, в котором невольно чувству-

ет себя всякий старый человек и в которое вступает теперь, по моему мнению, человечество, — состоит в том, что значение жизни признается человеком уже не в достижении своей личной цели или цели какой-либо совокупности людей, а только в служении той воле, которая произвела его и весь мир для. Достижения не своих целей, а целей этой воли.

Из этого отношения к миру вытекает высшее известное нам религиозное учение, зачатки которого были уже у пифагорийцев, терапевтов, ессеев, у египтян и у персов, у браминов, буддистов и таосистов в их высших представителях, но которое получило свое полное и последнее выражение только в христианстве — в его истинном, неизвращенном значении.

Все обряды древних религии, вытекавших из этого понимания жизни, и все в наше время внешние формы общения унитарийцев, универсалистов, квакеров, сербских назаренов, русских духоборов и всех так называемых рационалистических сект, все проповеди, песнопения, беседы, книги их суть религи-

озные проявления этого отношения человека к миру.

Все возможные религии, какие бы они ни были, неизбежно распределяются между этими тремя отношениями людей к миру.

Всякий человек, вышедший из животного состояния, неизбежно признает то, или другое, или третье из этих отношений, и в этом признании и состоит истинная религия каждого человека, несмотря на то, к какому исповеданию он номинально признает себя принадлежащим.

Каждый человек непременно как-нибудь представляет себе свое отношение к миру, потому что разумное существо не может жить в мире, окружающем его, не имея какого-либо отношения к нему. А так как отношений к этому миру человечеством до сих пор выработано и нам известно только три, то всякий человек неизбежно держится одного из трех существующих отношений и — хочет или не хочет того — принадлежит к одной из трех основных религий, между которыми распределяется весь род человеческий.

И потому весьма распространенное утвер-

ждение людей культурной толпы христианского мира о том, что они поднялись на такую высоту развития, что уже не нуждаются ни в какой религии и не имеют ее, в сущности означает только то, что люди эти, не признавая религии христианской, той единственной религии, которая свойственна нашему времени, держатся низшей — или общественно-семейно-государственной или первобытной языческой религии, сами не сознавая этого. Человек без религии, т. е. без какого-либо отношения к миру, так же невозможен, как человек без сердца. Он может не знать, что у него есть религия, как может человек не знать того, что у него есть сердце; но как без религии, так и без сердца человек не может существовать.

Религия есть то отношение, в котором признает себя человек к окружающему его бесконечному миру, или началу и первопричине его, и разумный человек не может не находиться в каком-нибудь отношении к нему.

Но вы скажете, может быть, что установление отношения человека к миру есть дело не религии, но философии или вообще науки, ес-

ли рассматривать философию, как часть ее. Я не думаю этого. Я думаю, напротив, что предположение о том, что наука вообще, включая в нее и философию, может установить отношение человека к миру, совершенно ошибочно и служит главной причиной той путаницы понятий о религии, науке и нравственности, которые существуют в культурных слоях нашего общества.

Наука, включая в нее философию, не может установить отношения человека к бесконечному миру или началу его уже по одному тому, что прежде, чем могла возникнуть какая-нибудь философия или какая-нибудь наука, должно было уже существовать то, без чего невозможна никакая деятельность мысли и какое-либо, то или другое, отношение человека к миру.

Как не может человек посредством какого бы то ни было движения найти то направление, по которому ему нужно двигаться, а всякое движение неизбежно совершается по какому-нибудь направлению, так точно невозможно посредством умственной работы, философии или науки, найти то направление, в

котором должна быть совершена эта работа, а всякая умственная работа неизбежно совершается по какому-нибудь уже данному ей направлению. И такое направление для всякой умственной работы указывает всегда религия. Все известные нам философии, начиная от Платона до Шопенгауэра, всегда неизбежно следовали даваемому им религией направлению. Философия Платона и его последователей была философией языческой, исследовавшей средства приобретения наибольшего блага как отдельной личности, так и совокупности личностей в *государстве*. Средневековая церковно-христианская философия, вытекающая из того же языческого понимания жизни, исследовала способы спасения личности, т. е. приобретения наибольшего блага личности в будущей жизни, и только в своих теократических попытках трактовала об устройстве блага обществ.

Новейшая философия, как Гегеля, так и Конта, имеет в своей основе общественно-государственное религиозное понимание жизни. Философия пессимизма Шопенгауэра и Гартмана, хотевшего освободиться от еврей-

ского религиозного мирозозерцания, неволь-но подпала религиозным основам буддизма. Философия всегда была и будет только исследованием того, что вытекает из установленного религией отношения человека к миру, так как до установления этого отношения нет материала для философского исследования.

Точно так же и наука положительная в тесном смысле этого слова. Такая наука всегда была и будет только исследованием и изучением всех тех предметов и явлений, которые представляются подлежащими исследованию, вследствие известного, установленно-го религией отношения человека к миру.

Наука всегда была и будет не изучением «всего», как это наивно думают теперь люди науки (это и невозможно, так как предметов, подлежащих исследованию, бесчисленное количество), а только того, что религия в правильном порядке и по степени их важности выдвигает из всего бесчисленного количества предметов, явлений и условий, подлежащих исследованию. И потому наука не одна, а есть столько же наук, сколько есть религий. Каждая религия отбирает известный круг предме-

тов, подлежащих изучению, и потому наука каждого отдельного времени и народа неизбежно носит на себе характер той религии, с точки зрения которой она рассматривает предмет.

Так языческая наука, восстановленная во времена Возрождения, процветающая и теперь в нашем обществе под названием христианской, всегда была и продолжает быть только исследованием всех тех условий, при которых человек получает наибольшее благо, и всех тех явлений мира, которые могут доставить его. Браминская и буддийская философская наука всегда была только исследованием тех условий, при которых человек избавляется от удручающих его страданий. Еврейская наука (талмуд) всегда была только изучением и разъяснением тех условий, которые должны быть соблюдены человеком для того, чтобы исполнить его договор с богом и удержать избранный народ на высоте его призвания. Церковно-христианская наука и была и есть исследование тех условий, при которых приобретает спасение человека. Наука истинно-христианская, та, которая

только зарождается, есть исследование тех условий, при которых человек может познать требования высшей воли, пославшей его, и приложить их к жизни.

Ни философия, ни наука не могут установить отношения человека к миру, потому что отношение это должно быть установлено прежде, чем может начаться какая-либо философия или наука. Они не могут сделать этого еще и потому, что паука, включая в нее и философию, исследует явления рассудочно и независимо от положения исследующего и от чувств, испытываемых им. Отношение же человека к миру определяется не одним рассудком, но и чувством, всею совокупностью духовных сил человека. Сколько бы ни внушали и ни разъясняли человеку, что всё истинно существующее суть только идеи, что всё состоит из атомов, или что сущность жизни есть субстанция или воля, или что теплота, свет, движение, электричество суть различные проявления одной и той же энергии, — всё это не уяснит человеку — чувствующему, страдающему и радующемуся, борющемуся и надеющемуся существу — его места в мире.

Такое место и потому отношение к миру указывает ему только религия, говорящая ему: мир существует для тебя и потому бери от этой жизни всё, что ты можешь взять от нее; или: ты член любимого богом народа, служи этому народу, исполняй всё то, что предписал бог, и ты получишь вместе со своим народом наибольшее доступное тебе благо; или: ты орудие высшей воли, пославшей тебя в мир для исполнения предназначенного тебе дела, познай эту волю и исполняй ее, и ты сделаешь для себя лучшее, что можешь сделать.

Для понимания данных философии и науки нужно подготовление и изучение; для религиозного понимания этого не нужно: оно сразу доступно всякому, хотя бы самому ограниченному и невежественному человеку.

Для того чтобы человеку познать свое отношение к окружающему его миру или началу его, ему не нужно ни философских, ни научных знаний, — обилие знаний, загромаждая «сознание, скорее препятствует этому, — а нужны только хоть временное отречение от суеты мира, сознание своего материального ничтожества и правдивость, встречающиеся

чаще, как это и сказано в евангелии, в детях и самых простых, малоученых людях. От этого-то мы и видим, что часто самые простые, неученые и необразованные люди вполне ясно, сознательно и легко принимают высшее христианское жизнепонимание, тогда как самые ученые и культурные люди продолжают коснеть в самом грубом язычестве. Так, например, мы видим самых утонченных и высокообразованных людей, полагающих смысл жизни в личном наслаждении или в избавлении себя от страданий, как полагал это умнейший и образованнейший Шопенгауэр, или в спасении души посредством таинств, благодати, как полагали это самые высокообразованные епископы, тогда как русский полуграмотный мужик-сектант без малейшего усилия мысли признает смысл жизни в том самом, в чем его полагали величайшие мудрецы мира: Эпиктет, Марки Аврелии, Сенеки, — в сознании себя орудием воли божией, сыном бога.

Но вы спросите меня: в чем же состоит сущность этого ненаучного и нефилософского способа познания? Если познание это не фи-

лософское и не научное, то какое же оно? чем оно определяется? На эти вопросы я могу ответить только то, что так как религиозное познание есть то, на котором зиждется всякое другое и которое предшествует всякому другому познанию, то мы и не можем определять его, не имея для него орудия определения. На богословском языке познание это называется откровением. И название это, если не приписывать слову «откровение» никакого мистического значения, совершенно правильно, потому что познание это приобретается не изучением и не усилиями отдельного человека или людей, а только восприятием отдельным человеком или людьми проявления бесконечного разума, постепенно открывающего себя людям.

Почему люди 10 000 лет тому назад не могли понять того, что смысл их жизни не исчерпывается благом личности, а потом наступило время, и людям открылось высшее — семейное, общественное, народное, государственное — понимание жизни? Почему на нашей исторической памяти открылось людям жизнепонимание христианское? И почему

оно открылось именно такому человеку или таким людям и именно в такое время, в таком, а не в другом месте, в такой, а не в другой форме? Стараться ответить на эти вопросы, отыскивая причины этого в исторических условиях времени, жизни и характера тех людей, которые первые усвоили это жизнепонимание и выразили его в особенных свойствах этих людей, всё равно, что стараться ответить на вопрос о том, почему восходящее солнце осветило прежде именно те, а не другие предметы. Солнце истины, всё выше и выше восходя над миром, всё более и более освещает его и отражается на тех предметах, которые первые поддаются освещению лучей солнца и наиболее способны отражать их. Свойства же, делающие одних людей более других способными воспринимать эту восходящую истину не какие-либо особенные активные качества ума, а напротив, суть редко совпадающие с большим и любопытным умом пассивные свойства сердца: отречение от суеты мира, сознание своего материального ничтожества, правдивость, как мы это и видим на всех основателях религии, никогда не отли-

чавшихся ни философскими, ни научными знаниями.

По моему мнению, главное заблуждение, более всего другого препятствующее истинному прогрессу нашего христианского человечества, состоит именно в том, что люди науки нашего времени, севшие теперь на седалище Моисеевом, руководясь восстановленным во времена Возрождения языческим мирозерцанием, признав за сущность христианства самое грубое извращение его и решив, что оно есть пережитое уже людьми состояние (а что, напротив, то языческое, общественно-государственное, древнее и действительно пережитое человечеством понимание жизни, которого они держатся, и есть самое высшее понимание жизни — и такое, которого неуклонно должно держаться человечество), — не только не понимают истинного христианства, составляющего то высшее жизнепонимание, к которому движется всё человечество, но даже не стараются понять его. Главный источник этого недоразумения состоит в том, что люди науки, разойдясь с христианством и увидав несоответствие с ним

своей науки, признали виноватой в этом не свою науку, а христианство, т. е. вообразили себе не то, что есть в действительности, т. е. что их наука на 1800 лет отстала от христианства, уже охватившего большую часть современного общества, а то, что христианство будто бы на 1800 лет отстало от науки.

Из этого-то извращения ролей и вытекает то поразительное явление, что нет людей с более запутанными понятиями о сущности истинного значения религии, о религии, о нравственности, о жизни, чем люди науки; и еще более поразительное явление то, что наука нашего времени, совершая действительно большие успехи в своей области исследования условий материального мира, в жизни людей оказывается ни на что ненужной, а иногда производящей даже вредные последствия.

И потому я думаю, что никак не философия и не наука устанавливают отношение человека к миру, а только религия.

Итак, на первый вопрос ваш о том, что я понимаю под словом «религия», я отвечаю:

религия есть установленное человеком между собой и вечным бесконечным миром или началом и первопричиной его известное отношение.

Из этого ответа на первый вопрос сам собою вытекает и ответ на второй:

Если религия есть установленное отношение человека к миру, определяющее смысл его жизни, то нравственность есть указание и разъяснение той деятельности человека, которая сама собой вытекает из того или другого отношения человека к миру. А так как основных отношений к миру или началу его известно нам только два, если рассматривать языческое общественное отношение как распространение личного, или три, если рассматривать общественное языческое отношение как отдельное, то нравственных учений существует только три: нравственное учение первобытное, дикое, личное, нравственное учение языческое — семейно-государственное или общественное и нравственное учение христианское, т. е. служение миру или богу, или божеское.

Из первого отношения человека к миру

вытекают общие всем языческим религиям учения о нравственности, имеющие в своей основе стремление к благу отдельной личности и потому определяющие все состояния, дающие наибольшее благо личности и указывающие средства приобретения этого блага. Из этого отношения к миру вытекают нравственные учения: эпикурейское в его низшем проявлении, учение нравственности магометанское, обещающее благо личности на этом и на том свете, учение нравственности церковно-христианское, имеющее целью спасение, т. е. благо личности преимущественно на том свете, и учение светской утилитарной нравственности, имеющее целью благо личности только на этом свете.

Из этого же отношения, ставящего целью жизни благо отдельного человека, а потому избавление от страданий личности, вытекают нравственное учение буддизма в его грубой форме и светское учение пессимистическое.

Из второго, языческого отношения человека к миру, ставящего целью жизни благо известной совокупности личностей, вытекают

нравственные учения, требующие от человека служения той совокупности, благо которой признается целью жизни. По этому учению пользование личным благом допускается только в той мере, в которой оно приобретает всю ту совокупность, которая составляет религиозную основу жизни. Из этого отношения к миру вытекают известные нам нравственные учения древнего римского и греческого мира, где личность всегда приносила себя в жертву обществу, также и нравственность китайская; из этого же отношения вытекают нравственность еврейская — подчинение своего блага благу избранного народа — и церковно-государственная нравственность нашего времени, требующая жертвы личности для блага государства; из этого же отношения к миру вытекает нравственность большинства женщин, жертвующих личностью для блага семьи и, главное, детей.

Вся древняя, отчасти средняя и новая история полны описаний подвигов этой самой семейно-общественной и государственной нравственности. И в настоящее время большинство людей, только воображая себе, что

они, исповедуя христианство, держатся христианской нравственности, в действительности следуют только этой семейно-государственной, т. е. языческой нравственности, и эту нравственность ставят идеалом воспитания молодого поколения.

Из третьего, христианского отношения к миру, состоящего в признании человеком себя орудием высшей воли для исполнения ее целей, вытекают и соответствующие этому пониманию жизни нравственные учения, уясняющие зависимость человека от высшей воли и определяющие требования этой воли. Из этого отношения человека к миру вытекают все высшие известные человечеству нравственные учения: пифагорейское, стоическое, буддийское, браминское, таосийское в их высшем проявлении и христианское в его настоящем смысле, требующее отречения от личной воли и от блага не только личного, но и семейного, и общественного, и государственного во имя исполнения открытой нам в нашем сознании воли того, кто послал нас в жизнь. Из того, второго или третьего отношения к бесконечному миру или началу его вытекает

действительная, нелицемерная нравственность каждого человека, несмотря на то, что он номинально исповедует или проповедует, как нравственность, или чем хочет казаться.

Так что человек, признающий сущность своего отношения к миру в приобретении для себя наибольшего блага, сколько бы он ни говорил о том, что он считает нравственным жить для семьи, для общества, для государства, для человечества или для исполнения воли бога, он может искусно притворяться перед людьми, обманывая их, но действительным мотивом его деятельности будет всегда только благо его личности, так что, когда представится необходимость выбора, он пожертвует не своею личностью для семьи, для государства, для исполнения воли бога, а всем для себя, потому что, видя смысл своей жизни только в благе своей личности, он не может поступать иначе до тех пор, пока не изменит своего отношения к миру.

Точно так же, сколько бы ни говорил человек, отношение которого к миру состоит в служении своей семье (каковы бывают преимущественно женщины) или роду, народу,

государству (каковы бывают люди угнетенных народностей или политические деятели во время борьбы), что он христианин, нравственность его всегда будет или семейная, или народная, или государственная, а не христианская, и, когда явится необходимость выбора между благом семейным, общественным и благом личным или благом общественным и исполнением воли бога, он неизбежно выберет служение благу той совокупности людей, для которой, по его мирозерцанию, он существует, потому что только в этом служении он видит смысл своей жизни. И точно так же сколько бы ни внушали человеку, полагающему свое отношение к миру в исполнении воли пославшего его, что он должен, соответственно с требованиями личности, семьи, народа, государства, человечества, совершать поступки, противные этой высшей воле, сознаваемой им во вложенных в него свойствах разума и любви, он всегда пожертвует и личностью, и семьей, и отечеством, и человечеством для того, чтобы не отступить от воли пославшего его, потому что только в исполнении этой воли он видит смысл своей

жизни.

Нравственность не может быть независима от религии, потому что она не только есть следствие религии, т. е. того отношения, в котором человек признает себя к миру, но она включена уже, *impliquée*, в религии. Всякая религия есть ответ на вопрос: каков смысл моей жизни? И религиозный ответ включает в себя уже известное нравственное требование, которое может становиться иногда после объяснения смысла жизни, иногда прежде его. На вопрос о смысле жизни можно отвечать так: смысл жизни в благе личности, и потому пользуйся всеми благами, которые доступны тебе; или: смысл жизни в благе совокупности людей, и потому служи этой совокупности всеми своими силами, или: смысл жизни в исполнении воли пославшего тебя, и потому всеми силами стремись познать эту волю и исполнить ее. На этот же вопрос можно отвечать и так: смысл жизни твоей в твоём личном наслаждении, так как в этом назначение человека; или: смысл жизни твоей в служении той совокупности, которой ты считаешь себя членом, так как в этом твое на-

значение; или: смысл жизни твоей в служении богу, так как в этом твое назначение.

Нравственность заключена в даваемом религией объяснении жизни и потому никак не может быть отделена от религии. Истина эта особенно очевидна на тех попытках философов нехристианских вывести учение о высшей нравственности из их философии. Философы эти видят, что нравственность христианская необходима, что без нее нельзя жить; мало того, они видят, что она есть, и им хочется как-нибудь связать ее со своею нехристианскою философией и даже представить дело в таком виде, как будто нравственность христианская вытекает из их языческой или общественной философии. И они пытаются сделать это, но именно попытки эти очевиднее всего другого показывают не только независимость, но и полное противоречие христианской нравственности с философиею личного блага или освобождения от личных страданий и с философиею общественною.

Христианская этика — та, которую мы сознаем вследствие нашего религиозного мирозерцания, — требует не только жертвы лич-

ности для совокупности личностей, но требует отречения от своей личности и от совокупности личностей для служения богу; языческая же философия исследует только средства приобретения наибольшего блага личности или совокупности их, и потому противоречие неизбежно. Чтобы скрыть это противоречие, есть только одно средство — нагромождать отвлеченные, условные понятия одно на другое и не выходить из туманной области метафизики. Так преимущественно поступали философы со времени Возрождения, и этому-то обстоятельству — невозможности примирить требования христианской, признаваемой уже вперед данной, нравственности с философией, исходящей из языческих основ, — и нужно приписать эту страшную отвлеченность, неясность, непонятность и отчужденность от жизни новой философии. За исключением Спинозы, исходящего в своей философии из религиозных — несмотря на то, что он не числился христианином, — истинно христианских основ, и гениального Канта, прямо поставившего свою этику независимо от своей метафизики, все остальные философы, даже и

блестящий Шопенгауэр, очевидно придумывают искусственную связь между своею этикой и своею метафизикой.

Чувствуется, что христианская этика есть нечто вперед данное, стоящее совершенно твердо и независимо от философии и не нуждающееся в подводимых под нее фиктивных подпорках, а что философия только придумывает такие положения, по которым данная этика не противоречила бы ей, а связывалась бы с ней и как будто бы вытекала из нее. Но все положения эти кажутся оправдывающими христианскую этику только до тех пор, пока они рассматриваются отвлеченно. Как только они прилагаются к вопросам практической жизни, так не только несогласие, но явное противоречие философских основ с тем, что мы считаем нравственностью, выступает во всей силе.

Недавно ставший столь известным несчастный Ницше особенно драгоценен обличением этого противоречия. Он неопровержим, когда он говорит, что все правила нравственности, с точки зрения существующей нехристианской философии, суть только

ложь и лицемерие и что человеку гораздо выгоднее и приятнее и разумнее составить сообщество Uebermensch'ев⁴⁰ и быть одним из них, чем тою толпой, которая должна служить подмостками для этих Uebermensch'ев. Никакие построения философии, исходящей из языческого религиозного мирозерцания, не могут доказать человеку, что ему выгоднее и разумнее жить не для своего желательного, понятного и возможного блага или для блага своей семьи, своего общества, а для чужого, нежелательного, непонятного и недостижимого человеческими ничтожными средствами блага. Философия, основанная на понимании жизни, заключающемся в блага человека, никогда не будет в состоянии доказать разумному человеку, знающему, что он всякую минуту может умереть, того, что ему хорошо и должно отказаться от своего желательного, понятного и несомненного блага даже не для блага других, потому что он никогда не может знать, какие последствия будут от его жертвы, а для того только, что это должно или хорошо, что это категорический императив.

Доказать это с языческой философской точки зрения невозможно. Чтобы доказать то, что люди все равны, что человеку лучше отдать свою жизнь для служения другим, чем заставить других людей служить себе, попирая их жизни, нужно иначе определить свое отношение к миру: нужно показать, что положение человека таково, что ему больше делать нечего, потому что смысл его жизни только в исполнении воли пославшего его; воля же пославшего его в том, чтоб он отдавал свою жизнь для служения людям. А такое изменение отношения человека к миру дает только религия.

То же самое и с попытками вывести и примирить христианскую нравственность с основными положениями языческой науки. Никакие софизмы и извороты мысли не уничтожат того простого и ясного положения, что закон эволюции, лежащий в основе всей науки нашего времени, зиждется на законе общем, вечном и неизменном — на законе борьбы за существование и переживание способнейшего (the fittest) и что потому каждому человеку для достижения блага своего или своего об-

щества надо быть этим fittest и сделать таковым свое общество, чтобы погибнуть не ему и не его обществу, а другому, неспособнейшему.

Сколько ни стараются некоторые натуралисты, испугавшиеся логических выводов из этого закона и приложения их к человеческой жизни, заглушить словами, заговорить этот закон, все попытки их только еще очевиднее показывают неотразимость этого закона, руководящего жизнью всего органического мира, а потому и человека, рассматриваемого как животное.

Как раз в то время, когда я писал это, вышла в русском переводе статья г-на Гексли, составленная из недавно прочитанной им в каком-то английском обществе речи об эволюции и этике.

В статье этой ученый профессор, так же как и несколько лет тому назад наш известный профессор Бекетов и многие другие, писавшие о том же предмете, с таким же неуспехом, как и его предшественники, старается доказать, что борьба за существование не нарушает нравственности и что при признании закона борьбы за существование ос-

новным законом жизни нравственность может не только существовать, но и совершенствоваться. Статья г-на Гексли переполнена всякими шутками, стихами и общими взглядами на религию и философию древних и вследствие того так кудрява и запутана, что только с большим трудом можно добраться до основной мысли ее. Мысль эта, однако, следующая: закон эволюции противен закону нравственности, это знали древние как греческого, так и индейского мира. И философия, и религия обоих народов привела их к учению самоотречения. Это учение, по мнению автора, неправильно, а правильно следующее: существует закон, который автор называет законом космическим, по которому все существа борются между собой и переживает только способнейшее, the fittest. Закону этому подчиняется и человек; только благодаря этому закону человек образовался таким, каким он есть теперь. Но закон этот противен нравственности. Как же примирить этот закон с нравственностью? А вот как: существует социальный прогресс, который стремится задержать космический процесс и подставить

под него другой процесс — этический, цель которого есть уже переживание не способнейшего, the fittest, но лучшего, the best, в этическом смысле. Откуда взялся этот этический процесс, г-н Гексли не объясняет, но в примечании 19-м говорит, что основа этого процесса состоит в том, что люди, как и животные, с одной стороны, сами любят быть в обществе и подавляют в себе свойство, вредное для обществ, с другой — члены общества силой подавляют поступки, противные благу общества. Г-ну Гексли кажется, что этот процесс, заставляющий людей обуздывать свои страсти для сохранения той совокупности, которой они состоят членами, и страх быть наказанными за нарушение порядков совокупности и есть тот самый закон этический, существование которого ему нужно доказать.

Г-ну Гексли в невинности его души, очевидно, кажется, что в теперешнем английском обществе с его Ирландией, нищетой народа, безумной роскошью богачей, с его торговлей опиумом и водкой, с его казнями, с его побоищами, истреблениями народов для выгод торговли и политики, скрытым развратом

и лицемерием, — человек, не нарушающий требований полиции, есть человек нравственный и что руководит этим человеком закон этический, забывая то, что качества, которые могут быть нужны для того, чтобы не разрушилось то общество, в котором живет его член, могут быть очень полезны для самого общества, как полезны качества членов разбойничьей шайки, как даже в нашем обществе полезно качество палачей, тюремщиков, судей, солдат, лицемеров-священников и т. п., но что качества эти не имеют ничего общего с нравственностью.

Нравственность есть нечто постоянно развивающееся, растущее, и потому ненарушение установленных порядков известного общества, удержание их посредством виселицы и топора, о которых, как об орудиях нравственности, говорит г-н Гексли, будет не только не утверждением, но нарушением нравственности.

И, напротив, всякое нарушение существующих порядков, каковы были не только нарушения Христом и его учениками порядков римской провинции, но нарушение тепереш-

них порядков человеком, который откажется от участия в суде, в военной службе, в уплате податей, употребляемых на военные приготовления, будет не только не противно нравственности, но необходимым условием проявления ее. Всякий людоед, перестающий есть себе подобных и поступающий соответственно с этим, нарушает порядок своего общества. И потому поступки, нарушающие порядок всякого общества, могут быть безнравственны, но несомненно и то, что всякий истинно нравственный поступок,двигающий вперед нравственность, будет всегда нарушением привычек общества. И потому если в обществе и появился закон, по которому люди жертвуют своими выгодами для соблюдения целости своего общества, то этот закон не есть закон этический, а большею частью напротив — закон, противный всякой этике, тот же закон борьбы за существование, только в скрытом, латентном, состоянии. Это та же борьба за существование, только перенесенная из единиц в совокупности их. Это не прекращение драки, а размах руки для того только, чтобы сильнее ударить.

Если закон борьбы за существование и переживание способнейшего, the fittest, есть вечный закон всего живого (а он не может не признаваться таким для человека, рассматриваемого как животное), то никакие путанные рассуждения о социальном прогрессе и будто бы вытекающем из него этическом, как deus ex machina,⁴¹ выскочившем неизвестно откуда, законе, когда он нам понадобился, не могут нарушить этого закона.

Если социальный прогресс, как уверяет г-н Гексли, собирает людей в группы, то та же борьба и то же переживание будут происходить между семьями, родами, государствами, и борьба эта не только не будет нравственнее, но еще жесточе и безнравственнее борьбы личностей, как мы это и видим в действительности.

Если даже допустить невозможное, то, что всё человечество через тысячи лет одним социальным прогрессом соединится в одно целое, будет составлять один народ и одно государство, то и тогда, не говоря уже о том, что борьба, упраздненная между государствами и народами, перейдет в борьбу между челове-

чеством и миром животных, и борьба останется борьбой, т. е. деятельностью, в корне исключаящую возможность признаваемой нами христианской нравственности. Не говоря уже об этом, и тогда борьба между личностями, составляющими совокупности, и между совокупностями: семей, родов, народностей, нисколько не уменьшится, а будет происходить то же, только в другой форме, как мы это и видим при всех соединениях людей в семьи, роды и государства. Семейные точно так же ссорятся и борются между собой, как и посторонние, и часто еще больше и злее.

Точно так же и в государстве: среди людей, живущих в государстве, продолжается та же самая борьба, как и среди людей, живущих вне государства, только в иных формах. Там убивают стрелами и ножами, а здесь голодом. Если же спасаются слабые и в семье, и в государстве, то никак не от государственного соединения, а оттого, что в людях, соединенных в семьи и в государства, есть самоотвержение и любовь. Если вне семьи из двух детей выживет только the fittest, а в семье у доброй матери останутся жить оба, то это произойдет

совсем не от соединения людей в семью, а от того, что у матери есть любовь и самоотвержение. А ни самоотвержение, ни любовь никак не могут вытекать из социального прогресса.

Утверждать, что социальный прогресс производит нравственность, всё равно что утверждать, что постройка печей производит тепло.

Тепло происходит от солнца; печи же производят тепло только тогда, когда в печи положены дрова, т. е. работа солнца. Точно так же и нравственность происходит от религии. Социальные же формы жизни производят нравственность только тогда, когда в эти формы жизни вложены последствия религиозного воздействия на людей — нравственность.

Печи могут топиться и тогда давать тепло, или не топиться и оставаться холодными; точно так же и социальные формы могут включать в себя нравственность, и тогда нравственно воздействовать на общество, или не включать в себя нравственность и тогда оставаться без всякого воздействия на общество.

Нравственность христианская не может быть основана на языческом понимании жизни и не может быть выведена ни из философии, ни из науки нехристианской, не только не может быть выведена из них, но не может даже быть согласована с ними.

Так и понимала это всегда всякая серьезная, последовательная и строгая, философия и наука: «не сходятся наши положения с нравственностью — тем хуже для нее», совершенно правильно говорят такая философия и наука, и продолжают свои исследования.

Этические трактаты, не основанные на религии, и даже лаические катехизисы пишутся и преподаются, и люди могут думать, что человечество руководится ими, но это кажется только потому, что люди руководятся в действительности не этими трактатами и катехизисами, а религией, которую они всегда имели и имеют; трактаты же и катехизисы эти только подделываются под то, что само собой вытекает из религии.

Предписания лаической нравственности, основанные не на религиозном учении, совершенно подобны тому, что сделал бы чело-

век, который, не зная музыки, стал бы на место капельмейстера и начал бы размахивать руками перед исполняющими привычное дело музыкантами. Музыка по инерции и по тому, чему научились музыканты от прежних капельмейстеров, продолжалась бы еще некоторое время, но очевидно, что махание палочкой не знающего музыки не только не было бы полезно, но непременно со временем спутало бы музыкантов и расстроило бы оркестр. Такая же путаница начинает происходить и в умах людей нашего времени вследствие попыток руководителей преподавать людям нравственность, основанную не на той высшей религии, которая начинает усваиваться и отчасти уже усвоена христианским человечеством.

Действительно, желательно бы иметь нравственное учение без примеси к нему суеверий, но дело в том, что нравственное учение есть только последствие установленного известного отношения человека к миру или богу. Если же установление такого отношения выражается в кажущихся нам суеверными формах, то для того, чтобы этого не было,

надо стараться выразить это отношение более разумно, ясно и точно, или даже, разрушив ставшее недостаточным прежнее отношение человека к миру, поставить на его место высшее, более ясное и разумное, но никак не придумывать основанную на софизмах, или ни на чем не основанную, так называемую светскую, нерелигиозную нравственность.

Попытки основать нравственность помимо религии подобны тому, что делают дети, которые, желая пересадить нравящееся им растение, отрывают от него ненравящийся им и кажущийся им лишним корень и без корня втыкают растение в землю. Без религиозной основы не может быть никакой настоящей, непритворной нравственности, точно так же, как без корня не может быть настоящего растения.

Итак, отвечая на ваши два вопроса, я говорю: «Религия есть известное, установленное человеком отношение своей отдельной личности к бесконечному миру или началу его. Нравственность же есть всегдашнее руководство жизни, вытекающее из этого отноше-

ния».

28-го октября 1893 г.

Ясная Поляна.

ХРИСТИАНСТВО И ПАТРИОТИЗМ

Франко-русские празднества, происходившие в октябре месяце прошлого года во Франции, вызвали во мне, вероятно так же как и во многих людях, сначала чувство комизма, потом недоумения, потом негодования, которые я и хотел выразить в короткой журнальной статье; но, вдумываясь всё более и более в главные причины этого странного явления, я пришел к тем соображениям, которые и предлагаю теперь читателям.

1

Люди русские и французские жили много столетий, зная друг друга, входя иногда в дружеские, большею частью, к сожалению, в очень враждебные, вызываемые их правительствами, отношения друг с другом, и вдруг оттого, что два года тому назад французская эскадра прибыла в Кронштадт, и офицеры эскадры, вышедши на берег, в разных местах много ели и пили разного вина, выслушивая

при этом и произнося много лживых и глупых слов, и оттого, что в 1893 году такая же русская эскадра прибыла в Тулон, и офицеры русской эскадры в Париже много ели и пили, выслушивая и произнося при этом еще больше лживых и глупых слов, сделалось то, что не только те люди, которые ели, пили и говорили, но и все те, которые присутствовали при этом, и все те даже, которые не присутствовали при этом, но только слышали и читали в газетах про это, все эти миллионы людей русских и французских вдруг вообразили себе, что они как-то особенно любят друг друга, т. е. все французы всех русских, и все русские всех французов.

Чувства эти выражались во Франции в прошедшем октябре самым необыкновенным образом.

Вот как описывается встреча русских моряков в «Сельском вестнике», газете, собирающей свои сведения из всех других.

«При встрече судов русских и французских те и другие, кроме пушечных выстрелов, приветствовали друг друга горячими, восторженными криками «ура», «да здравствует Рос-

сия», «да здравствует Франция!»

«К этому присоединились хоры музыки (бывшие на многих частных пароходах), исполнявшие гимны — русский «Боже, царя храни» и французский «Марсельезу»; публика на частных судах махала шляпами, флагами, платками и букетами цветов; на многих барках были одни крестьяне и крестьянки со своими детьми, и у всех в руках были букеты цветов, и даже ребята, махая букетами, кричали что было мочи: «вив ля Рюсси». Наши моряки, видя такой восторг народный, не могли удержаться от слез.

«В гавани были выстроены в две линии все французские военные суда, находившиеся в Тулоне, и наша эскадра проходила между ними: впереди шел адмиральский броненосец, а за ним остальные. Наступила чрезвычайно торжественная минута.

«С русского броненосца последовало пятнадцать пушечных выстрелов в честь французской эскадры, а в ответ французский броненосец дал двойное число выстрелов — тридцать. С французских судов грянули звуки русского гимна. Французские матросы взби-

раются на реи и мачты; громкие клики приветствий безостановочно льются с обеих эскадр и с частных судов; шапки матросов, шляпы и платки публики — всё это восторженно поднимается кверху в честь дорогих гостей. Отовсюду с воды и с берега гремит один общий возглас: «да здравствует Россия, да здравствует Франция!»

«Согласно морскому уставу, адмирал Авелан с офицерами, своего штаба высадился на берег, чтобы приветствовать местных властей. На пристани русских моряков встретили французский главный морской штаб и старшие офицеры тулонского порта. Последовали общие дружеские рукопожатия при громе пушек и звоне колоколов. Хор морской музыки исполнил гимн «Боже, царя храни», покрытый громовыми кликами публики: «да здравствует царь!» «да здравствует Россия!» Эти клики слились в один могучий гул, покрывший и музыку и пушечную пальбу.

«Очевидцы сообщают, что в эту минуту восторг несметной массы народа достиг высочайшей степени и словами невозможно передать, какими ощущениями переполнились

сердца всех здесь присутствующих. Адмирал Авелан, с обнаженной головою и в сопровождении русских и французских офицеров, отправился в помещение морского управления, где его ожидал французский морской министр».

Принимая адмирала, министр сказал:

« — Кронштадт и Тулон — это два места, которые свидетельствуют о сочувствии между русским и французским народами; вы будете везде встречены, как сердечные друзья, Правительство и вся Франция поздравляют вас с приездом и ваших спутников, представляющих «великий и благородный народ».

Адмирал ответил, что он не в силах выразить всю свою благодарность. «Русская эскадра и вся Россия, — сказал он, — будут признательны за ваш прием». После краткого разговора, прощаясь с министром, адмирал вторично благодарил его за прием и прибавил: «Не хочу с вами расставаться, пока не произнесу тех слов, которые начертаны в сердцах всех русских людей: «да здравствует Франция!»⁴²

Такова была встреча в Тулоне; в Париже

встреча и празднества были еще удивительнее.

Вот как описывается в газетах встреча в Париже:

«Все взоры направлены на бульвар des Italiens, откуда должны появиться русские моряки. Издали доносится, наконец, гул целого урагана восклицаний и аплодисментов. Гул становится сильнее, явственнее. Ураган видимо приближается. На площади происходит сильнейшее движение. Полицейские бросаются расчищать дорогу к «Cercle militaire», но это оказывается делом далеко не легким. В толпе поднялась невообразимая толкотня и давка... Наконец, на площади появляется голова кортежа. В тот же момент над ней проносится оглушительный крик: «Vive la Russie! Vive les russes!»⁴³ Все обнажают головы, публика, битком набившаяся в окнах, на балконах, разместившаяся даже на крышах, машет платками, флагами, шляпами, ожесточенно аплодирует, бросает из окон верхних этажей облака небольших разноцветных кокард. Целое море платков, шляп, флагов волнуется над головами толпы, стоящей на площади.

«Vive la Russie! Vive les russes!» — кричит эта стотысячная толпа, стараясь получше рассмотреть дорогих гостей, протягивая к ним руки и всячески выражая свои симпатии». ⁴⁴ Другой корреспондент пишет, что восторг толпы граничил с бредом. Один русский публицист, бывший в то время в Париже, описывает это вшествие моряков следующим образом:

«Правду говорят — событие всемирное, изумительное, трогательное до слез, поднимающее душу, заставляющее ее трепетать *той любовью, которая видит в людях братьев и которая ненавидит кровь и насильственные присоединения, отторжение родных детей от любимой матери.* Я в каком-то чаду в течение нескольких часов. Мне было странно, почти непосильно стоять на станции Лионской железной дороги среди представителей французской администрации в золотом шитых мундирах, среди муниципалитета во фраках и слышать крики: «Vive la Russie! Vive le czar!» и наш народный гимн, исполняемый несколько раз сряду. Где я? что такое случилось? какая волшебная струя соединила всё

это в одно чувство, в один разум? Разве не чувствуется тут присутствие бога любви и братства, присутствие чего-то высшего, идеального, сходящего на людей только в высокие минуты? Сердце так полно чем-то прекрасным и чистым и возвышенным, что перо не в состоянии всего этого выразить. Слова бледны перед тем, что я видел, что я чувствовал. Это не восторг, слово это слишком банально, — это лучше восторга. Живописнее, глубже, радостнее, разнообразнее. Нельзя описывать того, что было у «Cercle militaire», когда появился на балконе второго этажа адмирал Авелан. Тут слова ничего не скажут. Во время молебна, когда певчие пели в церкви «Спаси, господи, люди твоя», в открытые двери врывались торжественные звуки «Марсельезы» духового оркестра, который играл на улице. Что-то изумительное по впечатлению, непередаваемое».⁴⁵

II

Приехавши во Францию, русские моряки в продолжение двух недель переходили с праздника на праздник и в середине или по окончании всякого праздника ели, пили и го-

ворили. И сведения о том, где и что они ели и пили в среду, и где и что в пятницу, и что при этом говорили, по телеграфу сообщалось всей России. Как только который-нибудь из русских капитанов пил за здоровье Франции, так это тотчас становилось известным миру, и как только русский адмирал говорил: «пью за прекрасную Францию!», слова эти тотчас же разносились по всему миру. Но мало того, заботливость газет была такова, что сообщались не только тосты, но и меню обедов, с пирожками и закусками, которые потреблялись на обедах.

Так в одном № газеты было сказано, что обед представлял изящное произведение:

Consommé de volailles, petits pâtés.

Mousse de homard parisienne.

Noisette de boeuf à la béarnaise.

Faisans à la Périgord.

Casseroles de truffes au champagne.

Chaufroid de volailles à la Toulouse.

Salade russe.

Croûte de fruits toulonnaise.

Parfaits à l'ananas.

Desserts.⁴⁶

В следующем № было сказано:

И в кулинарном отношении обед не остав-
лял желать ничего лучшего: меню было сле-
дующее:

Potage livonien et S.-Germain.

Zéphyr Nantua.

Esturgeon braisé moldave.

Selle de daguet grand veneur⁴⁷ и т. д.

В следующей газете описывается опять но-
вое меню. При каждом меню описывались
еще подробно и те напитки, которые погло-
щали все празднующие: такая-то «вудка», та-
кое-то Bourgogne vieux, Grand Moët⁴⁸ и т. п. В
английской газете было перечисление всех
тех пьяных напитков, которые были погло-
щены во время этих празднеств. Количество
это так огромно, что едва ли все пьяницы Рос-
сии и Франции могли бы выпить столько в
такое короткое время.

Сообщались и речи, произносимые празд-
нующими, но меню было разнообразнее ре-
чей. Речи состояли неизменно из одних и тех
же слов в различных сочетаниях и перемеще-
ниях. Смысл этих слов был всегда один и тот
же: мы нежно любим друг друга, мы в востор-

ге, что мы вдруг так нежно полюбили друг друга. Цель наша не война и не revanche⁴⁹ и не возвращение отнятых провинций, а цель наша только *мир*, благодеяние *мира*, обеспечение *мира*, спокойствие и *мир* Европы. Да здравствует русский император и императрица, мы любим их и любим *мир*. Да здравствует президент республики и его супруга, мы тоже любим их и любим *мир*. Да здравствует Франция, Россия, их флот и их армия. Мы любим и армию, и *мир*, и начальника эскадры. Речи большей частью заканчивались, как в куплетах словами: Тулон, Кронштадт или Кронштадт, Тулон. И наименование этих мест, где было так много съедено разных кушаний и выпито разного вина, произносились как слова, напоминающие самые высокие, доблестные поступки представителей обоих народов, такие слова, после произнесения которых уже говорить нечего, потому что всё понятно. Мы любим друг друга и любим *мир*, Кронштадт, Тулон! Что еще можно прибавить к этому?! особенно под звуки торжественной музыки, играющей одновременно два гимна: один — прославляющий царя и

просящий у бога для него всяких благ, другой — проклинающий всех царей и обещающий им всем погибель.

Людям, особенно хорошо выражавшим свои чувства любви, давались ордена и награды, некоторым же людям за те же заслуги, или просто от избытка чувств, подносились подарки самые странные и неожиданные: так, русскому царю французская эскадра поднесла в подарок какую-то золотую книгу, в которой, кажется, ничего не написано, а если и написано, то нечто такое, чего никому знать не нужно, а начальнику русской эскадры, в числе других подарков, еще более удивительный предмет — соху из алюминия, покрытую цветами, и много других таких же неожиданных подарков.

Кроме того, все эти странные поступки сопровождались еще более странными религиозными обрядами и общественными молитвами, от которых, казалось бы, уже давно отвыкли французы. Едва ли со времен Конкордата было совершено столько общественных молитв, сколько в это короткое время. Все французы стали вдруг необыкновенно набож-

ны и заботливо развешивали в комнатах русских моряков те самые образа, которые они только недавно так же старательно, как вредное орудие суеверия, выносили из своих школ, и не переставая молились. Кардиналы и епископы везде предписывали молитвы и сами молились самыми странными молитвами. Так, епископ в Тулоне, при спуске броненосца «Жоригибери», молился богу мира, давая чувствовать при этом однако, что если что, то он может обратиться и к богу войны.

«Какова будет судьба его, — сказал епископ, говоря о спускаемом броненосце, — один бог только ведает, будет ли он извергать смерть из ужасающих недр своих — неизвестно.

Но если бы, призвав ныне бога мира, нам пришлось впоследствии призвать и бога брани, мы твердо уповаем, что «Жоригибери» пойдет на врага рука об руку с могучими судами, экипажи коих вступили ныне в столь близкое братское единение с нашими. Но да минует нас эта перспектива, да оставит настоящее празднество только мирное воспоминание, как воспоминание о великом князе

Константине (Константин Николаевич был в Тулоне в 1857 г.), который здесь же присутствовал на спуске корабля «Квиринал», и сделает дружба Франции с Россией из этих двух наций хранителей мира...»

Между тем десятки тысяч телеграмм перелетали из России во Францию и из Франции в Россию. Французские женщины приветствовали русских женщин. Русские женщины выражали свою благодарность французским женщинам. Труппа русских актеров приветствовала французских актеров, французские актеры сообщали, что они закладывают себе глубоко в сердце приветствие труппы русских актеров. Русские кандидаты на судебные должности, состоящие при окружном суде какого-то города, изъявляли свой восторг французской нации. Генерал такой-то благодарил г-жу такую-то, г-жа такая-то уверяла в своих чувствах к русской нации генерала такого-то; русские дети писали приветственные стихи французским детям, французские дети отвечали стихами и прозой; русский министр просвещения свидетельствовал министру французского просвещения о чувствах вне-

запной любви к французам всех подведомственных ему русских детей, ученых и писателей; члены общества покровительства животным свидетельствовали свою горячую привязанность французам; о том же заявляла казанская дума.

Каноник Аррарской епархии заявлял высокопреподобному протопресвитеру русского придворного духовенства, что он может утверждать, что в сердцах всех французских кардиналов и архиепископов глубоко запечатлена любовь к России и к его величеству Александру III и его августейшей фамилии и что французские и русские священники исповедуют, почти одну и ту же веру и одинаково чтут пресвятую деву. На что, высокопреподобный протопресвитер отвечал, что молитвы французского духовенства за августейшую фамилию радостно отозвались в сердцах всего русского *царелюбивого* народа и что, так как русский народ также чтит пресвятую деву, то и может рассчитывать на Францию на жизнь и смерть. О том же почти заявляли разные генералы, телеграфисты и торговцы бакалейными товарами. Все кого-то с чем-то

поздравляли, кого-то за что-то благодарили.

Возбуждение было так велико, что совершались самые необычайные поступки, но никто не замечал их необычайности, а напротив, все одобряли их, восхищались ими и, как будто боясь опоздать, торопились каждый совершить поскорее какой-нибудь такого же рода поступок, чтобы не отстать от прочих. Если слышались высказываемые и даже писанные и печатные против этих беснований протесты, указывающие на неразумность их, то протесты эти скрывались или заглушались.⁵⁰

Не говоря уже о всех миллионах рабочих дней, потраченных на эти празднества, на повальное пьянство всех участвующих, поощряемое всеми властями, не говоря о бессмысленности произносимых речей, совершались самые безумные и жестокие дела, и никто не обращал на них внимания.

Так задавлено было до смерти несколько десятков людей, и никто не находил нужным упоминать об этом. Один корреспондент писал, что француз сказал ему на бале, что теперь едва ли найдется одна женщина в Париже, которая не изменила бы своим обязанно-

стям для удовлетворения желания какого-либо русского моряка, и всё это проходило незамеченным, как нечто такое, что так и должно быть. Появлялись случаи и ясно выраженного бешенства. Так одна женщина, одевшись в платье из цветов французско-русского флагов, дождалась моряков, воскликнула «Vive la Russie!» и с моста прыгнула в реку и потонула.

Женщины вообще во всех этих торжествах играли выдающуюся роль и даже руководили мужчинами. Кроме бросания цветов и разных ленточек и поднесения подарков и адресов, французские женщины на улицах бросались на русских моряков и целовали их, некоторые для чего-то подносили им детей, предлагая целовать их; когда русские моряки исполняли это желание, то все присутствующие приходили в восторг и плакали.

Странное вобуждение это было так заразительно, что, как рассказывает один корреспондент, казавшийся совершенно здоровым русский матрос, после двухнедельного созерцания всего совершавшегося вокруг него, — в середине дня спрыгнул с корабля в море, и по-

плыл, крича: «ви́ф ля Франс!» Когда его вытащили и спросили, зачем это он сделал, он отвечал, что дал зарок в честь Франции оплыть кругом корабля.

Таким образом, ничем не нарушаемое возбуждение росло и росло, как ком катящегося мокрого снега, и доросло, наконец, до того, что не только присутствующие, не только предрасположенные, слабонервные, но сильные, нормальные люди подпали общему настроению и пришли в ненормальное состояние.

Помню, что я, в рассеянии читая одно из таких описаний торжества приема моряков, вдруг неожиданно почувствовал сообщившееся мне чувство, подобное умилению, даже готовность к слезам, так что должен был сделать усилие, чтобы побороть это чувство.

III

Недавно профессор психиатрии Сикорский описал в Киевских университетских известиях исследованную им, как он называет это, психопатическую эпидемию *малеванищины*, проявившуюся в некоторых деревнях Васильковского уезда Киевской губернии. Сущ-

ность этой эпидемии состояла, по словам г-на Сикорского, в том, что некоторые люди этих деревень под влиянием их руководителя, по фамилии Малеванного, вообразили себе, что в скором времени должен наступить конец мира, и, изменив вследствие этого весь свой образ жизни, стали раздавать свое имущество, наряжаться, сладко есть и пить и перестали работать. Профессор нашел положение этих людей ненормальным. Он говорит: «Необыкновенное благодушие их переходило часто в экзальтацию, радостное состояние, лишенное внешних мотивов. Они настроены были сентиментально; учтивы до утрировки, говорливы, подвижны, с легко наступающими и столь же легко и бесследно исчезающими слезами радости.

Они продавали необходимое, чтобы обзавестись зонтиками, шелковыми платками и т. п. принадлежностями, и к тому же платки служили для них только как туалетное украшение. Они много ели сладостей. Настроение их духа всегда было жизнерадостное, и жизнь они вели совершенно праздничную: посещали друг друга, гуляли вместе... При указании

им на явно нелепый характер их отказа от работы можно было каждый раз получить в ответ стереотипную фразу: «захочется — буду работать, не захочется — зачем стану себя принуждать?!»

Ученый профессор считает состояние этих людей явно выраженным случаем психопатической эпидемии и, советуя правительству принять некоторые меры против распространения ее, заканчивает свое сообщение словами: «Малеванщина есть вопль заболевшего населения и мольба об освобождении от вина и об улучшении образования и санитарных условий».

Но если малеванщина есть вопль заболевшего населения и мольба об освобождении от вина и от вредных общественных условий, то какой же ужасающий вопль заболевшего населения и какая мольба об избавлении его от вина и от ложных общественных условий есть эта новая болезнь, появившаяся в Париже и с ужасающей быстротой охватившая большую часть городского населения Франции и почти всю правительственную и господскую цивилизованную Россию?

И если признать то, что психопатическое страдание малеванщины опасно и что правительство хорошо сделало, последовав совету профессора, устранив руководителей малеванцев заключением некоторых из них в сумасшедшие дома и монастыри и ссылкой некоторых в отдаленные места, то насколько более опасной должно признать эту вновь появившуюся в Тулоне и Париже и оттуда распространившуюся по всей Франции и России новую эпидемию, и насколько необходимее, если не правительству, то обществу принять решительные меры против распространения таких эпидемий.

Сходство между тою и другою болезнью полное. То же необыкновенное благодушие, переходящее в беспричинную и радостную экзальтацию, та же сентиментальность, утрированная учтивость, говорливость, те же беспрестанные слезы умиления, приходящие и проходящие без причины, то же праздничное настроение, то же гуляние и посещение друг друга, то же наряжание себя в самые нарядные платья, то же пристрастие к сладкой еде, те же бессмысленные речи, та же праздность,

то же пение и музыка, то же руководительство женщин и та же для многих клоуническая фаза *attitudes passionnelles*, которую заметил г-н Сикорский у малеванцев, т. е., как я понимаю это слово, те различные, ненатуральные позы, которые принимают люди во время торжественных встреч, приемов и произнесения речей во время обедов.

Сходство совершенное. Разница только в том, и разница огромная для того общества, в котором происходят эти явления, что там это помешательство нескольких десятков мирных, бедных деревенских жителей, живущих своими небольшими средствами и потому не могущих совершить никакого насилия над своими соседями и заражающих других только посредством личной и изустной передачи своего настроения, здесь же — это помешательство миллионов людей, обладающих огромными суммами денег и средствами насилия над другими людьми: ружьями, штыками, крепостями, броненосцами, меленитами, динамитами и, кроме того, имеющими в своем распоряжении самые энергические средства распространения своего помешатель-

ства: почту, телеграфы, огромное количество газет и всякого рода изданий, наперерыв печатающих и разносящих их заразу во все концы мира. Разница еще в том, что первые не только не напиваются пьяны, но не употребляют никаких хмельных напитков, вторые же находятся постоянно в полупьяном состоянии, которое они не переставая в себе поддерживают. И потому для общества, в котором происходят такие явления, между киевской эпидемией, во время которой, по сведениям г-на Сикорского, не видно, чтобы было совершено какое-либо насилие, убийство, и той, которая появилась в Париже, где при одном шествии задавлено более 20 женщин, разница та же, какая была бы между тем, что из печки выскочил уголек и теплится на полу, который, очевидно, не загорится от него, и огнем, который захватил уже двери и стены дома. В худшем случае последствия киевской эпидемии будут состоять в том, что крестьяне одной миллионной части России проживут то, что они нажили своим трудом, и окажутся несостоятельными для уплаты казенных податей. Последствия же от эпидемии тулон-

ско-парижской, захватившей людей, обладающих страшной властью, огромными суммами денег, орудиями насилия и распространения своего помешательства, — могут и должны быть ужасны.

IV

Можно с жалостью выслушивать тот вздор, который болтает слабый, старый, безоружный сумасшедший в своем колпаке и халате, даже и не противоречить и шутя даже потакнуть ему, но когда это целая толпа здоровенных сумасшедших, вырвавшихся из своего заключения, и толпа эта обвешена с головы до ног острыми кинжалами, саблями и заряженными револьверами и в азарте размахивает этими смертоносными орудиями, — нельзя уже не только потакать им, но и быть на минуту спокойным. То же и с тем состоянием возбуждения, вызванного франко-русскими празднествами, в котором находится теперь французское и русское общество. Ведь люди, подпавшие теперь психопатической эпидемии, находятся в обладании самых страшных орудий убийства и истребления.

Правда, что во всех речах, во всех тостах,

произносимых во время этих празднеств, во всех статьях об этих празднествах неуклонно говорилось о том, что значение всего совершающегося состоит в обеспечении мира. Даже сторонники войны говорили не о ненависти к отторгающим провинции, а о какой-то любви, которая как-то ненавидит.

Но известна хитрость всех людей, одержимых душевными болезнями, и это-то самое упорное повторение того, что мы не хотим войны, а хотим мира, и умалчивание о том, о чем все думают, и составляет самое угрожающее явление.

В своем ответном тосте на обеде в Елисейском дворце русский посол сказал: «Прежде нежели провозгласить тост, на который отзовутся из самой глубины сердец не только все, находящиеся в этих стенах, но также и с той же силой и все те, чьи сердца вдали и вблизи на всех пунктах великой, прекрасной Франции, равно как и всей России, бьются в настоящую минуту в унисон с нашими, — позвольте мне принести вам выражение глубокой нашей благодарности за приветственные слова, обращенные вами к адми-

ралу, на которого царь возложил поручение отдать кронштадтский визит. При том высоком значении, которым вы пользуетесь, слова ваши характеризуют истинное значение великолепных *мирных* торжеств, празднуемых с таким замечательным единодушием, лойальностью и чистосердечием».

То же ничем не оправдываемое упоминание о мире находится и в речи французского президента: «Узы любви, связывающие Россию и Францию, — сказал он, — и два года назад скрепленные трогательными манифестациями, которых наш флот был предметом в Кронштадте, с каждым днем становятся теснее, и *честный* обмен наших дружественных чувств должен вдохновить всех тех, кто принимает к сердцу благодеяния *мира*, доверия и *безопасности*» и т. д.

И в той и другой речи совершенно неожиданно и без всякого повода говорится о благодеяниях мира и о мирных торжествах.

То же самое и в телеграммах, которыми обменялись русский император и французский президент. Русский император телеграфирует:

«Au moment où l'escadre russe quitte la France, il me tient à coeur de vous exprimer combien je suis touché et reconnaissant de l'accueil chaleureux et splendide, que mes marins ont trouvé partout sur le sol français. Les témoignages de vive sympathie quelles sont manifestés encore une fois avec tant d'éloquence, joindront un nouveau lien à ceux qui unissent les deux pays et contribueront, je l'espère, à l'affermissement *de la paix* générale, objet de leurs efforts et de leurs voeux les plus constants»

⁵¹ И т. д.

Французский президент в своей ответной телеграмме говорит:

«La dépêche dont je remercie votre majesté m'est parvenue au moment où je quittais Toulon pour rentrer à Paris. Le belle escadre sur laquelle j'ai eu la vive satisfaction de saluer le pavillon russe dans les eaux françaises, l'accueil cordial et spontané que vos braves marins ont rencontré partout en France, affirment une fois de plus avec éclat les sympathies sincères qui unissent nos deux pays. Ils marquent en même temps une foi profonde dans l'influence bienfaisante que peuvent exercer ensemble deux grandes nations

devouées à la cause de *la paix*». ⁵²

Опять в обеих телеграммах ни к селу ни к городу упоминается о мире, не имеющем ничего общего с празднествами моряков.

Нет ни одной речи, ни одной статьи, в которых не говорилось бы о том, что цель всех этих бывших оргий есть мир Европы.

За обедом, который дают представители русской прессы, все говорят о мире. Г-н Зола, который недавно писал о том, что война необходима и даже полезна, и г-н Вогюэ, который не раз печатно высказывал то же, не говорят ни слова о войне, а говорят только о мире. Заседания палат открываются речами о прошедших празднествах, ораторы утверждают, что празднества эти суть объявление мира Европе.

Точно как человек, пришедший в мирное общество и усердно уверяющий при всяком случае присутствующих, что он вовсе не имеет намерения никому выбивать зубы, подбивать глаза и ломать руки, а имеет намерение только мирно провести вечер. «Да никто в этом и не сомневается, — хочется ему сказать. — Если же вы имеете такие гнусные на-

мерения, то по крайней мере не смейте говорить их нам».

Во многих статьях, писанных о празднествах, даже прямо и наивно высказывается удовольствие о том, что во время празднеств никем не было выражено то, что *tacitu consensu*⁵³ решено было скрывать от всех и что только один неосторожный человек, тотчас же убранный полицией, крикнул то, что думали все, а именно «*A bas l'Allemagne!*»⁵⁴ Так дети иногда так рады, что они скрыли свою шалость, что самая радость эта выдает их.

Да зачем же так радоваться тому, что никто ничего не сказал о войне, если мы точно не думаем о ней?

V

Никто не думает о войне, но только миллионы тратятся на военные приготовления и миллионы людей находятся под ружьем в России и Франции.

«Но это всё делается для обеспечения мира, *si vis pacem para bellum. L'empire c'est la paix, la république c'est la paix*».⁵⁵ Но если так, то для чего же у нас в России не только во всех журналах и газетах, издаваемых для так

называемых образованных людей, выясняются военные выгоды нашего союза с Францией на случай войны с Германией, но и в Сельском Вестнике, газете, издаваемой русским правительством для народа, внушается этому несчастному, обманываемому правительством народу, что «дружить с Францией и для России тоже полезно и выгодно, потому что если бы паче чаяния упомянутые державы (Германия, Австрия, Италия) решились нарушить мир с Россией, то хотя она и одна с божьей помощью могла бы постоять за себя и справиться с весьма могущественным союзом противников, но было это бы нелегко и для успешной борьбы понадобились бы большие жертвы и потери» и т. д.⁵⁶

И для чего же во всех французских колледжах преподается история по учебнику, составленному г-м Лависсом, 21 издание 1889 г., в котором значитса следующее:

«Depuis que l'insurrection de la Commune a été vaincue, la France n'a plus été troublée. Au lendemain de la guerre, elle s'est remise au travail. Elle a payé aux Allemands sans difficultés l'énorme contribution de guerre de cinq milliards.

Mais la France a perdu sa renommée militaire pendant la guerre de 1870. Elle a perdu une partie de son territoire. Plus de quinze cents mille hommes, qui habitaient nos départements du Haut Rhin, du bas Rhin et de la Moselle, et qui étaient de bons français, ont été obligés de devenir Allemands. Ils ne sont pas résignés à leur sort. Ils détestent l'Allemagne; ils espèrent toujours redevenir Français. Mais l'Allemagne tient à sa conquête, et c'est un grand pays, dont tous les habitants aiment sincèrement leur patrie et dont les soldats sont braves et disciplinés. Pour reprendre à l'Allemagne ce qu'elle nous a pris, il faut que nous soyons de bons citoyens et de bons soldats. C'est pour que vous deveniez de bons soldats, que vos maîtres vous apprennent l'histoire de la France. L'histoire de la France montre que dans notre pays les fils ont toujours vengé les désastres de leurs pères. Les français du temps de Charles VII ont vengé leurs pères vaincus à Crècy, à Poitiers, à Azincourt... C'est à vous, — enfants élevés aujourd'hui dans nos écoles, qu'il appartient de venger vos pères, vaincus à Sedan et à Metz. C'est votre devoir, le grand devoir de votre vie. Vous devez y penser

toujours»⁵⁷ и т. д.

Внизу страницы стоит ряд вопросов, соответствующих параграфам. Вопросы следующие: «Что утратила Франция при потере части своей территории? Сколько французов сделалось немцами при потере этой территории? Любят ли эти французы Германию? Что должны мы делать для того, чтобы вернуть когда-нибудь отнятое у нас Германией?»... Кроме того, есть еще «*Reflexions sur le livre VII*»,⁵⁸ в которых говорится, что «дети Франции должны памятовать о наших поражениях 1870 г.», что «они должны чувствовать на сердце тяжесть этого воспоминания», но что «это воспоминание не должно их обескураживать: оно, напротив, должно возбуждать в них храбрость».

Так что если в официальных речах и говорится с большой настойчивостью о мире, то народу, молодым поколениям, да и вообще всем русским и французам под рукою неуклонно внушается необходимость, законность, выгодность и даже доблесть войны.

«Мы не думаем о войне. Мы только заботимся о мире».

Хочется спросить: qui, diable, trompe-t-on ici?⁵⁹ если бы еще нужно было это спрашивать и не было слишком ясно, кто этот несчастный обманутый.

Обманутый этот, всё тот же вечно обманутый, глупый рабочий народ, тот самый, который своими мозолистыми руками строил все эти и корабли, и крепости, и арсеналы, и казармы, и пушки, и пароходы, и пристани, и молы, и все эти дворцы, залы и эстрады, и триумфальные арки, и набирал и печатал все эти газеты и книжки, и добыл и привез всех тех фазанов, и ортоланов, и устриц, и вина, которые едят и пьют все эти им же вскормленные, воспитанные и содержимые люди, которые, обманывая его, готовят ему самые страшные бедствия; всё тот же добрый, глупый народ, который, оскаливая свои здоровые белые зубы, зевал, по-детски наивно радуясь на всяких наряженных адмиралов и президентов, на развевающиеся над ними флаги и на фейерверки, гремящую музыку, и который не успеет оглянуться, как уже не будет ни адмиралов, ни президентов, ни флагов, ни музыки, а будет только мокрое пустынное

поле, холод, голод, тоска, спереди убивающий неприятель, сзади неотпускающее начальство, кровь, раны, страдания, гниющие трупы и бессмысленная, напрасная смерть.

А люди, такие же, как те, которые теперь празднуют на празднествах в Тулоне и Париже, будут сидеть после доброго обеда, с недопитыми стаканами доброго вина, с сигарою в зубах, в темной суконной палатке и булавками отмечать по карте те места, где надо оставить еще столько-то и столько-то составленного из этого народа пушечного мяса для завладения тем-то и тем-то укреплением и для приобретения такой или другой ленточки или чина.

VI

«**Н**о ничего этого нет и нет никаких воинственных замыслов, — отвечают нам на это. — Есть только то, что два народа, чувствующие взаимную симпатию, друг другу выражают эти чувства. Что тут дурного, что представители дружественной нации были приняты с особенной торжественностью и почетом представителями другой нации? Что тут дурного, даже если и допустить, что союз

может иметь значение обороны против угрожающего миру Европы опасного соседа?»

Дурно тут то, что всё это ложь, самая очевидная и наглая, ничем не оправдываемая, злая ложь. Ложь — эта внезапно возникшая, исключительная любовь русских к французам и французов к русским; и ложь — наша подразумеваемая под этим нелюбовь к немцам, недоверие к ним. И еще большая ложь — то, что цель всех этих неприличных и безумных оргий есть будто бы соблюдение европейского мира.

Все мы знаем, что никакой особенной любви к французам мы не испытывали ни прежде, ни теперь не испытываем, точно также как и то, что мы не испытывали и не испытываем никакой враждебности к немцам.

Нам говорят, что Германия имеет замыслы против России, что тройственный союз угрожает миру Европы и нам и что наш союз с Францией уравнивает силы и потому обеспечивает мир. Но ведь утверждение это так явно глупо, что совестно серьезно опровергать его. Ведь для того, чтобы это было так, т. е. чтобы союз обеспечивал мир, нужно, что-

бы силы были математически равны. Если же перевес теперь на стороне франко-русского союза, то опасность всё та же. Еще большая: потому что, если было опасно, что Вильгельм, стоящий во главе европейского союза, нарушит мир, то гораздо более опасно, что Франция, та, которая не может помириться с потерей своих провинций, сделает это. Ведь тройственный союз назывался лигой мира, для нас же он был лигой войны. Точно так же и теперь франко-русский союз не может не представляться иначе, как тем, чем он и есть на самом деле — лигой войны.

И потом, если мир зависит от равновесия сил, то как определить те единицы, между которыми должно установиться равновесие? Теперь англичане говорят, что союз России с Францией угрожает им, и им потому нужно составлять новый союз. И насколько именно единиц союзов должна быть разделена Европа, чтобы было равновесие? Ведь если это так, то в каждом обществе людей более сильный человек, чем другой, уже есть опасность, и остальным нужно складываться в союзы, чтобы противодействовать ему.

Спрашивают: «Что тут дурного, что Франция и Россия выразили свои взаимные симпатии для обеспечения мира?» — Дурно то, что это ложь, а ложь никогда не говорится и не проходит даром.

Дьявол — человекоубийца и отец лжи. И ложь всегда ведет к человекоубийству. И в этом случае очевиднее, чем когда-нибудь.

Ведь точно так же, как и теперь, так и перед турецкой войной будто бы возгорелась вдруг внезапная любовь наших русских к каким-то братьям славянам, которых никто не знал в продолжение сотен лет, тогда как немцы, французы, англичане всегда были и продолжают быть нам несравненно ближе и роднее, чем какие-то черногорцы, сербы, болгары. И начались такие же восторги, приемы и торжества, раздувавшиеся Аксаковыми и Катковскими, которых поминают уже теперь в Париже, как образцы патриотизма. Тогда, как и теперь, говорили только о взаимной внезапно вспыхнувшей любви между русскими и славянами. Сначала точно так же, как теперь в Париже, тогда в Москве пили, ели, говорили друг другу глупости, умилялись на свои воз-

вышенные чувства, говорили об единении и мире и умалчивали о главном, о замыслах против Турции. Газеты раздували возбуждение; в игру понемногу вступало правительство. Поднялась Сербия. Начались дипломатические ноты, полуофициальные статьи; газеты всё более и более лгали, выдумывали, горячились, и кончилось тем, что Александр II, действительно не желавший войны, не мог не согласиться на нее, и совершилось то, что мы знаем: гибель сотен тысяч невинных людей и озверение и одурение миллионов. То, что делалось в Тулоне и Париже и теперь продолжает делаться в газетах, очевидно ведет к такому же или еще ужаснейшему бедствию. Точно так же сначала будут под звуки «Боже, царя храни» и «Марсельезы» пить разные генералы и министры за Францию, Россию, за разные полки, армии и флоты; будут печатать свое лганье газеты, будет праздная толпа богатых людей, не знающих, куда девать свои силы и время, болтать патриотические речи, раздувая враждебность к Германии, и как бы ни был миролюбив Александр III, сложатся такие обстоятельства, что ему

нельзя будет отказаться от войны, которой будут требовать все окружающие его, все газеты и, как это всегда кажется, общественное мнение всего народа. И не успеем мы оглянуться, как на столбцах газет появится обычное зловещее, нелепое провозглашение:

«Божьей милостью, мы, самодержавнейший, великий государь всея России, царь польский, великий князь финляндский и проч. и проч., объявляем всем нашим верным подданным, что для блага этих, вверенных нам богом, любезных наших подданных, мы сочли своей обязанностью перед богом послать их на убийство. С нами бог» и т. п.

Зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство. И начнется опять старое, давно известное, ужасное дело. Засуетятся, разжигающие людей под видом патриотизма к ненависти и убийству, газетчики, радуясь тому, что получают двойной доход. Засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военных припасов, ожидая двойных барышей. Засуетятся всякого рода чиновники, предвидя возможность украсть больше, чем они крадут

обыкновенно. Засуеются военные начальства, получающие двойное жалованье и рации и надеющиеся получить за убийство людей различные высокоценимые ими побрякушки — ленты, кресты, галуны, звезды. Засуеются праздные господа и дамы, вперед записываясь в Красный крест, готовясь перевязывать тех, которых будут убивать их же мужья и братья, и воображая, что они делают этим самое христианское дело.

И, заглушая в своей душе отчаяние песнями, развратом и водкой, побредут оторванные от мирного труда, от своих жен, матерей, детей — люди, сотни тысяч простых, добрых людей с орудиями убийства в руках туда, куда их погонят. Будут ходить, зябнуть, голодать, болеть, умирать от болезней, и, наконец, придут к тому месту, где их начнут убивать тысячами, и они будут убивать тысячами, сами не зная зачем, людей, которых они никогда не видали, которые им ничего не сделали и не могут сделать дурного.

И когда наберется столько больных, раненых и убитых, что некому будет уже подбирать их, и когда воздух уже так заразится

этим гниющим пушечным мясом, что неприятно сделается даже и начальству, тогда останутся на время, кое-как подберут раненых, свезут, свалят кучами куда попало больных, а убитых заруют, посыпав их известкой, и опять поведут всю толпу обманутых еще дальше, и будут водить их так до тех пор, пока это не надоест тем, которые затеяли всё это, или пока те, которым это было нужно, не получат всего того, что им было нужно.

И опять одичают, остервенеют, озвереют люди, и уменьшится в мире любовь, и наступившее уже охристианение человечества отодвинется опять на десятки, сотни лет. И опять те люди, которым это выгодно, с уверенностью станут говорить, что если была война, то это значит то, что она необходима, и опять станут готовить к этому будущие поколения, с детства развращая их.

VII

И потому, когда являются такие патристические проявления, как тулонские празднества, хотя и издалека как будто, но уже вперед связывающие волю людей и обязывающие их к тем обычным злодействам, которые

всегда вытекают из патриотизма, всякий понимающий значение этих празднеств не может не протестовать против всего того, что молчаливо включено в них. И потому когда господа журналисты печатают, что все русские сочувствуют тому, что делалось в Кронштадте, Тулоне и Париже, что этот союз на жизнь и смерть закреплён волею всего народа, и когда русский министр просвещения уверяет французских министров, что вся его команда — русские дети, ученые и писатели разделяют его чувства, или когда начальник русской эскадры уверяет французов, что вся Россия будет признательна им за их прием, и когда протопресвитеры отвечают за своих пасомых и уверяют, что молитвы французов за жизнь августейшего дома радостно отозвались в сердцах русского *царелюбивого* народа, и когда русский посланник в Париже, считающийся представителем русского народа, говорит после блюда *ortolans à la soubise et logorédes glacées* с бокалом шампанского *grand Moët* в руке, что все русские сердца бьются в унисон с его сердцем, преисполненным внезапной и исключительной любовью

к прекрасной Франции (la belle France), — то мы, свободные от одурения люди, считаем своей священной обязанностью не только за себя, но и за десятки миллионов русских людей, самым решительным образом протестовать против этого и заявить, что сердца наши не бьются в унисон с сердцами г-д журналистов, министров просвещения, начальников эскадр, протопресвитеров и послов, и, напротив, переполняются негодованием и омерзением к той вредной лжи и тому злу, которые они сознательно или бессознательно распространяют своими поступками и речами. Пусть они пьют Моёт, сколько им угодно, и пишут статьи и произносят речи от себя и за себя, но мы, все христиане, сознающие себя таковыми, не можем допустить того, что всё то, что говорят и пишут эти люди, связывает нас. Не можем допустить этого потому, что мы знаем, что кроется под всеми этими пьяными восторгами, речами и объятиями, похожими не на закрепление мира, как уверяют нас, а скорее на те оргии и пьянства, которым предаются злоумышленники, готовясь на совместное преступление.

VIII

Года четыре тому назад, — первая ласточка тулонской весны — один известный французский агитатор в пользу войны с Германией приезжал в Россию для приготовления франко-русского союза и был у нас в деревне. Он приехал к нам в то время, как мы работали на покосе. Во время завтрака мы, вернувшись домой, познакомились с гостем, и он тотчас же рассказал нам, как он воевал, был в плену, бежал из него и как дал себе патриотический обет, которым он, очевидно, гордился: не перестать агитировать для войны против Германии до тех пор, пока не восстановится целостность и слава Франции.

В нашем кругу все убеждения нашего гостя о том, как необходим союз России с Францией для восстановления прежних границ Франции и ее могущества и славы и для обеспечения нас от зловредных замыслов Германии, не имели успеха. На доводы его о том, что Франция не может успокоиться до тех пор, пока не вернет отнятых провинций, мы отвечали, что точно так же Пруссия не может успокоиться, пока не отплатила за Иену и

что, если revanche французов теперь будет удачная, немцам надо будет опять отплачивать, и так без конца.

На доводы его, что французы обязаны спасти оторванных от себя братьев, мы отвечали, что положение жителей, большинства жителей, рабочих жителей Эльзас-Лотарингии под властью Германии едва ли в чем-нибудь стало хуже того, в котором они были под властью Франции, и что из-за того, что некоторым эльзасцам приятнее числиться за Францией, чем за Германией, и из-за того, что ему, нашему гостю, желательно восстановить славу французского оружия, никак не стоит не только начинать тех страшных бедствий, которые произойдут от войны, но нельзя пожертвовать даже и одной человеческой жизнью.

На доводы же его о том, что хорошо нам говорить так, когда мы не испытали того же, но что мы заговорили бы иначе, если бы у нас отняты были Остзейские провинции, Польша, мы отвечали: что, даже с точки зрения государственной, отнятие у нас Польши, Остзейских провинций никак не может быть для

нас бедствием, а скорее может считаться благом, так как оно уменьшило бы потребность военной силы и государственных расходов; с точки же зрения христианской мы ни в каком случае не можем допустить войны, так как война требует убийства людей, а христианство не только запрещает всякое убийство, но требует благотворения всем людям, считая всех братьями без различия народностей. Христианское государство, говорили мы, вступающее в войну, для того, чтобы быть последовательным, должно не только снять кресты с церквей, самые церкви обратить в помещения для других целей, духовенству дать другие должности и, главное, запретить евангелие, — но должно отречься от всех тех требований нравственности, которые вытекают из христианского закона. *C'est à prendre ou à laisser,*⁶⁰ говорили мы. До тех же пор, пока не будет уничтожено христианство, привлекать людей к войне можно будет только хитростью и обманом, как это и делается теперь. Мы же видим эту хитрость и обман и потому не можем поддаться им. Так как при этом не было музыки, шампанского, ничего одурма-

нивающего нас, то наш гость только пожимал плечами и с свойственной французам любезностью говорил, что он очень благодарен за тот радушный прием, который он получил в нашем доме, но очень сожалеет о том, что мысли его не получили того же.

IX

После этой беседы мы пошли на покос, и там он, надеясь найти в народе больше сочувствия своим мыслям, попросил меня перевести старому уже, болезненному, с огромной грыжей и все-таки затыжному в труде мужику, нашему товарищу по работе, крестьянину Прокофию, свой план воздействия на немцев, состоящий в том, чтобы с двух сторон сжать находящегося в середине между русскими и французами немца. Француз в лицах представил это Прокофию, своими белыми пальцами прикасаясь с обеих сторон к потной посконной рубаше Прокофия. Помню добродушно насмешливое удивление Прокофия, когда я объяснил ему слова и жест француза. Предложение о сжатии немца с двух сторон Прокофий, очевидно, принял за шутку, не допуская мысли о том, чтобы взрослый и ученый человек

мог с спокойным духом и в трезвом состоянии говорить о том, чтобы желательно было воевать.

— Что же, как мы его с обеих сторон зажмем, — сказал он, отвечая шуткой, как он думал, на шутку, — ему и податься некуда будет, надо ему тоже простор дать.

Я перевел этот ответ своему гостю.

— *Dites lui que nous aimons les Russes*,⁶¹ — сказал он. Слова эти поразили Прокофия, очевидно, еще более, чем предложение о сжати немца, и вызвали некоторое чувство подозрения.

— Чей же он будет? — спросил меня Прокофий, с недоверием указывая головой на моего гостя. Я сказал, что он француз, богатый человек.

— Что же он по какому делу? — спросил Прокофий. Когда я ему объяснил, что он приехал для того, чтобы вызвать русских на союз с Францией в случае войны с немцами, Прокофий, очевидно, остался вполне недоволен и, обратившись к бабам, сидевшим у копны, строгим голосом, невольно выражавшим чувства, вызванные в нем этим разговором,

крикнул на них, чтобы они заходили сгребать в копны недогребенное сено.

— Ну, вы, вороны, задремали. Заходи. Пора тут немца жать. Вон еще покос не убрали, а похоже, что с середины жать пойдут, — сказал он. И потом, как будто боясь оскорбить таким замечанием приезжего чужого человека, он прибавил, оскаливая в добрую улыбку свои до половины съеденные зубы: — Приходи лучше с нами работать, да и немца присылай. А отработаемся — гулять будем. И немца возьмем. Такие же люди. — И, сказав это, Прокофий вынул свою жилистую руку из развилины вил, на которые он опирался, вскинул их на плечи и пошел к бабам.

— Oh, le brave homme!⁶² — воскликнул, смеясь, учтивый француз. И на этом закончил тогда свою дипломатическую миссию к русскому народу.

Вид этих двух столь противоположных друг другу людей — сияющего свежестью, бодростью, элегантностью, хорошо упитанного француза в цилиндре и длинном, тогда самом модном пальто, своими нерабочими, белыми руками энергически показывающего в

лицах, как надо сжать немца, — и вид шершавого, с трухой в волосах, высохшего от работы, загорелого, всегда усталого и, несмотря на свою огромную грыжу, всегда работающего Прокофия с своими распухшими от работы пальцами, в его спущенных домашних портках, разбитых лаптях, шагающего с огромной навилиной сена на плече той не ленивой, но экономной на движения походкой, которой движется всегда рабочий человек, — вид этих двух столь противоположных друг другу людей очень многое уяснил мне тогда и живо вспомнился мне теперь, после тулоно-парижских празднеств. Один из них олицетворял собой всех тех вскормленных и обеспеченных трудами народа людей, которые употребляют потом этот народ как пушечное мясо; Прокофий же — то самое пушечное мясо, которое вскармливает и обеспечивает тех людей, которые им распоряжаются.

Х

«Но у французов отняты две провинции, отторгнуты дети от любимой матери. Но Россия не может потерпеть того, чтобы Германия предписывала ей законы и лишала

ее исторического призвания на востоке, — не может допустить возможности отнятия у нее, как у французов, ее провинций: Остзейского края, Польши, Кавказа. Но Германия не может допустить возможности потери тех преимуществ, которые она приобрела такими жертвами. Но Англия не может никому уступить своего морского преобладания». И, сказав такие слова, обыкновенно, предполагается, что француз, и русский, и немец, и англичанин должны быть готовы жертвовать всем для возвращения отнятых провинций, утверждения своего влияния на востоке, соблюдения своего единства и могущества, владычества над морями и т. п.

Предполагается, что чувство патриотизма есть, во-первых, — чувство, всегда свойственное всем людям, а, во-вторых, — такое высокое нравственное чувство, что, при отсутствии его, должно быть возбуждаемо в тех, которые не имеют его. Но ведь ни то, ни другое несправедливо. Я прожил полвека среди русского народа и в большой массе настоящего русского народа в продолжение всего этого времени ни разу не видал и не слышал прояв-

ления или выражения этого чувства патриотизма, если не считать тех заученных на солдатской службе или повторяемых из книг патриотических фраз самыми легкомысленными и испорченными людьми народа. Я никогда не слыхал от народа выражений чувств патриотизма, но, напротив, беспрестанно от самых серьезных, почтенных людей народа слышал выражения совершенного равнодушия и даже презрения ко всякого рода проявлениям патриотизма. То же самое я наблюдал и в рабочем народе других государств, и то же подтверждали мне не раз образованные французы, немцы и англичане о своем рабочем народе.

Рабочий народ слишком занят поглощающим всё его внимание делом поддержания жизни, себя и своей семьи, чтобы он мог интересоваться теми политическими вопросами, которые представляются главным мотивом патриотизма: вопросы влияния России на Восток, об единстве Германии, или возвращении Франции отнятых провинций, или уступки той или другой части одного государства другому и т. п. не интересуется он не толь-

ко потому, что он никогда почти не знает тех условий, при которых возникают эти вопросы, но и потому, что интересы его жизни совершенно независимы от государственных, политических интересов. Человеку из народа всегда совершенно всё равно, где проведут какую границу и кому будет принадлежать Константинополь, будет или не будет Саксония или Брауншвейг членом Германского союза, и будет ли Англии принадлежать Австралия или земля Мателло, и даже какому правительству ему придется платить подать и в чье войско отдавать своих сынов; но ему всегда очень важно знать, сколько ему придется платить податей, долго ли служить в военной службе, долго ли платить за землю и много ли получать за работу — всё вопросы совершенно независимые от общих государственных, политических интересов. Оттого-то и происходит то, что, несмотря на все усиленные средства, употребляемые правительствами для привития народам не свойственного им патриотизма и подавления в народах развивающихся в них идей социализма, — социализм всё более и более проникает в народ-

ные массы, а патриотизм, так старательно прививаемый правительствами, не только не усваивается народом, но всё более и более исчезает и держится только в высших классах, которым он выгоден. Если же и бывает, что патриотизм захватывает иногда народную толпу, как это было теперь в Париже, то это бывает только тогда, когда толпа эта подвергается усиленному гипнотическому воздействию правительств и правящих классов, и держится патриотизм в народе только до тех пор, пока продолжается это воздействие.

Так, например, в России, где патриотизм в виде любви и преданности к вере, царю и отечеству с необыкновенной напряженностью всеми находящимися в руках правительства орудиями: церкви, школы, печати и всякой торжественности, прививается народу, русский рабочий человек — сто миллионов русского народа, несмотря на ту незаслуженную репутацию, которую ему сделали, народа особенно преданного своей вере, царю и отечеству, есть народ самый свободный от обмана патриотизма и от преданности вере, царю и отечеству. Веры своей, той православной, го-

сударственной, которой он будто бы так предан, он большей частью не знает, а как только узнает, бросает ее и становится рационалистом, т. е. принимает такую веру, на которую нападать и которую защищать нельзя; к царю своему, несмотря на непрестанные, усиленные внушения в этом направлении, он относится, как ко всем насильственным властям, если не с осуждением, то с совершенным равнодушием; отечества же своего, если не разумеет под этим свою деревню, волость, он или совершенно не знает, или, если знает, то не делает между ним и другими государствами никакого различия. Так что, как прежде русские переселенцы шли в Австрию, в Турцию, так и теперь они селятся совершенно безразлично в России, вне России, в Турции или в Китае.

XI

Мой старый друг Д., живя зимой один в деревне, в то время как жена его, которую он изредка навещал там, жила в Париже, по длинным осенним вечерам часто беседовал с безграмотным, но очень умным и почтенным мужиком — старостой, приходившим по ве-

черам с докладом, и приятель мой рассказывал ему между прочим и о преимуществах французского государственного порядка перед нашим. Это было накануне последнего польского восстания и вмешательства французского правительства в наши дела. Патристические русские газеты тогда возгорелись негодованием к такому вмешательству, так разожгли правящие классы, что положение было очень напряженное, и у нас заговорили о войне с Францией.

Приятель мой, начитавшись газет, рассказал старосте и про эти отношения между Россией и Францией. Подчиняясь настроению газет, приятель мой говорил, что если будет война (он был старый военный), он пойдет на службу и будет воевать с Францией. Тогда *revanche* французам казалась нужной патристическим русским за Севастополь.

— Зачем же нам воевать? — спросил староста.

— Да как же позволить Франции распоряжаться у нас.

— Да ведь вы сами говорите, что у них лучше нашего устроено, — сказал староста совер-

шенно серьезно. — Пускай бы они так у нас устроили.

И приятель мой рассказывал мне, что рассуждение это так поразило его, что он решительно не знал, что ответить, и только засмеялся, как смеются люди, проснувшись от обманчивого сна.

Такие же суждения можно услышать от всякого трезвого русского рабочего человека, если только он не находится под гипнотическим влиянием правительства. Говорят о любви русского народа к своей вере, царю и отечеству, а между тем не найдется в России ни одного общества крестьян, которое бы на минуту задумалось о том, что ему выбрать из двух предстоящих мест поселения: одно в России с русским батюшкой-царем, как это пишется в книжках, и святой верой православной в своем обожаемом отечестве, но с меньшей и худшей землей, или без батюшки белого царя и без православной веры где-либо вне России, в Пруссии, Китае, Турции, Австрии, но с несколько большими и лучшими угодиями, что мы и видели прежде и видим и теперь. Для всякого русского крестьянина вопрос о

том, под чьим они будут правительством (так как он знает, что, под чьим бы он ни был, одинаково будут обирать его), имеет несравненно меньше значения, чем вопрос — не скажу уже: хороша ли вода, но — мягка ли глина и хорошо ли родится капуста.

Но можно подумать, что равнодушие русских происходит от того, что всякое правительство, под власть которого они перейдут, будет наверно лучше русского, потому что в Европе нет ни одного хуже его; но это не так: сколько мне известно, то же самое мы видели на переселенцах англичанах, голландцах, немцах, переселяющихся в Америку, всяких других народностях, переселяющихся в Россию.

Переходы европейских народов из-под власти одного правительства под власть другого: из-под турецкого под австрийское или из-под французского под германское, так мало изменяют положение народа, что ни в каком случае не могут вызвать никакого недовольства в рабочем народе, если он только не будет искусственно подчинен внушениям правительств и правящих классов.

ХII

Обыкновенно в доказательство существования патриотизма приводят проявления патриотических чувств в народе во время различных торжеств, как, например, в России во время коронации или встречи царя после крушения 17 октября, или во Франции во время объявления войны Пруссии, или в Германии во время торжеств победы, или во время франко-русских празднеств.

Но ведь надо знать, как подготавливаются эти манифестации. В России, например, при каждом проезде государя наряжаются от крестьянских обществ и с фабрик люди для встреч и приветствий царя.

Восторги толпы большей частью искусственно приготавливаются теми, кому они нужны, и степень восторга, выражаемая толпой, показывает только степень искусства учредителей этих восторгов. Дело это практикуется давно и потому специалисты учредители этих восторгов дошли в приготовлениях их до высокой виртуозности. Когда Александр II был еще наследником и командовал, как это обыкновенно делается, Преображенским пол-

ком, он раз после обеда приехал в полк, стоявший в лагере. Только что показалась его коляска, солдаты, как были в одних рубашках, выбежали ему навстречу и с таким восторгом встретили, как это пишется, своего августейшего командира, что все взапуски бежали за коляской и многие из них на бегу крестились, глядя на наследника. Все те, кто видели эту встречу, были умилены этой наивной преданностью и любовью русского солдата к царю и его наследнику и тем непритворным религиозным и очевидно неподготовленным восторгом, который выражался в лицах, в движениях и в особенности в крестных знамениях солдат. А между тем всё это было сделано искусственно и приготовлено следующим образом: после смотра накануне наследник сказал бригадному командиру что он заедет завтра.

— Когда ожидать ваше императорское величество?

— Должно быть, вечером. Только, пожалуйста, чтобы не было приготовлений. — Как только наследник уехал, бригадный командир созвал ротных командиров и распорядился, чтобы на завтрашний день все солдаты

были в чистых рубахах, и как только завидят коляску наследника, которую должны ждать махальные, — чтобы все бежали, как попало, навстречу и с криками «ура» бежали бы за коляской, при этом, чтобы каждый десятый человек в роте бежал и крестился. Фельдфебеля выстроили роты и, считая по одному, оставались на десятом: «раз, два, три... восемь, девять, десять, Сидоренко крестится; раз, два, три, четыре... Иванов крестится...» И всё было исполнено по приказанию, и впечатление восторга произведено было полное и на наследника, и на всех присутствующих, и даже на солдат и офицеров, и даже на бригадного командира, который сам всё это выдумал. Точно так же, хотя менее грубо, делается это и везде, где есть патриотические манифестации. Так, франкорусские празднества, которые представляются нам как произвольные выражения чувства народа, произошли не сами собой, а были, напротив, очень искусственно и довольно видно подготовлены и вызваны французским правительством.

«Как только стал известен приезд русских моряков, так тотчас же, — я цитирую опять из

того же «Сельского Вестника», правительственного органа, собирающего свои сведения из всех других газет, — не только во всех больших и малых городах, лежащих на довольно длинном пути между Тулоном и Парижем, но и во множестве городов и селений, лежащих совсем в стороне на далеком расстоянии, — начали составляться комитеты для устройства празднеств. Открылся повсюду сбор пожертвований на расходы по этим празднествам. Многие города посылали делегации в Париж к нашему императорскому послу с просьбами, чтобы русские моряки посетили эти города хоть на один день, даже хоть на один час. Городские управления всех тех городов, в которых указано побывать нашим морякам, назначили огромные суммы, более чем по 100 тысяч рублей на устройство различных празднеств и увеселений, и изъявили готовность израсходовать на это еще большие суммы, сколько потребуется, лишь бы встреча и празднества вышли как можно великолепнее.

«В самом Париже, кроме суммы на этот предмет, отпущенной от городского управле-

ния, еще собрана большая сумма по частной подписке частным комитетом тоже на устройство увеселений, и французское правительство ассигновало более 100 тысяч рублей на расходы для чествования русских гостей министрами и другими властями. Во многих городах, где наши моряки вовсе не покажутся, все-таки решено устроить 1-го октября разные празднества в честь России. Множество городов и провинций решили послать в Тулон или Париж особые делегации приветствовать русских гостей и поднести им подарки на память о Франции или послать им приветственные адреса и телеграммы. Решено повсюду день 1-го октября считать народным праздником и воспитанников учебных заведений освободить от учения на этот день, а в Париже на два дня. Штрафным нижним чинам решено простить их провинности, чтобы они с благодарностью вспоминали радостный день для Франции — день 1-го октября.

Для облегчения желающим из публики посетить Тулон и участвовать в встрече русской эскадры, железные дороги понизили плату наполовину и снаряжали особые поезда не в

очередь».

И вот когда целым рядом повсеместных од-новременных мер, которые, благодаря находящейся в его руках власти, всегда может принять правительство, некоторая часть народа, преимущественно пена народная, городская толпа, приведена в ненормально-возбужденное состояние, говорят: смотрите, это произвольное выражение воли всего народа. Такие манифестации, как те, которые происходили теперь в Тулоне и Париже, которые происходят в Германии при встрече императора или Бисмарка, или при маневрах в Лотарингии и постоянно повторяющиеся в России при всяких торжественно обставленных встречах, доказывают только то, что средства искусственного возбуждения народа, находящиеся теперь в руках правительств и правящих классов, так могущественны, что правительства и правящие классы, обладающие ими, всегда могут по произволу вызвать какую они хотят патриотическую манифестацию проявлением патриотических чувств народа. Ничто, напротив, не доказывает с такой очевидностью отсутствие патриотизма в на-

родах, как именно те напряженные усилия, которые употребляются теперь правительствами и правящими классами для искусственного возбуждения его, и те малые результаты, которые получаются, несмотря на все эти усилия.

Если патриотические чувства так свойственны народам, то оставили бы их свободно проявляться, а не возбуждали бы их всеми возможными и постоянными и исключительными искусственными средствами. Пусть бы хоть на время, на год, перестали бы в России, как это делают теперь, при вступлении всякого царя во власть, заставлять весь народ присягать ему, перестали бы при всякой церковной службе по нескольку раз торжественно произносить обычные молитвы за царя, перестали бы праздновать с колокольным звоном, иллюминацией и запретами работать дни его рождения и именин, перестали бы вывешивать и выставлять везде его изображения, перестали бы в молитвенниках, календарях, учебниках печатать огромными буквами имя его и семьи и даже местоимения, относящиеся к ним; перестали бы в особых книжках и

газетах, только для этого назначенных, возвеличивать его; перестали бы судить и сажать в тюрьмы за малейшее неуважительное слово, сказанное о царе, — перестали бы хоть на время это делать, и тогда мы увидали бы, насколько свойственно народу, настоящему рабочему народу, Прокофию, старосте Ивану и всем людям русского народа, как в этом уверяют народ и уверены все иностранцы, обожать царя, который тем или другим способом отдаёт их в руки помещика и вообще богатых. Так это в России, но пусть точно так же перестанут в Германии, Франции, Италии, Англии, Америке делать всё то, что точно так же напряженно делается и там правящими классами для возбуждения патриотизма и преданности и покорности существующему правительству, и тогда мы увидали бы, насколько свойствен этот воображаемый патриотизм народам нашего времени.

А то с детства всеми возможными средствами — школьными учебниками, церковными службами, проповедями, речами, книгами, газетами, стихами, памятниками — всё в одном и том же направлении одурят народ,

потом соберут насильно или подкупом несколько тысяч народа и, когда эти собравшиеся тысячи, к которым пристанут еще все зеваки, которые всегда рады присутствовать при всяком зрелище, и когда вся эта толпа при звуках стрельбы из пушек, музыки и при виде всякого блеска и света начнет кричать то, что прокричат перед ней, нам говорят, что это выражение чувств всего народа. Но, во 1-х, эти тысячи, ну, много, десятки тысяч людей, которые кричат что-то при таких торжествах, составляют только одну крошечную, десяти тысячную часть всего народа; во 2-х, из этих десятков тысяч кричащих и махающих шапками людей, большая половина, если не согнана насильно, как у нас в России, то искусственно вызвана какой-нибудь приманкой; в 3-х, из всех этих тысяч едва ли есть десятки, которые знают, в чем дело, и точно так же кричали бы и махали тапками, если бы происходило совершенно противное тому, что происходит; в 4-х, тут же присутствует полиция, которая сейчас же заставит замолчать и заберет всех тех, которые закричат не то, чего хочет и требует правительство, как это

усиленно делалось во время франко-русских празднеств.

Во Франции одинаково восторженно приветствовали войну с Россией при Наполеоне I, и потом Александра I, того, против кого велась война, и потом опять Наполеона, и опять союзников, и Бурбона, и Орлеана, и республику, и Наполеона III, и Буланже; а в России одинаково восторженно приветствуют нынче Петра, завтра Екатерину, послезавтра Павла, Александра, Константина, Николая, герцога Лейхтенбергского, братьев славян, прусского короля и французских моряков и всех тех, кого начальство захочет приветствовать. Точно то же самое происходит в Англии, Америке, Германии, Италии.

То, что называется патриотизмом в наше время, есть только, с одной стороны, известное настроение, постоянно производимое и поддерживаемое в народах школой, религией, подкупной прессой в нужном для правительства направлении, с другой — временное, производимое исключительными средствами правящими классами, возбуждение низших по нравственному и умственному даже уров-

ню людей народа, которое выдается потом за постоянное выражение воли всего народа. Патриотизм угнетенных народностей не составляет из этого исключения. Он точно так же несвойствен рабочим массам, а искусственно прививается им высшими классами.

XIII

«Но если люди народа не испытывают чувства патриотизма, то это происходит оттого, что они не доросли еще до этого высокого и свойственного всякому образованному человеку чувства. Если они не испытывают этого высокого чувства, то надо его воспитывать в них. Это самое и делает правительство».

Так говорят обыкновенно люди правящих классов с такой полной уверенностью в том, что патриотизм есть высокое чувство, что наивные люди из народа, не испытывающие этого чувства, признают себя виноватыми в том, что они не испытывают этого чувства, стараются уверить себя, что они испытывают его или хотя притворяются в этом.

Но что же такое это высокое чувство, которое, по мнению правящих классов, должно

быть воспитываемо в народах?

Чувство это есть, в самом точном определении своем, не что иное, как предпочтение своего государства или народа всякому другому государству и народу, чувство, вполне выражаемое немецкой патриотической песней: «Deutschland, Deutschland über alles»,⁶³ в которую стоит только вместо Deutschland вставить Russland, Frankreich, Italien или N. N., т. е. какое-либо другое государство, и будет самая ясная формула высокого чувства патриотизма. Очень может быть, что чувство это очень желательно и полезно для правительств и для цельности государства, но нельзя не видеть, что чувство это вовсе не высокое, а, напротив, очень глупое и очень безнравственное; глупое потому, что если каждое государство будет считать себя лучше всех других, то очевидно, что все они будут неправы, и безнравственно потому, что оно неизбежно влечет всякого человека, испытывающего его, к тому, чтобы приобрести выгоды для своего государства и народа в ущерб другим государствам и народам, — влечение прямо противоположное основному, признаваемому всеми

нравственному закону: не делать другому и другим, чего бы мы не хотели, чтобы нам делали.

Патриотизм мог быть добродетелью в древнем мире, когда он требовал от человека служения наивысшему — доступному человеку того времени — идеалу отечества. Но как же может быть патриотизм добродетелью в наше время, когда он требует от людей прямо противоположного тому, что составляет идеал нашей религии и нравственности, не признания равенства и братства всех людей, а признания одного государства и народности преобладающими над всеми остальными. Но мало того, что чувство это в наше время уже не только не есть добродетель, но несомненный порок; чувства этого, т. е. патриотизма в истинном его смысле, в наше время и не может быть, потому что нет для него ни материальных, ни нравственных оснований.

Патриотизм мог иметь смысл в древнем мире, когда каждый народ более или менее однородный по своему составу, исповедующий одну и ту же государственную религию и подчиняясь одной неограниченной власти

своего верховного, обоготворяемого владыки, представлялся сам себе как бы островом среди постоянно стремящегося залить его океана варваров.

Понятно, что при таком положении патриотизм, т. е. желание отстоять от нападения варваров, не только готовых разрушить общественный порядок, но угрожающих разграблениями и поголовными убийствами, и пленением, и обращением в рабство мужчин, и изнасилованием женщин, было чувством естественным, и понятно, что человек, для избавления себя и своих соотечественников от таких бед, мог предпочитать свой народ всем другим и испытывать враждебное чувство к окружающим его варварам и убивать их, чтобы защитить свой народ.

Но какое же значение может иметь это чувство в наше христианское время? На каком основании и для чего может человек нашего времени, русский пойти и убивать французов, немцев, или француз немцев, когда он знает очень хорошо, как бы он ни был мало образован, что люди другого государства и народа, к которому возбуждается его патри-

отическая враждебность, не варвары, а точно такие же люди — христиане, как и он, часто даже одной с ним веры и исповедания, точно так же, как и он, желающие только мира и мирного обмена труда и, кроме того, еще большей частью связанные с ним или интересами общего труда, или торговыми, или духовными интересами, или теми и другими вместе. Так что очень часто для людей одного государства — люди другого государства ближе и нужнее, чем свои соотечественники, как это имеет место для рабочих, связанных с работодателями чужих народностей, для торговых людей и в особенности для ученых и художников.

Кроме того, сами условия жизни до того изменились теперь, что то, что мы называем отечеством, то, что мы должны как-то отличать от всего остального, перестало быть ясно определенным, как оно было у древних, где составлявшие одно отечество люди принадлежали к одной народности, одному государству и одной вере. Понятен патриотизм египтянина, еврея, грека, римлянина, которые, защищая свое отечество, защищали вместе и

свою веру, и свою народность, и свою родину, и свое государство.

Но в чем выразится в наше время патриотизм ирландца в Соединенных Штатах, по вере своей принадлежащего Риму, по народности Ирландии, по государственности Соединенным Штатам? В таком же положении находится чех в Австрии, поляк в России, Пруссии и Австрии, индеец в Англии, татарин и армянин в России и Турции. Но, не говоря уже о людях этих отдельных покоренных народностей, люди государств самых однородных, как Россия, Франция, Пруссия, не могут уже испытывать того чувства патриотизма, который был свойствен древним, потому что очень часто все главные интересы их жизни, иногда семейные — он женат на женщине другого народа; экономические — капиталы его за границей; духовные, научные или художественные — все не в своем отечестве, а вне его, в том государстве, к которому возбуждается его патриотическая ненависть.

Главное же невозможен патриотизм в наше время потому, что, как мы ни старались в продолжение 1800 лет скрыть смысл христи-

анства, оно все-таки проточилось в нашу жизнь и до такой степени руководит ею, что люди, самые грубые и глупые, не могут уже не видеть теперь совершенной несовместимости патриотизма с теми нравственными правилами, которыми они живут.

XIV

Патриотизм был нужен для образования Объединенных из разных народностей и защищенных от варваров сильных государств. Но как скоро христианское просвещение одинаково внутренне преобразило все эти государства, дав им одни и те же основы, патриотизм стал уже не только не нужен, но стал единственным препятствием для того единения между народами, к которому они готовы по своему христианскому сознанию.

Патриотизм в наше время есть жестокое предание уже пережитого периода времени, которое держится только по инерции и потому, что правительства и правящие классы, чувствуя, что с этим патриотизмом связана не только их власть, но и существование, старательно и хитростью и насилием возбуждают и поддерживают его в народах. Патриот-

тизм в наше время подобен лесам, когда-то бывшим необходимыми для постройки стен здания, которые, несмотря на то, что они одни мешают теперь пользованию зданием, все-таки не снимаются, потому что существование их выгодно для некоторых.

Между христианскими народами уже давно нет и не может быть никаких причин раздора. Невозможно даже представить себе, как и зачем мирно и вместе работающие на границах и в столицах русские и немецкие рабочие станут ссориться между собой. И тем менее можно вообразить себе вражду между каким-нибудь казанским крестьянином, поставляющим хлеб немцу, и немцем, доставляющим ему косы и машины, то же самое между французскими, немецкими и итальянскими рабочими. О ссоре же между учеными, художниками, писателями разных национальностей, живущими одними общими, независимыми от национальности и государственности интересами, даже смешно говорить.

Но правительствам нельзя оставить народы в покое, т. е. в мирных отношениях между собой, потому что если не единственное, то

главное оправдание существования правительств в том, чтобы умиротворять народы, улаживать их враждебные отношения. И вот правительства вызывают эти враждебные отношения под видом патриотизма и потом делают вид, что умиротворяют народы между собой. Вроде того, как цыган, который, насыпав своей лошади перца под хвост, нахлестав ее в стойле, выводит ее, повиснув на поводу, и притворяется, что он насилу может удержать разгорячившуюся лошадь.

Нас уверяют, что правительства заботятся о соблюдении мира между народами. Как же они соблюдают этот мир?

Живут люди по берегам Рейна, мирно общаясь между собой, — вдруг, вследствие разных ссор и интриг между королями и императорами, начинается война, и оказывается нужным правительству Франции признать некоторых из этих жителей французами. Проходят века, люди привыкли к этому положению, опять начинается вражда между правительствами больших народов, и по самому пустому предлогу начинается война, и оказывается нужным немцам признать этих жите-

лей опять немцами, и во всех французах и немцах разжигается недоброжелательство друг к другу. Или живут мирно немцы с русскими на своей границе, мирно обмениваются трудами и произведениями труда, и вдруг те самые учреждения, которые существуют только во имя умиротворения народов, начинают ссориться, делать глупость за глупостью и ничего лучшего не умеют придумать, как самый ребяческий прием самонаказания, только бы поставить на своем и насолить противнику (что в этом случае особенно удобно, так как те, кто устраивает таможенную войну, не страдают от нее, а страдают другие), устраивают ту таможенную войну, которая недавно велась между Россией и Германией. И между немцами и русскими с помощью газет начинает разгораться недоброжелательное чувство, которое еще разжигается франко-русскими празднествами и того и гляди может привести и к кровавой войне.

Я привел эти последние два примера воздействия правительств на народ для возбуждения в нем враждебности к другим народам, потому что они современные; но нет во всей

истории ни одной войны, которая не была бы вызвана правительствами, одними правительствами, совершенно независимо от выгод народов, которым война, даже если она успешна, всегда вредна.

Правительства уверяют народы, что они находятся в опасности от нападения других народов и от внутренних врагов и что единственное средство спасения от этой опасности состоит в рабском повиновении народов правительствам. Так это с полной очевидностью видно во время революций и диктатур и так это происходит всегда и везде, где есть власть. Всякое правительство объясняет свое существование и оправдывает все свои насилия тем, что если бы его не было, то было бы хуже. Уверив народы, что они в опасности, правительства подчиняют себе их. Когда же народы подчинятся правительствам, правительства эти заставляют народы нападать на другие народы. И, таким образом, для народов подтверждаются уверения правительств об опасности от нападения со стороны других народов.

*Divide et impera.*⁶⁴

Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так он и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм.

Патриотизм есть рабство.

Проповедники мира посредством арбитражи рассуждают так: два животные не могут разделить добычу иначе, как подравшись, так же поступают дети, варвары и варварские народы. Но люди разумные решают свои несогласия рассуждением, убеждением, передачей решения вопроса незаинтересованным, разумным лицам. Так должны поступать и народы нашего времени. Рассуждения эти кажутся вполне правильными. Народы нашего времени дожили до периода разумности, не имеют враждебности друг к другу и могли бы решать свои несогласия путем мирным. Но рассуждение это справедливо только относительно народов, одних народов, если

бы они не были под властью правительств. Народы же, подчиняющиеся правительствам, не могут быть разумны, потому что подчинение правительствам уже есть признак величайшего неразумия.

Какая же речь может быть о разумности людей, вперед обещающих исполнить всё то (включая сюда и убийство людей), что предпишет правительство, т. е. известные случайно попавшие в это положение люди.

Люди, могущие принять такое обязательство безропотного подчинения всему тому, что им предпишут неизвестные им люди из Петербурга, Вены, Берлина, Парижа, не могут быть разумны, и правительства, т. е. люди, обладающие такой властью, еще менее могут быть разумны и не могут не злоупотреблять ею, не могут не ошалевать от такой безумно страшной власти. Поэтому-то и не может быть достигнут мир народов между собой разумным путем, конвенциями, арбитрацией до тех пор, пока будет существовать подчинение народов правительствам, которое всегда неразумно и всегда пагубно.

Подчинение же людей правительствам

всегда будет, пока будет патриотизм, потому что всякая власть основывается на патриотизме, т. е. на готовности людей, ради защиты своего народа, отечества, т. е. государства, от мнимо угрожающих ему опасностей, подчиняться власти.

На этом патриотизме основывалась власть французских королей над своим народом до революции; на этом же патриотизме основывалась и власть Комитета общественной безопасности после революции; на этом же патриотизме воздвиглась власть Наполеона (и консула и императора); и на том же патриотизме установилась по свержении Наполеона власть Бурбонов, и потом республики, и Людовика-Филиппа, и опять республики, и опять Бонапарта, и опять республики, и на этом же патриотизме чуть было не установилась власть г-на Буланже.

Страшно сказать, но нет и не было такого совокупного насилия одних людей над другими, которое не производилось бы во имя патриотизма. Во имя патриотизма воевали русские с французами, французы с русскими, и во имя же патриотизма теперь готовятся рус-

ские с французами воевать против немцев, и во имя патриотизма готовятся теперь немцы — воевать на два фронта. Но не только войны, — во имя патриотизма русские душат поляков и немцы славян; во имя патриотизма коммунары убивали версальцев и версальцы — коммунаров.

XV

Казалось бы, что распространение образования, облегченных способов передвижения, частого общения между людьми разных народов, при распространении печати и, главное, при совершенном уничтожении опасности от других народов, обман патриотизма должен бы становиться всё труднее и труднее и под конец сделаться невозможным.

Но дело в том, что те самые средства всеобщего внешнего образования, облегченных способов передвижения и общения и, главное, печати, захваченные и всё более и более захватываемые правительствами, дают им теперь такую возможность возбуждать в народах враждебные друг к другу чувства, что на сколько увеличивалась очевидность ненужности и вреда патриотизма, на столько

же увеличивалась и сила воздействия правительств и правящих классов на народ для возбуждения патриотизма.

Различие между тем, что было и что есть теперь, состоит только в том, что так как теперь гораздо большее число людей участвует в тех выгодах, которые доставляет патриотизм высшим классам, то и гораздо большее число людей участвует в распространении и поддержании этого удивительного суеверия.

Чем труднее удержать свою власть, тем всё большим и большим количеством людей правительство делится ею.

Прежде властвовала одна маленькая кучка правителей: императоры, короли, герцоги, их чиновники и воины; теперь же участниками этой власти и доставляемых ею выгод стали не только чиновники и духовенство, но капиталисты, большие и даже малые, и землевладельцы, и банкиры, и члены палат, и учителя, и сельские должностные лица, и ученые, и даже художники, и в особенности писатели, журналисты. И все эти лица сознательно и бессознательно распространяют обман патриотизма, необходимый им для удержания свое-

го выгодного положения. И обман, благодаря тому, что средства обмана стали сильнее и что в нем участвует теперь всё большее количество людей, производится так успешно, что, несмотря на большую трудность обмана, степень обманутости народа остается та же.

За 100 лет тому назад безграмотный народ, не имевший никакого понятия о том, из кого состоит его правительство, и о том, какие народы окружают его, слепо повиновался тем местным чиновникам и дворянам, у которых он находился в рабстве. И достаточно было правительству держать подкупами и наградами в своей власти этих чиновников и дворян, чтобы народ покорно исполнял то, что от него требовалось. Теперь же, когда народ уже большею частью умеет читать, знает более или менее, из кого состоит его правительство, какие народы окружают его; когда люди из народа постоянно и легко передвигаются с места на место, принося ему сведения о том, что делается на свете, уже недостаточно простого требования исполнения приказаний правительств; нужно еще затемнить те правдивые понятия, которые имеет народ о жиз-

ни, и внушить ему несвойственные представления об условиях его жизни и об отношении к нему других народов.

И вот, благодаря распространению печати, грамотности и легкости сообщений, правительства, везде имея своих агентов, через указы, церковные проповеди, школы, газеты внушают народу самые дикие и превратные понятия об его выгодах, об отношениях народов между собой, об их свойствах и намерениях, и народ, настолько задавленный трудом, что не имеет ни времени, ни возможности понять значение и проверить справедливость тех понятий, которые внушаются ему, и тех требований, которые во имя его блага предъявляются ему, безропотно покоряется им.

Люди же из народа, освобождающиеся от неустанного труда и образующиеся и потому, казалось бы, могущие понять обман, производимый над ними, подвергаются такому усиленному воздействию угроз, подкупа и гипнотизации правительств, что почти без исключения тотчас переходят на сторону правительств и, поступая в выгодные и хорошо оплачиваемые должности учителей, священ-

ников, офицеров, чиновников, становятся участниками распространения того обмана, который губит их собратий. Как будто в дворян образования стоят тенета, в которые, неизбежно попадают все те, которые теми или другими способами выходят из массы поглощенного трудом народа.

Сначала, когда поймешь всю жестокость этого обмана, невольно поднимается негодование против тех, которые из-за своих личных, корыстолюбивых, тщеславных выгод, производят этот жестокий, губящий не только тело, но и душу людей, обман, хочется обличить этих жестоких обманщиков. Но дело в том, что обманывающие обманывают не потому, что они хотят обманывать, но потому, что они почти не могут поступать иначе. И обманывают они не макиавелически, не с сознанием производимого ими обмана, но большей частью с наивной уверенностью, что они делают что-то доброе и возвышенное, в чем их постоянно поддерживает сочувствие и одобрение всех окружающих их. Правда, что, смутно чувствуя то, что на этом обмане держится их власть и выгодное положение, они

невольню влекутся к нему, но действуют они не потому, что они хотят обмануть народ, а потому, что думают, что делаемое ими дело полезно для народа,

Так, императоры, короли со своими министрами, делая свои коронации, маневры, смотры, посещения друг друга, во время которых они, наряжаясь в различные мундиры, переезжая с места на место, с серьезными лицами совещаються друг с другом о том, как примирить будто бы враждебные народы (которым никогда и в голову не придет воевать друг с другом), вполне уверены, что всё то, что они делают, дело очень разумное и полезное.

Точно так же все министры, дипломаты и всякие чиновники, наряжающиеся в свои мундиры с разными ленточками и крестиками и озабоченно пишущие на прекрасной бумаге за номерами свои неясные, запутанные, никому не нужные сообщения, донесения, предписания, проекты, вполне уверены, что без этой их деятельности остановится или расстроится вся жизнь народов.

Точно так же и военные, наряженные в

свои смешные костюмы, серьезно рассуждающие о том, какими ружьями или пушками лучше убивать людей, вполне уверены, что их маневры и смотры суть самые важные и нужные для народа дела.

В этом же убеждены и проповедующие патриотизм священники, журналисты и составители патриотических стихов и учебников, получающие за это щедрое вознаграждение. В том же не сомневаются и учредители празднеств вроде франко-русских, искренно умиляющиеся при произнесении своих патриотических речей и тостов. Все люди эти делают то, что они делают, бессознательно, потому что это необходимо им, так как на этом обмане построена вся их жизнь, и потому что они другого ничего не умеют делать, а между тем эти самые поступки вызывают сочувствие и одобрение всех тех людей, среди которых они совершаются. Мало того что, будучи все связаны друг с другом, они сами одобряют и оправдывают поступки и деятельность друг друга: императоры и короли — военных, чиновников и духовных; а военные, чиновники и духовные — императоров и королев и друг

друга, толпа народная, преимущественно городская толпа, не видя никакого понятного для себя смысла во всем том, что делается всеми этими людьми, невольно приписывает им особенное, почти сверхъестественное значение. Толпа видит, например, что ставятся триумфальные арки, люди наряжаются в короны, мундиры, ризы, сжигаются фейерверки, палят из пушек, звонят в колокола, ходят с музыкой полки, летают бумаги, и телеграммы, и курьеры с места на место, и странно наряженные люди непрерывно, озабоченно переезжают с места на место, что-то говорят и пишут и т. п., и толпа, не будучи в состоянии проверить, что всё это делается (как оно есть в действительности) без малейшей надобности, приписывает всему этому особенное, таинственное для себя и важное значение, и криками восторга или молчаливым уважением встречает все эти проявления. А между тем эти выражения иногда восторга и всегда уважения толпы еще более усиливают уверенность тех людей, которые производят все эти глупости.

Недавно Вильгельм II заказал себе новый

трон с какими-то особенными украшениями и, нарядившись в белый мундир с латами, в обтянутые штаны и в каску с птицей и сверх этого надев красную мантию, вышел к своим подданным и сел на этот новый трон с полной уверенностью, что это дело очень нужное и важное, и подданные его не только не нашли в этом ничего смешного, но нашли это зрелище весьма торжественным.

XVI

Уже давно власть правительств над народами держится не на силе, как она держалась в те времена, когда одна народность покоряла другую и силой оружия держала ее в покорности, или когда у властителей среди безоружного народа были отдельные вооруженные полчища янычар, опричников, гвардейцев. Власть правительств держится теперь уже давно только на том, что называется общественным мнением.

Существует общественное мнение, что патриотизм есть великое нравственное чувство и что хорошо и должно считать свой народ, свое государство самым лучшим в мире, и устанавливается естественно вытекающее

из этого общественное мнение о том, что хорошо и должно признавать над собой власть правительств и подчиняться ей, что хорошо и должно служить в военной службе и подчиняться дисциплине, хорошо и должно в виде подати отдавать свои сбережения правительству, хорошо и должно подчиняться решениям судов, хорошо и должно бесконтрольно верить тому, что выдается правительственными лицами за божественную истину.

А раз существует такое общественное мнение, то и устанавливается могущественная власть, обладающая в наше время миллиардами денег, организованным механизмом управления, почтами, телеграфами, телефонами, дисциплинированными войсками, судами, полицией, покорным духовенством, школой, даже прессой, и власть эта поддерживает в народах то общественное мнение, которое нужно ей.

Власть правительств держится на общественном мнении, обладая же властью, правительства посредством всех своих органов, чиновников, суда, школы, церкви, прессы даже, всегда могут поддержать то общественное

мнение, которое им нужно. Общественное мнение производит власть, власть производит общественное мнение. И выхода из этого положения кажется что нет никакого.

И так бы оно действительно было, если бы общественное мнение было нечто постоянное, неизменяющееся и правительства могли бы производить то общественное мнение, которое им нужно.

Но, к счастью, этого нет, и общественное мнение есть, во-первых, не нечто постоянное, неизменяющееся, стоячее, а, напротив, нечто постоянно изменяющееся, движущееся вместе с движением человечества; а во-вторых, общественное мнение не только не может быть производимо по желанию правительствами, а есть то, что производит правительства и дает им власть или отнимает ее у них.

Если и может казаться, что общественное мнение остается неподвижным и теперь таково же, каким оно было десятки лет тому назад, и может казаться и то, что общественное мнение по отношению некоторых частных случаев колеблется, как будто возвращаясь назад, так что оно, например, то уничтожает

республику, заменяя ее монархией, то вновь уничтожает монархию, заменяя ее республикой, но это только кажется так, когда мы рассматриваем внешние проявления того общественного мнения, которое искусственно производится правительствами. Но стоит только взять общественное мнение в его отношении ко всей жизни людей, и мы увидим, что общественное мнение точно так же, как время дня или года, никогда не стоит на месте, а всегда движется, всегда идет неотступно вперед по тому же пути, по которому идет вперед человечество, точно так же, как, несмотря на задержки и колебания, неотступно идет вперед день или весна по тому же пути, по которому идет солнце.

Так что хотя по самым внешним признакам положение народов Европы в наше время почти такое же, какое было 50 лет тому назад, отношение к нему народов уже совсем иное, чем то, которое было 50 лет тому назад. Если существуют те же, как и 50 лет тому назад, властители, войска, войны, подати, роскошь и нищета, католичество, православие, лютеранство, то прежде это существовало по-

тому, что общественное мнение народов требовало этого, теперь же всё это существует только потому, что правительства искусственно поддерживают то, что было когда-то живым общественным мнением.

Если же мы часто не замечаем этого движения общественного мнения, как не замечаем движения воды в реке, по течению которой плывем, то происходит это оттого, что те незаметные изменения общественного мнения, которые составляют его движение, происходят в нас самих.

Свойство общественного мнения есть постоянное и неудержимое движение. Если нам кажется, что оно стоит на месте, то это происходит оттого, что везде есть люди, устроившие себе выгодное положение на известном моменте общественного мнения и потому всеми силами старающиеся удержать его и не дать проявиться тому новому, настоящему, которое хотя еще и не выразилось вполне, но уже живет в сознании людей. И такие люди, удерживающие отжившее общественное мнение и скрывающие новое, суть теперь все те, которые составляют правительства и правя-

щие классы, исповедующие патриотизм, как необходимое условие жизни человеческой.

Средства, которыми обладают эти люди, огромны, но так как общественное мнение есть нечто вечно текущее и прибывающее, то все усилия их не могут не быть тщетны: старое старится, молодое растет.

Чем дольше будет удержано выражение нового общественного мнения, тем более оно нарастет и тем с большею силою выразится. Правительства и правящие классы всеми силами стараются удержать то старое общественное мнение патриотизма, на котором построена их власть, и остановить проявление нового, которое уничтожает ее. Но удержать старое и остановить новое можно только до известных пределов, точно так же, как только до известного предела можно плотной задержать текущую воду.

Сколько бы ни старались правительства возбуждать в народах не свойственное им уже общественное мнение прошедшего о достоинстве и доблестях патриотизма, люди нашего времени уже не верят в патриотизм, а всё больше и больше верят в солидарность и

братство народов. Патриотизм уже не представляет людям никакого, кроме самого ужасного, будущего; братство же народов составляет тот общий идеал, который всё более и более становится понятным и желательным человечеству. И потому переход людей от прежнего, отжитого общественного мнения к новому неизбежно должен совершиться. Переход этот так же неизбежен, как отпадение весной последних сухих листьев и развертывание молодых из надувшихся почек.

И чем дальше оттягивается этот переход, тем он становится настоятельнее и тем очевиднее его необходимость.

Ведь в самом деле, стоит только вспомнить то, что мы исповедуем и как христиане и просто как люди своего времени, вспомнить те нравственные основы, которыми мы руководствуемся в нашей общественной, семейной и личной жизни, и то положение, в котором мы во имя патриотизма поставили себя, чтобы увидеть, до какой мы дошли степени противоречия между нашим сознанием и тем, что считается среди нас, благодаря усиленному воздействию в этом направлении

правительства, нашим общественным мнением.

Стоит только вдуматься в те самые обыкновенные требования патриотизма, которые, как что-то самое простое и естественное, предъявляются нам, чтобы понять, до какой степени эти требования противоречат тому действительному общественному мнению, которое мы все уже разделяем. Все мы считаем себя свободными, образованными, гуманными людьми и даже христианами, и между тем все мы находимся в таком положении, что завтра Вильгельм обиделся на Александра, или г-н N. N. написал бойкую статью о восточном вопросе, или принц какой-нибудь ограбил каких-нибудь болгар или сербов, или какая-нибудь королева или императрица обиделась на что-нибудь, и мы все, образованные, гуманные христиане, должны идти убивать людей, которых мы не знаем и к которым дружески расположены, как и ко всем людям. Если же этого не случилось еще, то мы обязаны этим, как уверяют нас, миролюбию Александра III, или тому, что Николай Александрович женится на внучке Виктории.

А будет на месте Александра другой, или сам Александр изменит свое настроение, или Николай Александрович женится на Амалии, а не на Алисе, и мы, как кровожадные звери, бросимся выпускать кишки друг другу. Таково мнимое общественное мнение нашего времени. Суждения такие спокойно повторяются во всех самых передовых и либеральных органах печати.

Если мы, тысячелетние христиане, еще не перерезали горло друг другу, то это потому, что Александр III не позволяет нам сделать этого.

Ведь это ужасно!

XVII

Для того, чтобы совершились самые великие и важные изменения в жизни человечества, не нужны никакие подвиги: ни вооружение миллионов войск, ни постройки новых дорог и машин, ни устройства выставок, ни устройства союзов рабочих, ни революции, ни баррикады, ни взрывы, ни изобретения, ни воздухоплавание и т. п., а нужно только изменение общественного мнения. Для изменения же общественного мнения не

нужно никаких усилий мысли, не нужно опровергать что-либо существующее и придумывать что-либо необыкновенное, новое, нужно только не поддаваться ложному, уже умершему, искусственно возбуждаемому правительствами общественному мнению прошедшего, нужно только, чтобы каждый отдельный человек говорил то, что он действительно думает и чувствует, или хоть не говорил того, чего он не думает. И только бы люди, хоть небольшое количество людей, делали это, и тотчас само собой спадет отжившее общественное мнение и проявится молодое, живое, настоящее. А изменится общественное мнение, и без всякого усилия само собой заменится всё то внутреннее устройство жизни людей, которое томит и мучает их. Совестно сказать, как мало нужно для того, чтобы всем людям освободиться от всех тех бедствий, которые теперь удручают их: нужно только не лгать. Пускай только не поддаются люди той лжи, которую внушают им, пусть только не говорят того, что они не думают и не чувствуют, и тотчас же совершится такой переворот во всем строе нашей жизни, которого не до-

стигнут революционеры столетиями, если бы вся власть находилась в их руках.

Только бы верили люди, что сила не в силе, а в правде, и смело высказывали бы ее, или хоть только бы не отступали от нее словом и делом: не говорили бы того, чего они не думают, не делали бы того, что они считают нехорошим и глупым.

Что же тут важного, чтобы прокричать: «Vive la France» или «ура!» какому-нибудь императору, королю, победителю, пойти, надев мундир, придворный ключ, дожидаться его в передней, раскланиваться и называть его странными титулами и потом внушать всем и молодым и необразованным людям, что делать это очень похвально. Или что важного в том, чтобы написать статью в защиту франко-русского союза или таможенной войны, или в осуждение немцев, русских, французов, англичан. Или что важного пойти на какое-нибудь патриотическое празднование и пить за здоровье и говорить хвалебные речи людям, которых не любишь и до которых тебе нет никакого дела. Или даже что важного в том, чтобы в разговоре признать благотвор-

ность и полезность трактатов, союзов или даже промолчать, когда при вас восхваляют свой народ и государство, бранят и чернят другие народности, или когда восхваляют католичество, православие, лютеранство или какого-нибудь героя войны, или правителя вроде Наполеона, Петра или современного Буланже, Скобелева? Всё это кажется так неважно. А между тем в этих-то кажущихся нам неважными поступках, в воздержании нашем от участия в них, в указании по мере сил наших неразумности того, неразумность чего очевидна нам, в этом наше великое, непреодолимое могущество, то, из которого складывается та непобедимая сила, которая составляет настоящее, действительное общественное мнение, то мнение, которое, само двигаясь, движет всем человечеством. Правительства знают это и трепещут перед этой силой и всеми зависящими от них средствами стараются противодействовать ей или завладеть ею.

Они знают, что сила не в силе, а в мысли и ясном выражении ее, и потому боятся выражения независимой мысли больше, чем ар-

мий, устраивают цензуры, подкупают газеты, захватывают управления религиями, школами. Но та духовная сила, которая движет миром, ускользает от них, она даже не в книге, не в газете, она неуловима и всегда свободна, она в глубине сознания людей. Самая могущественная и неуловимая, свободная сила эта есть та, которая проявляется в душе человека, когда он один, сам собою обдумывает явления мира и потом невольно высказывает свои мысли своей жене, брату, другу, всем тем людям, с которыми он сходится и от которых считает грехом скрыть то, что он считает истиной. Никакие миллиарды рублей, миллионы войск и никакие учреждения, ни войны, ни революции не произведут того, что может произвести простое выражение свободным человеком того, что он считает справедливым независимо от того, что существует и что ему внушается.

Один свободный человек скажет правдиво то, что он думает и чувствует среди тысяч людей, своими поступками и словами, утверждающими совершенно противоположное. Казалось бы, что высказавший искренно

свою мысль должен остаться одиноким, а между тем большей частью бывает так, что все или большинство уже давно думают и чувствуют то же самое, только не высказывают этого. И то, что было вчера новым мнением одного человека, делается нынче общим мнением большинства. А как скоро установилось это мнение, так тотчас незаметно, понемногу, но неудержимо начинают изменяться поступки людей.

А то каждый свободный человек говорит себе: «Что я могу сделать против всего этого моря зла и обмана, заливающего нас? К чему высказывать свое мнение? К чему даже составлять его? Лучше не думать об этих неясных и запутанных вопросах. Может быть, эти противоречия составляют неизбежное условие всех явлений жизни. И к чему мне одному бороться со всем злом мира? Не лучше ли отдаться увлекающему меня потоку: если и можно что-нибудь сделать, то не одному, а только в обществе с другими людьми». И, оставляя то могущественное орудие мысли и выражения ее, которое движет миром, каждый берется за орудие общественной деятель-

ности, не замечая того, что всякая общественная деятельность основана на тех самых началах, с которыми ему предлежит бороться, что, вступая в общественную деятельность, существующую среди нашего мира, всякий человек должен хоть отчасти отступить от истины, сделать такие уступки, которыми он уничтожает всю силу того могущественного орудия борьбы, которое дано ему. Вроде того, как если бы человек, которому дан в руки необыкновенной остроты клинок, всё перерезающий, стал бы лезвием этого клинка забивать гвозди.

Все мы плачемся на безумный, противоречащий всему нашему существу порядок жизни, а не только не пользуемся тем единственным находящимся в нашей власти могущественнейшим орудием: сознания истины и выражения ее, но, напротив, под предлогом борьбы со злом уничтожаем это орудие и приносим его в жертву воображаемой борьбе с этим порядком.

Один не говорит той правды, которую он знает, потому, что он чувствует себя обязанным перед людьми, с которыми он связан,

другой — потому, что правда могла бы лишить его того выгодного положения, посредством которого он поддерживает семью, третий — потому, что он хочет достигнуть славы и власти и потом уже употребить их на служение людям; четвертый — потому, что он не хочет нарушать старинные священные предания, пятый — потому, что он не хочет оскорблять людей, шестой — потому, что высказывание правды вызовет преследование и нарушит ту добрую общественную деятельность, которой отдается или намерен отдалиться...

Один служит императором, королем, министром, чиновником, военным и уверяет себя и других, что то уклонение от истины, которое необходимо при его положении, далеко выкупается приносимой им пользой.

Другой исполняет обязанности духовного пастыря, в глубине души не веря всему тому, чему он поучает, но позволяет себе уклонение от истины ввиду приносимой им пользы. Третий поучает людей в литературе и, несмотря на необходимое умалчивание всей истины для того, чтобы не восстановить про-

тив себя правительства и общества, не сомневается в приносимой им пользе; четвертый прямо борется с существующим порядком, как революционеры, анархисты, и вполне уверен, что цель, преследуемая им, так благотворна, что необходимое для успеха его деятельности умалчивание истины и даже ложь, не уничтожат благотворности его деятельности.

Для того, чтобы изменился противный сознанию людей порядок жизни и заменился соответственным ему, нужно, чтобы отжившее общественное мнение заменилось живым, новым. Для того же, чтобы старое, отжившее общественное мнение уступило место новому, живому, нужно, чтобы люди, сознающие новые требования жизни, явно высказывали их. А между тем все люди, сознающие все эти новые требования, один во имя одного, другой во имя другого, не только умалчивают их, но словом и делом утверждают то, что прямо противоположно этим требованиям. Только истина и высказывание ее может установить то новое общественное мнение, которое изменит отсталый и вред-

ный порядок жизни, а между тем мы не только не высказываем той истины, которую знаем, а часто даже прямо высказываем то, что сами считаем неправдой.

Только бы не полагались свободные люди на то, что не имеет силы и всегда несвободно, — на внешнее могущество, а верили бы в то, что всегда могущественно и свободно, — в истину и выражение ее. Только бы смело, ясно высказывали люди уже открывшуюся им истину о братстве всех народов и преступности исключительной приверженности к своим народам, и сама собой соскочило бы, как отсохшая шкура, то мертвое, ложное общественное мнение, на котором держится вся власть правительств и всё зло, производимое ими, и проявилось бы то новое, живое общественное мнение, которое ждет только отпадения мешающего ему старого, для того чтобы явно и властно заявить свои, требования и установить соответственные сознанию людей, новые формы жизни.

XVIII

Стоит людям только понять, что то, что им выдают за общественное мнение, что под-

держивается такими сложными, напряженными и искусственными средствами, не есть общественное мнение, а только мертвое последствие когда-то бывшего общественного мнения; стоит, главное, поверить им в себя, в то, что то, что сознается ими в глубине души, что просится у каждого наружу и не высказывается только потому, что противоречит существующему общественному мнению, — есть та сила, которая изменяет мир и проявление которой составляет призвание человека; стоит людям поверить в то, что правда не есть то, что говорят вокруг них люди, а то, что говорит человеку его совесть, т. е. бог, и мгновенно исчезнет ложное, искусственно поддерживаемое общественное мнение и установится истинное.

Только бы люди говорили то, что они думают, и не говорили того, чего они не думают, и тотчас же отпали бы все суеверия, вытекающие из патриотизма, и все злые чувства и насилия, основанные на нем. Отпала бы раздуваемая правительствами ненависть и вражда государств к государствам и народностей к народностям, отпали бы восхваления

военных подвигов, т. е. убийства, отпали бы, главное, уважение к властям, отдачи им своих трудов и подчинение им, для которых помимо патриотизма нет никаких оснований.

А только бы сделалось это, и мгновенно вся та огромная масса слабых, всегда извне руководимых людей, мгновенно перевалит на сторону нового общественного мнения. И новое общественное мнение станет царствующим на место старого.

Пускай обладают правительства школой, церковью, печатью, миллиардами рублей и миллионами дисциплинированных, обращенных в машины людей, — вся эта кажущаяся страшной организация грубой силы ничто перед сознанием истины, возникающим в душе знающего силу истины одного человека, и от этого человека сообщится другому, третьему, как одна свеча зажигает бесконечное количество других. Стоит только загореться этому свету, и, как воск от лица огня, распадется, растает вся эта кажущаяся столь могущественной организация.

Только бы люди понимали ту страшную власть, которая дана им в слове, выражаю-

цем истину. Только бы не продавали люди свое старшинство за чечевичную похлебку. Только бы пользовались люди этой своей властью, и не только не посмели бы властители, как теперь, угрожать людям всеобщей бойней, в которую они по своему произволу ввергнут или не ввергнут людей, не смели бы на глазах мирных жителей делать своих смотров и маневров дисциплинированным убийцам, не смели бы правительства для своих расчетов, для выгод своих пособников устраивать и расстраивать таможенные договоры, не смели бы собирать с народа и те миллионы рублей, которые они раздают своим пособникам и на которые приготавливаются к убийству.

Итак, изменение не только возможно, но невозможно, чтобы оно не сделалось, так же невозможно, как невозможно, чтобы не сошло и не развалилось отжившее, мертвое дерево и не выросло молодое.

«Мир оставляю вам, мир мой даю вам: да не смущается сердце ваше и да не устрашается», — сказал Христос. И мир этот действительно уже есть среди нас, и от нас зависит

приобрести его.

Только бы не смущалось сердце отдельных людей теми соблазнами, которыми ежечасно соблазняют их, и не устрашалось бы теми воображаемыми страхами, которыми пугают их. Только бы знали люди, в чем их могущественная, всепобеждающая сила, и мир, которого всегда желали люди, не тот, который приобретается дипломатическими переговорами, переездами императоров и королей из одного города в другой, обедами, речами, крепостями, пушками, динамитами и меленитами, не изнурением народа податями, не отрыванием цвета населения от труда и развращением его, а тот мир, который приобретается свободным исповеданием истины каждым отдельным человеком, уже давно наступил бы среди нас.

Л. Толстой.

17 марта 1894. Москва.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ Е. И. ПОПОВА «ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВДОКИМА НИКИТИЧА ДРОЖЖИНА. 1866—1894»

Еще Моисей в своих заповедях, данных людям 5000 лет тому назад, поставил заповедь: не убий. То же самое проповедывали все пророки; то же самое проповедывали мудрецы и учителя всего мира; то же самое проповедывал Христос, запрещая людям не только убийство, но всё то, что может вести к нему, всякое раздражение и гнев против брата; и то же самое написано в сердце каждого человека так явственно, что нет поступка более противного всему существу неизвращенного человека, чем убийство себе подобного существа — человека.

И вот, несмотря на то, что этот закон бога явно открыт нам Моисеем, пророками и Христом и так неизгладимо написан в нашем сердце, что в обязательности его для нас не может быть никакого сомнения, закон этот не только не признается в нашем мире, но

признается совершенно противоположный этому закон, закон обязательности для каждого человека нашего времени поступить в военную службу, т. е. стать в ряды убийц, поклясться в готовности к убийству, научиться искусству убивать и действительно убивать себе подобных, когда это от него потребуется.

65

Во времена языческие христианам было повелеваемо на словах отречься от Христа и бога и в знак отречения приносить жертвы языческим богам.

Теперь, в наше время, христианам повелевается уже не только отречься от Христа и бога принесением жертв языческим богам (приносить жертвы языческим богам можно, оставаясь в душе христианином), а повелевается отречься от Христа и бога совершением самого, несомненно, противного Христу и богу и запрещенного Христом и богом поступка — клятвы в готовности к убийству, приготовления к убийству и очень часто и самого убийства.

И как прежде находились люди, не соглашавшиеся поклоняться языческим богам и за

свою верность Христу и богу жертвовавшие жизнью, так и теперь были и есть люди, не отрекающиеся от Христа и бога, не соглашающиеся приносить клятву в готовности к убийству, не вступающие в ряды убийц и за эту верность гибнущие в самых ужасных страданиях, как это случилось с Дрожжиным, жизнь которого описывается в этой книге.

И как в прежнее время те, считавшиеся полубезумными, странными людьми, мученики христианства, которые гибли за то, что не хотели отречься от Христа, только одной своей верностью Христу разрушили языческий мир и открыли путь христианству, так и теперь люди, как Дрожжин, считающиеся безумцами и фанатиками, предпочитающие мучения и смерть отступлению от закона бога, одною своею верностью закону разрушают существующий жестокий порядок вернее революций и открывают людям новое радостное состояние всеобщего братства, царства божия, которое предвозвещали пророки и основы которого 1800 лет тому назад положены Христом.

Но мало того, что люди, как Дрожжин, те-

перь отказывающиеся от отречения от бога и Христа, своею деятельностью содействуют установлению того царства божия, которое предсказывали пророки, они указывают своим примером тот единственный несомненный путь, на котором может быть достигнуто; это царство божие и уничтожено всё то, что препятствует установлению его.

Разница между древними мучениками христианства и теперешними только в том, что тогда языческих дел от христиан требовали язычники, теперь же языческих и самых ужасных языческих дел — таких, каких не требовали язычники: убийства — требуют от христиан не язычники, а христиане или, по крайней мере, люди себя так называющие; в том, что тогда; сила язычества держалась на его неведении, на том, что оно не знало, не понимало христианства, теперь же жестокость мнимого христианства держится только на обмане, на сознательном обмане. Тогда для освобождения христианства от насилия надо было убедить язычников в истине христианства, а этого большею частью нельзя было сделать. Юлиан Отступник и многие

лучшие люди того времени искренно были убеждены, что язычество есть просвещение и благо, а христианство — мрак, невежество и зло. Теперь же для освобождения христианства от насилия и жестокости нужно только обличить обман ложного христианства. А обман этот сам собою несомненно обличается одним простым и неуклонным исповеданием истины, неизбежно вызывающим много-христианские власти к насилию, мучениям и убийству христиан за соблюдение того самого, что они же исповедуют.

Прежде христианин, отказывавшийся от поклонения языческим богам, говорил язычникам: «Я отрицаю вашу веру, я — христианин и не могу и не хочу служить вашим богам, а буду служить одному истинному богу и сыну его Христу Иисусу», и языческие власти казнили его за то, что он исповедывал религию, которую они считали ложной и вредной, и казнь его не носила в себе никакого противоречия и не подрывала того язычества, во имя которого его казнили. Теперь же христианин, отказывающийся от убийства, говорит свою исповедь уже не язычникам, а людям,

называющим себя христианами. И если он говорит: «я — христианин и не могу и не хочу исполнять противных христианскому закону требований убийства», то ему уже не могут сказать, как прежде язычники: «ты исповедуешь ложную и вредную веру, и за это мы казним тебя», а ему говорят: «мы — тоже христиане, но ты неверно понимаешь христианство, утверждая, что христианин не может убивать. Христианин может и должен убивать, когда ему велит это тот, кто в данную минуту считается его начальником. И за то, что ты не соглашаешься с тем, что христианин должен не любить врагов, а убивать. всех, тех, кого ему велят, мы христиане, исповедующие закон смирения, любви и прощения, казним тебя».

Выходит то, что власти, признающие себя христианскими, при всяком таком столкновении с людьми, отказывающимися от убийства, вынуждены самым явным и торжественным образом отречься от того христианства и нравственного закона, на котором одном зиждется их власть.

Кроме того, на несчастье ложных властей

и на счастье всего человечества, условия военной службы стали в последнее время совсем другие, чем те, какие были прежде, и потому требования властей стали еще очевиднее нехристианскими, и отказы от исполнения их требований стали еще более обличительны.

Прежде к военной службе призывалась едва ли одна сотая всех людей, и правительство могло предполагать, что в военную службу идут люди низшего уровня нравственности, такие, для которых военная служба не представляет ничего противного их христианской совести, как это и было отчасти, когда отдавали в солдаты за наказание. Тогда, если к военной службе призывали человека, по нравственным свойствам своим не могущего быть убийцей, то это была несчастная случайность и исключение.

Теперь же, когда все должны исполнять воинскую повинность, самые лучшие люди, самые наиболее христиански настроенные и далекие от возможности участия в убийстве, все должны признать себя убийцами и отступниками от бога.

Прежде нанимаемое властителями войско составляли отобранные, самые грубые, нехристианские и невежественные люди или охотники и наемники; прежде никто или редко кто читал евангелие и люди не знали его духа, а верили тому, что им толковали священники; и прежде только редкие, особенно фанатически настроенные люди, сектанты считали грехом военную службу и отказывались от нее. Теперь же нет ни одного человека в христианских государствах, ни одного, который бы не был обязан сознательно, своими деньгами, а в большей части Европы прямо непосредственно участвовать в приготовлениях к убийству или в самых убийствах; теперь все почти люди знают евангелие и дух учения Христа, все знают, что священники подкупленные обманщики, и никто уже, кроме самых невежественных людей, не верит им; и теперь уже не одни сектанты, а люди, не исповедующие никаких особенных догматов, люди образованные, свободномыслящие отказываются от военной службы и не только отказываются за себя, но прямо открыто всем говорят, что убийство несовместимо ни с ка-

ким исповеданием христианства.

И потому один такой отказ от военной службы, как отказ Дрожжина, отказ, выдержанный несмотря на мучения и смерть, один такой отказ колеблет всё громадное здание насилия, построенное на лжи, и грозит ему разрушением.

Страшная сила находится в руках правительств, и не только сила вещественная: огромное количество денег, учреждений, богатств, покорных чиновников, духовенства и войска, огромные духовные силы влияния на людей находятся в руках правительства. Оно может если не подкупить, то подавить, уничтожить всех тех, кто противится ему. Подкупленное духовенство проповедует солдатство в церквах, подкупленные писатели пишут книги, оправдывающие солдатство; в школах — высших и низших — обязательно преподаются обманные катехизисы, в которых внушается детям, что убивать на войне и по суду не только можно, но должно; к присяге пригоняются все, поступающие в войско; всё, что может раскрыть обман, строго воспрещается и казнится — самые страшные на-

казания накладываются на людей, не исполняющих требования служения в военной службе, т. е. убийства.

И удивительное дело, вся эта огромная, могущественная масса людей, вооруженная всеми силами человеческой власти, трепещет, прячется, чувствуя свою вину, и колеблется в своем существовании и всякую минуту готова рухнуть и разлететься прахом при появлении одного человека, как Дрожжин, который не уступает требованиям человеческим, а повинуется закону бога и прямо исповедует его.

А таких людей в наше время уже не один Дрожжин, а тысячи, десятки тысяч, и число и, главное, значение их растет с каждым годом и часом. В России мы знаем десятки тысяч людей, отказавшихся присягать новому царю и признающих военную службу убийством, несовместимым не только с христианством, но с самыми низшими требованиями чести, справедливости, нравственности. Мы знаем таких людей во всех европейских странах: знаем про назаренов, появившихся меньше 50 лет назад в Австрии и Сербии и из нескольких сот разросшихся теперь в количество

свыше 30 000, отказывающихся, несмотря на все гонения, от участия в военной службе. Мы узнали недавно про высокообразованного, совершенно свободномыслящего человека, военного врача, отказавшегося от военной службы, потому что он считает противным своей совести служение такому учреждению, как армия, предназначенному только для насилия над людьми и убийства их.

Но и не то важно, что людей этих много и становится всё больше и больше, важно то, что найден единственный истинный путь, по которому человечество несомненно придет к своему освобождению от зла, сковавшего его, и что на этом пути ничто и никто не может уже остановить его, потому что для освобождения на этом пути не нужно никаких усилий для уничтожения зла: оно само разлетается и тает, как воск от огня, а нужно только неучастие в нем. А для того, чтобы перестать участвовать в этом зле, от которого мы страдаем, не нужно никаких особенных ни умственных, ни телесных усилий, — нужно только отдаваться своей природе, быть добрым и правдивым перед богом и собою.

«Вы хотите, чтобы я стал убийцей, а я не могу этого сделать, и этого не велит мне мой бог и моя совесть. И потому делайте со мной, что хотите, а ни убивать, ни готовиться к убийству, ни помогать ему я не стану». И простой ответ этот, который неизбежно должен сделать всякий человек, потому что он вытекает из сознания людей нашего времени, разрушает всё то зло насилия, которое так долго тяготило мир.

Говорят: в священном писании сказано: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога, существующие же власти от бога установлены. Посему противящийся власти — противится божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее: ибо начальник есть божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по сове-

сти. Для сего вы и подати платите, ибо они бо-
жии служители, сим самым постоянно заня-
тые. И так отдавайте всякому должное: кому
подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх,
страх; кому честь, честь» (Рим. XIII, 1—7), и по-
тому надо повиноваться властям.

Но ведь уже не говоря о том, что тот самый
политический Павел, который римлянам го-
ворил, что надо повиноваться властям, ефеся-
нам говорит совершенно другое: «Наконец,
братии мои, укрепляйтесь господом и могу-
ществом силы его; облекитесь во все оружие
божие, чтобы вам можно было стать против
козней диавольских, потому что наша брань
не против крови и плоти, но против на-
чальств, против властей, против мироправи-
телей тьмы века сего, против духов злобы
поднебесных» (Ефес. VI, 10, 11, 12); не говоря
уже об этом, слова Павла к римлянам о пови-
новении существующим властям никаким
образом не могут быть соединены с учением
самого Христа, весь смысл которого состоит в
освобождении людей от власти мира и подчи-
нении их одной власти бога. «Если мир вас
ненавидит, знайте, что меня прежде вас воз-

ненавидел (Ин. XV, 18). Если меня гнали, будут гнать и вас (Ин. XV, 20). Если бы вы были от мира, мир любил бы свое, а как вы не от мира, но я избрал вас от мира, то мир ненавидит вас (Ин. XV, 19). И поведут вас к правителям и царям за меня, для свидетельства перед ними (Мф. X, 18, Мр. XIII, 9). И будете ненавидимы всеми за имя мое (Мф. X, 22). Возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя мое (Лк. XXI, 12). И всякий убивающий вас будет думать, что он тем служит богу. Так будут поступать, потому что не познали ни отца, ни меня, но я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время, вспомнили, что я сказал (Ин. XVI, 2—4). Но вы не бойтесь, потому что нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не стало бы явным (Мф. X, 26).

Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, но бойтесь того, кто может погубить и душу, и тело (Мф. X, 28). Князь мира сего осужден (Ин. XVI, 11). Мужайтесь, я победил мир (Ин. XVI, 33)».

Всё учение Христа есть указание пути

освобождения от власти мира, и Христос, будучи сам гонимым, предупреждал своих учеников о том, что если они будут верны его учению, то мир будет гнать их, и советовал им мужаться и не бояться своих гонителей. Но мало того, что он словами учил их этому, он всю свою жизнь и отношением к властям показал пример того, как должны поступать те, которые хотят следовать ему. Христос не только не повиновался властям, но постоянно обличал их: он обличал фарисеев в том, что они преданиями человеческими нарушают заповедь Божию, обличал их в том, что они ложно соблюдают субботу, что ложно устроили жертвоприношение в храме, обличал их за всё их лицемерие и жестокость, обличал города Харазин, Вифсаиду и Капернаум, обличал Иерусалим и предсказывал ему гибель.

На вопрос о том, даст ли он положенную подать при входе в Капернаум, он прямо говорит, что сыны, т. е. ученики его, свободны от всякой подати и не обязаны платить ее, и только, чтобы не соблазнить собирающих подати, не вызвать их к греху насилия, велит от-

дать тот статир, который случайно находится в рыбе и никому не принадлежит и ни у кого не отнимается.

На коварный вопрос же о том, нужно ли платить подать кесарю, он говорит: «Кесарю — кесарево, а богу — божье», т. е. отдавайте кесарю то, что ему принадлежит и им сделано, — монету, а божье — то, что богом сделано и вложено в вас: вашу душу, вашу совесть, — никому не отдавайте, кроме бога, и, следовательно, не делайте для кесаря то, что вам запрещено богом. И ответ этот изумляет всех своей смелостью и вместе с тем неотразимостью.⁶⁶

Когда же приводят Христа к Пилату, как бунтовщика, развращающего народ и запрещающего платить подать кесарю (Лк. XXIII, 2), то он, сказав то, что сам нашел нужным сказать, удивляет и возмущает всех начальников тем, что на все вопросы их не повинуется им и не отвечает ничего, И за это обличение власти и неповиновение им Христос осуждается и казнится.

Вся история страданий и смерти Христа есть не что иное, как история тех бедствий,

которым неизбежно подвергнется всякий человек, который последует примеру Христа повиновения богу, а не властям мира. И вдруг нас уверяют, что всё учение Христа должно быть не только исправлено, но отменено вследствие необдуманных и хитрых слов, написанных Павлом римлянам.

Но мало того, что слова Павла противоречат учению и жизни Христа, со всем желанием повиноваться властям, как это велит Павел, не из страха, но и по совести, это стало в наше время уже совершенно невозможным.

Не говоря уже о внутреннем противоречии христианства и повиновения власти, повиновение власти не из страха, но по совести стало невозможно в наше время потому, что вследствие всеобщего распространения просвещения власть, как нечто достойное уважения, высокое и, главное, нечто определенное и цельное, совершенно уничтожилась и нет никакой возможности восстановить ее.

Ведь хорошо было не из страха только, но и по совести повиноваться власти, когда люди во власти видели то, что видели в ней римляне — императора-бога, или как китай-

цы видят в богдыхане — сына неба; или как видели в средние века, да и вообще до революции в королях и императорах божественных помазанников, как еще недавно у нас в народе в царе видели земного бога, когда и не представляли себе царей, королей, императоров иначе, как богов в величественных положениях, творящих мудрые и великие дела; но как же быть теперь, когда, несмотря на все усилия и самих властей, и их сторонников, и даже самих подданных восстановить обаяние власти, просвещение, история, опыт, общение людей между собой уничтожили это обаяние, так что его так же невозможно восстановить, как восстановить весной растаявший лед, и так же невозможно что-нибудь твердое построить на нем, как невозможно ездить на санях по согнавшей лед и разлившейся реке.

Как быть теперь, когда все уже, за исключением самых грубых и необразованных людей, которых становится всё меньше и меньше, все хорошо знают, какие порочные люди были те Людовики XI-е, Елизаветы Английские, Иоанны IV, Екатерины, Наполеоны, Николаи I, которые царствовали и распоряжа-

лись судьбами миллионов и царствовали не благодаря какому-то священному, неизменно-му закону, как это думали прежде, а только потому, что люди эти сумели разными обманам, хитростями, злодействами так утвердить свою власть, что их не могли свергнуть, казнить или прогнать, как казнили и прогнали Карла I, Людовика XVI, Максимилиана мексиканского, Людовика Филиппа и других.

Как быть теперь, когда все знают, что и теперь властвующие короли, императоры не только не особенные, святые, великие, мудрые люди, занятые благом своих народов, но, напротив, большею частью очень дурно воспитанные, невежественные, тщеславные, порочные, часто очень глупые и злые люди, всегда развращенные роскошью и лестью, занятые вовсе не благом своих подданных, а своими личными интересами, а главное, неустанной заботой о том, чтобы поддержать свою шатающуюся, только хитростью и обманом поддерживаемую власть.

Но мало того, что люди видят теперь то дерево, из которого сделаны властители, представлявшиеся им прежде особенными суще-

ствами, что люди заглянули за кулисы этого представления и уже невозможно восстано-вить прежнюю иллюзию, люди видят и знают кроме того и то, что властвуют собственно не эти властители, а в конституционных госу-дарствах члены палат, министры, добиваю-щиеся своих положений интригами и подку-пами, а в неконституционных — жены, лю-бовницы, любимцы, льстецы и всякого рода пристраивающиеся к ним помощники.

Как же человеку уважать власть и повино-ваться ей не из страха, а по совести, когда он знает, что власть эта не есть что-нибудь от-дельно от него существующее, а есть произве-дение интриг, хитростей людей и постоянно переходит от одного лица к другому? Зная это, человек уже не только не может по сове-сти повиноваться власти, но не может не ста-раться уничтожить существующую власть и сам сделаться ею, т. е., пролезши во власть, за-хватить ее сколько возможно. Так это в дей-ствительности и бывает.

Та власть, про которую говорил Павел, власть, которой можно повиноваться по сове-сти, уже пережила свое время. Ее уже не су-

ществует более. Она, как лед, растаяла, и на ней держаться уже ничего не может. Прежде бывшая твердою поверхность реки стала жидкою, и для того, чтобы ездить по ней, нужно уже не сани и лошади, а лодка и весла. Точно так же и склад жизни вследствие просвещения до такой степени изменился, что власти, в том смысле, в котором ее понимали прежде, уже нет места в нашем мире, а осталось одно грубое насилие и обман. А насилию и обману нельзя повиноваться не из страха, а по совести.

«Но как же не повиноваться властям? Если не повиноваться властям, то будут страшные бедствия, злые люди будут мучить, угнетать, убивать добрых».

«Как не повиноваться власти, — говорю и я, — как решиться не повиноваться власти из властей, одной несомненной власти, той, из которой мы никогда не выйдем, под которой мы всегда находимся и требования которой мы несомненно, безошибочно знаем?»

Говорят: «Как решиться не повиноваться властям?»

— Каким властям? При Екатерине, когда

бунтовал Пугачев, половина народа присягла Пугачеву и была под властью его; что ж, какой власти надо было повиноваться? Власти Екатерины или Пугачева? Да при той же Екатерине, которая отняла власть у своего мужа — царя, которому присягали, кому надо было повиноваться? продолжать ли повиноваться Петру III или Екатерине?

Ни один русский царь, от Петра I и до Николая I включительно, не вступил на престол так, чтобы ясно было, чьей власти нужно повиноваться. Кому надо было повиноваться: Петру I, или Софии, или Иоанну — старшему брату Петра? София имела такие же права на царство, и доказательством того служит то, что после нее царствовали имевшие меньше прав женщины — обе Екатерины, Анна, Елизавета. Чьей власти надо было повиноваться после Петра, когда одни придворные взводили на престол солдатку, любовницу пастора, Меншикова, Шереметьева, Петра, — Екатерину I, а потом Петра II, потом Анну и Елизавету и, наконец, Екатерину II, имевшую на престол прав не больше Пугачева, так как во время ее царствования один законный на-

следник — Иоанн — содержался в крепости и был убит по ее распоряжению, а другой несомненно законный наследник был совершеннолетний сын Павел? И чьей власти надо было повиноваться, власти Павла или Александра, в то время как заговорщики, убившие Павла, еще только собирались убивать его? И чьей власти надо было повиноваться — Константина или Николая, когда Николай отнял власть у Константина? — Вся история есть история борьбы одной власти против другой как в России, так и во всех других государствах.

Мало того, даже не во времена междоусобий и свержения одних властителей и замещения их другими, в самые мирные времена, надо ли повиноваться Аракчееву, захватившему власть, или стараться свергнуть его и убедить царя в негодности его министров? Распоряжается людьми не верховная власть, а ее служители; надо ли повиноваться этим служителям, когда требования их явно дурны и вредны?

Так что, как бы мы ни желали повиноваться власти, это невозможно, потому что зем-

ной власти нет одной определенной, а все власти земные колеблются, изменяются, борются между собой. Какая и когда власть настоящая? И потому какой власти повиноваться?

Но мало того, что власть, требующая себе повиновения, сомнительна и мы не можем знать, настоящая она или нет, эта-то сомнительная власть требует от нас не безразличных, не безвредных дел, вроде того, чтобы мы построили пирамиду, храм, дворец или даже служили бы сильным мира сего и удовлетворяли бы их прихотям и роскоши. Это еще можно бы было делать. Но сомнительная власть требует от нас самого страшного для человека поступка — убийства, приготовления к нему, признания своей готовности к нему, требует такого дела, которое явно запрещено мне богом и потому губит мою душу. Неужели же мне из-за повиновения этой человеческой случайной, колеблющейся, раздвояющейся власти забыть требования той единой власти бога, которая так явно и несомненно известна мне, и погубить свою душу?

«Нельзя не повиноваться власти».

«Да, нельзя не повиноваться власти, — говорю и я, — только не власти императора, короля, президента, парламента и поставленных ими начальников, которых я не знаю и с которыми не имею ничего общего, а власти бога, которого я знаю, с которым живу, от которого получил и которому нынче-завтра отдаю свою душу».

Говорят: «Будут бедствия, если мы не будем повиноваться власти». — И говорят истинную правду, если под властью разумеют истинную власть, а не человеческий обман, который называют властью. Они и есть, эти бедствия, и страшные, ужасные бедствия, которые мы переживаем именно потому, что мы не повинемся одной несомненной и явно открытой нам и в писании и в нашем сердце власти бога.

Мы говорим: «Наши бедствия в том, что богатые и праздные богатеют, а бедные, трудящиеся беднеют; в том, что народ лишен земли и потому должен работать каторжную работу на фабриках, готовящих вещи, которыми он не пользуется; в том, что народ спаивают водкой, которую продает правительство; в

том, что молодые люди идут в солдаты, раз-
вращаются, разносят болезни и отстают от
простой трудовой жизни; в том, что в судах
правят богатые, а бедные сидят по тюрьмам; в
том, что народ одуряется в школах и церквях
и за это награждаются народными деньгами
чиновники и духовенство; в том, что все си-
лы народные: и люди, и деньги идут на вой-
ны и на войско, и войско это находится в ру-
ках правителей, которые этим войском по-
давляют всё то, что несогласно с их выгодой».

Бедствия эти ужасны. Но откуда они? И на
чем они держатся? — А только на том, что лю-
ди не повинуются единой истинной власти и
ее закону, написанному в их сердце, а пови-
нуются выдуманному постановлению чело-
веческим, которые они называют законом.
Если бы люди повиновались единой истин-
ной власти бога и его закона, они не брали бы
на себя обязательства убивать себе подобных,
не поступали бы в солдаты и не давали бы де-
нег на наем и содержание войска. А не было
бы войска, и не было бы всех тех жестокостей
и несправедливостей, которые оно поддержи-
вает. Только посредством войска можно было

установить и поддерживать такой порядок, при котором вся земля в руках тех, кто не работает на ней, а те, которые работают, лишены ее; только посредством войска можно отбирать труды бедных, отдавая их богатым; только посредством войска можно умышленно одурять народ и лишать его возможности истинного просвещения. Всё это держится войском. Войско же состоит из солдат, солдаты же — мы сами. Не будь солдат, и ничего этого не будет.

Положение людей теперь таково, что изменить его ничто не может, как только повиновение не ложной, а истинной власти.

— Но новое это положение без войска, без правительства, будет во много раз хуже того, в котором мы находимся теперь, — говорят на это.

— Хуже для кого? — спрошу я. — Для тех, которые властвуют теперь, для одной сотой всего народа? Для этой части народа, конечно, будет хуже. Но не для всего трудового, лишённого земли и произведений своего труда народа, уже только потому, что для этих девяноста девяти сотых народа положение не мо-

жет быть хуже того, какое есть теперь.

Но и по какому праву мы предполагаем, что положение людей сделается хуже оттого, что они будут повиноваться, открытому им богом и вложенному в их сердца, закону неубийства. Ведь говорить, что всё пойдет в этом мире хуже, если люди последуют в нем тому закону, который дал им бог для жизни в этом мире, всё равно, что сказать, что будет хуже, если люди будут пользоваться данной им машиной не по своей прихоти, а по тому наставлению о пользовании машиной, которое дал им тот, кто изобрел и построил ее.

Было время, когда человечество жило, как дикие звери, и каждый брал себе в жизни всё, что мог, отнимая у другого то, что ему хотелось, избивая и убивая своих ближних. Потом пришло время, когда люди сложились в общества, государства, и стали устраиваться народами, защищаясь от других народов. Люди стали менее звероподобны, но все-таки считали не только возможным, но необходимым и потому достойным убивать своих врагов внутренних и внешних. Теперь же приходит время и пришло уже, когда люди, по словам

Христа, вступают в новое состояние братства всех людей, в то новое состояние, давно уже предсказанное пророками, когда все люди будут научены богом, разучатся воевать, перекуют мечи на орала и копья на серпы, и наступит царство божие, царство единения и мира. Состояние это было предсказано пророками, но учение Христа указало, как и чем оно может осуществиться, а именно братским единением, одним из первых проявлений которого должно быть уничтожение насилия. И необходимость уничтожения насилия уже сознается людьми, и потому состояние это наступит так же неизбежно, как прежде после дикого состояния наступило состояние государственное.

Человечество в наше время находится в муках родов этого устанавливающегося царства божия, и муки эти неизбежно кончатся родами. Но наступление этой новой жизни не делается само собой, наступление это зависит от нас. Мы должны сделать его. Царство божие внутри нас.

А для того, чтобы нам сделать это царство божие внутри нас, нам, повторяю, не нужно

никаких особенных, ни умственных, ни телесных усилий; нужно только быть тем, чем мы есмы, тем, чем сделал нас бог, т. е. разумными и, главное, добрыми существами, следующими голосу своей совести.

«В том-то и дело, что люди неразумные и недобрые существа», — слышу уже я голос тех людей, которые, для того чтобы иметь право быть злыми, утверждают, что весь род человеческий зол и что это есть не только опытная, но божеская, откровенная, религиозная истина. «Люди все злы и неразумны, — утверждают они, — и поэтому необходимо, чтобы разумные и добрые люди поддерживали порядок».

Да если все люди неразумны и злы, откуда же мы возьмем разумных и добрых? И если и есть такие, то как мы узнаем их? А если и узнаем их, то какими средствами мы (и кто будут эти «мы») поставим их во главу других людей? Но если мы даже сумеем поставить этих особенных разумных и добрых людей во главу других, то не перестанут ли эти разумные и добрые люди быть таковыми, если они будут насиловать и казнить неразумных и

недобрых. И самое главное: вы говорите, что для того, чтобы пометать некоторым ворам, грабителям и убийцам насиловать и убивать людей, вы учредите суды, полицию, войско, которые будут постоянно насиловать и убивать людей, обязанность которых будет состоять только в этом, и в эти учреждения привлечете всех людей. Но ведь таким образом вы наверное заменяете небольшое и предполагаемое зло большим, всеобщим и уже наверно совершающимся злом. Для того, чтобы противостоять некоторым воображаемым вами убийцам, вы заставляете всех наверное быть убийцами. И потому я повторяю, что для осуществления братского общежития людей не нужно никаких особенных усилий, ни умственных, ни телесных, а нужно только быть тем, чем нас сделал бог: разумными и добрыми существами и поступать сообразно этим свойствам.

Не каждому из нас придется нести то испытание, которое перенес Дрожжин (и если придется, то помоги нам бог, не изменив ему, снести его), но хотим ли мы, или не хотим этого, каждому из нас, если мы и живем в го-

сударстве, где нет воинской повинности, или мы не призываемся к исполнению ее, каждому из нас приходится так или иначе подвергаться, хотя и в иных, более легких формах, тому же испытанию и волей или неволей становиться на сторону угнетателей и даже самим делаться ими, или на сторону угнетенных и помогать им нести их испытание или самим делаться ими. Каждому из нас, если мы даже и не принимаем прямого участия в гонениях против этих новых мучеников, как участвуют в них государи, министры, губернаторы, судьи, подписывающие приговоры к мучениям этих мучеников, или как еще прямее участвуют в них мучители, как тюремщики, сторожа, палачи; каждому из нас все-таки приходится принимать самое деятельное участие в этих делах теми суждениями, которые мы высказываем о них в печати, в письмах, в разговорах. Часто только потому, что намлень вдуматься в значение такого явления, только потому, что мы не хотим нарушать своего спокойствия живым представлением себе того, что должны испытывать эти люди, за свою правдивость, искренность и любовь к

людям томящиеся в тюрьмах и ссылках, мы, не обдумав того, что говорим, повторяем слышанные или читанные нами суждения: «Что же делать? И поделом. Это вредные фанатики, правительство должно подавлять такие попытки» и тому подобные слова, поддерживающие гонителей и увеличивающие страдания гонимых. Мы все подумаем десять раз о поступке, о выдаче известной суммы денег, об уничтожении или постройке дома, но сказать слово кажется так неважно, что мы говорим большею частью не думая. А между тем слово есть самый значительный из всех тех поступков, какие мы можем сделать. Из слов слагается общественное мнение. А общественное мнение одно выше всех царей и властителей управляет всеми делами людей. И потому каждое суждение наше о поступках, как поступок Дрожжина, может быть делом божьим, содействующим осуществлению царства божия, братства людей, помогающим тем передовым людям, которые отдают свою жизнь для осуществления его, и может быть делом, враждебным богу, противодействующим ему и содействующим мучениям тех лю-

дей, которые отдают себя на служение ему.

Дрожжин в своем дневнике рассказывает про такое жестокое воздействие на него такого легкомысленного и враждебного богу слова. Он рассказывает, как в первое время своего заточения, когда он, несмотря на все физические страдания и унижение, не переставая испытывал радостное спокойствие сознания того, что он сделал то, что должно было, как в это время подействовало на него письмо его друга революционера, из любви к нему уговаривавшего его пожалеть себя, отречься и исполнить требования властей — присягнуть и служить. Очевидно, молодой человек этот, революционно настроенный и по обычному кодексу революционеров допускавший, по принципу: цель оправдывает средства, всякие компромиссы с совестью, совершенно не понимал те религиозные чувства, которые руководили Дрожжиным, и потому легкомысленно писал ему, чтобы он не губил себя, как полезное для революции орудие, и исполнил бы все требования начальства. Слова эти, казалось бы, не должны иметь особенно важного значения, а между тем Дрожжин пишет,

что слова эти лишили его спокойствия и что он заболел от них.

И это понятно. Все люди, которые двигают вперед человечество и первые и одинокие выступают на тот путь, по которому скоро пойдут все, выступают на этот путь не легко и всегда со страданием и внутренней борьбою. Внутренний голос влечет по новому пути, все привязанности, предания, слабости, всё тянет назад. И в эти минуты неустойчивого равновесия всякое слово поддержки или, напротив, задержки имеет огромное значение. Самого сильного человека перетянет ребенок, когда этот человек напрягает все свои силы, чтобы сдвинуть непосильную тяжесть.

Дрожжин испытал страшное отчаяние от этих кажущихся неважными слов приятеля и успокоился только тогда, когда получил письмо от друга Изюмченко, радостно несшего такую же участь и высказывавшего твердую уверенность в истинности своего дела.⁶⁷

И потому, как бы далеко мы лично ни стояли от событий такого рода, мы всегда невольно участвуем в них, влияем на них нашим отношением к ним, нашим суждением о

них.

Стоим мы на точке зрения друга революционера, считаем, что ради того, чтобы когда-то, где-то, может быть, быть в состоянии воздействовать на внешние условия жизни, можно и должно отступить от самых первых требований совести, и мы не только не умеряем страдания и борьбу людей, стремящихся к служению богу, но и готовим эти страдания внутреннего разлада всем тем, которым придется решать в жизни дилемму. А решать ее придется всем. И потому все мы, как бы далеко ни стояли от таких событий, мы участвуем в них нашим мнением и суждением. И неосторожное, легкомысленно сказанное слово может быть источником величайших страданий для самых лучших людей мира. Нельзя быть достаточно внимательным в употреблении этого орудия: «От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься».

Но многие из нас призваны участвовать в таких событиях не одними словами, но и еще гораздо непосредственнее. Я говорю о служащих, которые так или иначе принимают участие в тех безнадежных, только усиливаю-

щих движение, угнетениях, которыми правительство преследует таких людей, как Дрожжин; я говорю про участников этих угнетений, начиная от государя, министров, судей, прокуроров, до сторожей и тюремщиков, мучащих этих мучеников. Ведь все вы, участники этих мучительств, знаете, что человек этот, которого вы мучите, не только не злодей, но исключительно добрый человек, что мучится он за то, что хочет всеми силами души быть хорошим; знаете, просто, что он молод, что у него есть друзья, мать, что он любит вас и прощает вам. И его-то вы будете сажать в карцер, раздевать, морить холодом, не давать пить, есть, спать, лишать его общения с близкими, с друзьями.

Как же вам, императору, подписавшему такой приказ, министру, прокурору, начальнику тюрьмы, тюремщику, сесть обедать, зная, что он лежит на холодном полу и, измучившись, плачет о вашей злобе; как вам приласкать своего ребенка; как вам подумать о боге, о смерти, которая вас приведет к нему? Ведь сколько вы ни притворяйтесь исполнителями каких-то неизменных законов, вы

просто люди, и добрые люди, и вас жалко, и вам жалко, и только в этой жалости и любви друг к другу и жизнь наша.

Вы говорите: нужда заставляет вас служить в этой должности. Ведь вы знаете, что это неправда. Вы знаете, что нужды нет, что нужда — слово условное, что то, что для вас нужда, для другого роскошь; вы знаете, что вы можете найти другую службу, такую, в которой вам не придется мучить людей, да еще каких людей. Ведь как мучили пророков, потом Христа, потом его учеников, так всегда мучили и мучают тех, которые, любя их, ведут людей вперед к их благу. Так как бы не быть вам участниками этих мучений.

Ужасно замучить невинную птичку, животное. Насколько же ужаснее замучить юношу, доброго, чистого, любящего людей и желающего им блага. Ужасно быть участником в этом деле.

И, главное, быть участником напрасно — погубить его тело, себя, свою душу, и вместе с тем не только не остановить совершающегося дела установления царства божия, но, напротив, против воли своей содействовать тор-

жеству его.

Оно приходит и пришло уже.

Л. Толстой.

Москва, 4-го (16) марта 1895 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ П. И. БИРЮКОВА «ГОНЕНИЕ НА ХРИСТИАН В РОССИИ В 1895 г.»

*«В мире будете иметь скорбь,
но мужайтесь, я победил мир»
(Ин. XVI, 3).*

Поселенные на Кавказе духоборы подверглись жестоким гонениям со стороны русских властей, и гонения эти, описанные в записке, составленной человеком, ездившим на место, чтобы узнать дело во всех подробностях, продолжают до сих пор.

Духоборов били, секли и топтали лошадьми; казаки, поставленные на экзекуцию в духоборческих селениях, с разрешения начальства позволяли себе всякого рода насилия над жителями; тех, которые отказывались от службы, пытали физически и нрав-

ственно и благоденствующих жителей, своим трудом десятками лет устроивших свое благосостояние, выгнали из домов, поселив их без надела земли и без средств существования в грузинские деревни.

Причина этих гонений та, что вследствие различных причин в нынешнем году три четверти всех духоборов, именно около 15 000 человек (так как всех их около 20 000), вернувшись в последнее время с новой силой и сознательностью к своим прежним христианским верованиям, решили на деле исполнять закон Христа непротивления злу насилием. Решение это побудило их, с одной стороны, к тому, чтобы уничтожить свое оружие, считающееся столь необходимым на Кавказе, и тем, отрекшись от всякой возможности сопротивления насилием, отдаться во власть всякого насильника; с другой стороны, к тому, чтобы ни в каком случае не участвовать ни в каких делах насилия, требуемых от них правительством, следовательно и в военной и всякой другой службе, требующей употребления насилия. Правительство не могло допустить такого уклонения десятков тысяч лю-

дей от установленных законом требований, и началась борьба. Правительство требует исполнения своих требований. Духоборы не покоряются.

И правительство не может уступить. Не говоря уже о том, что такой отказ духоборов исполнить требования правительства не имеет никаких, с мирской точки зрения, законных оснований и противен всему существующему и освященному временем порядку, нельзя допустить таких отказов уж по одному тому, что если допустить это для десяти, то завтра будет 1000, 100 000, которые также не пожелают нести тяжести податей и службы. А стоит допустить это, и, вместо порядка и ограждения жизни, наступит самовластье, хаос и ничья собственность и жизнь не будут ограждены. Так должны рассуждать правительственные лица и не могут рассуждать иначе и насколько не виноваты в том, что они рассуждают так. Без всякой даже эгоистической заботы о том, что такие отказы должны лишить его средств существования, собираемых с народа насилием, без всякой эгоистической заботы о себе всякий правительственный чело-

век, от царя до урядника, должен до глубины души возмутиться отказом каких-то некультурных, полуграмотных людей от исполнения обязательных для всех требований правительства. «По какому праву, — подумает он, — позволяют себе эти ничтожные люди отрицать то, что признано всеми, освящено законом и делается повсюду». И правительственные лица никак не могут быть признаны виноватыми за то, что они поступают так, как поступают. Они употребляют насилие, грубое насилие. Но им ведь и нельзя поступать иначе. В самом деле: разве возможно разумными, гуманными средствами заставить людей, исповедующих христианскую веру, поступать в сословие людей, обучающихся убийству и готовящихся к нему? Можно обманутых людей поддерживать в обмане всякого рода одурением, присягой, богословскими, философскими и юридическими софизмами, но как скоро обман как-нибудь разрушен и люди, как духоборы, назвав прямо вещи по имени, говорят: мы христиане и потому убивать не можем, ложь раскрывается и убеждать таких людей разумными доводами уже

нельзя. Единственная возможность заставить повиноваться таких людей: побои, казни, лишение крова, холод и голод их семейных. Это самое и делается. До тех пор, пока они не сознали своего заблуждения, правительственные люди не могут делать ничего другого и потому не виноваты. Но еще менее виноваты христиане, отказывающиеся принимать участие в обучении убийству и поступать в сословие людей, воспитывающихся для того, чтобы убивать всех тех, кого велит убивать начальство. Они тоже не могут поступать иначе. Так называемый христианин, крещенный и воспитанный в православии, католичестве, протестантизме, может продолжать служить насилию и убийству до тех пор, пока он не понял того обмана, которому он подвергся. Но как скоро он понял, что каждый человек ответствен перед богом за свои поступки и ответственность эта не может ни перейти на кого-нибудь, ни быть снята с него присягой и что ни убивать, ни готовиться к убийству он не должен, то для него участие в войне становится столь же невозможно нравственно, как невозможно физически поднять

стопудовую тяжесть.

В этом ужасный трагизм отношения христианства к правительству. Трагизм в том, что правительствам приходится управлять христианскими народами, хотя еще не вполне просвещенными, но с каждым днем и часом всё более и более просвещающимися учением Христа. Все правительства со времен Константина знали и чувствовали это и инстинктивно для самосохранения делали всё то, что могли, для того, чтобы затемнить истинный смысл христианства и подавить дух его. Они знали, что если усвоится людьми дух этот, то уничтожится насилие и уничтожится само правительство, и потому правительства делали свое дело, устраивая свои государственные учреждения, нагромождая законы и учреждения одно на другое и надеясь под ними похоронить этот неумирающий, заложенный в сердца людей дух Христа.

Правительства делали свое дело, но христианское учение в то же время делало свое, всё больше и больше проникая в души и сердца людей. И вот пришло время, когда дело христианства, как оно и должно было быть,

потому что христианское дело — дело божье, а правительственное дело — дело человеческое, — пришло время, когда дело христианское перегнало дело правительственное.

И как в разгорании костра наступает время, когда огонь, после того как он долго работал внутри и только изредка вспыхиванием и дымом показывал свое присутствие, пробивается, наконец, со всех сторон и становится уже невозможным остановить горение, так точно и в борьбе христианского духа с языческими законами и учреждениями наступает то время, когда этот христианский дух прорывается всюду, уже не может быть подавлен и ежеминутно угрожает разрушением тем учреждениям, которые были нагромождены на него.

В самом деле, что может и что должно сделать правительство по отношению к этим 15 000 человек духоборов, отказывающихся от исполнения военной службы? Что делать с ними? Оставить их так нельзя. Уже при теперешнем положении, при начале движения, явились православные, которые последовали примеру духоборов. Что же будет дальше?

Что будет дальше, если точно так же станут поступать молокане, штундисты, хлысты, странники, все точно так же смотрящие на правительство и на военную службу и не поступающие так, как поступали духоборы, только потому, что не решались быть первыми и боялись страданий? А таких людей миллионы, и не в одной России, а во всех христианских государствах, и не только в христианских, но и в мусульманских странах: в Персии, и Турции, и Аравии, как хариджиты и бабисты. Нужно сделать безвредными для других десятки тысяч человек, не признающих правительств и не желающих принимать в них участия. А как сделать это? Убить их нельзя: их слишком много. Посадить в тюрьмы тоже затруднительно. Можно только разорять и мучить их; это и делается. Но что как эти мучения не будут иметь ожидаемых последствий, и они будут продолжать исповедывать истину и тем привлекут еще большее количество людей к следованию их примеру?

Положение правительств ужасно, ужасно тем, главное, что им не на что опереться. Ведь нельзя же признать дурными поступки тех

людей, которые, как замученный в тюрьме Дрожжин, или теперь еще томящийся в Сибири Изюмченко, или врач Шкарван, приговоренный к тюрьме в Австрии, или как все те сидящие теперь по тюрьмам люди, готовые на страдания и смерть, только бы не отступить от своих самых простых, всем понятных, всеми одобряемых религиозных убеждений, запрещающих убийство и участие в нем. Никакими ухищрениями мысли нельзя признать эти поступки людей дурными или нехристианскими, и не только нельзя не одобрять, но нельзя не восхищаться ими, потому что нельзя не признавать, что люди, поступающие так, поступают так во имя самых высших свойств души человеческой, без признания высоты которых человеческая жизнь падает на степень животного существования. И потому, как бы ни поступало правительство по отношению этих людей, оно неизбежно будет содействовать не их, а своему уничтожению. Если правительство не будет преследовать людей, которые, подобно духоборам, штундистам, назаренам и отдельным лицам, отказываются от участия в делах прави-

тельства, то выгода христианского мирного образа жизни этих людей будет привлекать к себе не только искренно убежденных христиан, но и людей, которые только из-за выгод будут принимать личину христианства, и поэтому количество людей, не исполняющих требований правительства, будет всё увеличиваться и увеличиваться. Если же правительство будет жестоко, как теперь, относиться к таким людям, то самая эта жестокость к людям, виноватым только в том, что они ведут более нравственную и добрую жизнь, чем другие, и хотят на деле исполнять исповедуемый всеми закон добра, — самая жестокость эта будет всё более и более отталкивать людей от правительства. И очень скоро правительства не будут находить людей, готовых насилием поддерживать их. Полудикие казаки, бывшие духоборов по приказанию начальников, очень скоро «заскучали», как они выражались, когда они были поставлены в духоборческих селениях, т. е. совесть начала мучить их, и начальство, боясь вредного влияния на них духоборов, поспешило вывести их оттуда.

Ни одно гонение невинных людей не кончается без того, чтобы люди из гонителей не переходили к убеждениям гонимых, как это было с воином Симеоном, истребившим павликиан и потом перешедшим в их веру. Чем мягче будет правительство к людям, исповедующим истинное христианство, тем быстрее количество истинных христиан будет увеличиваться. Чем жесточе будет правительство, тем быстрее количество людей, служащих правительству, будет уменьшаться. Так что мягко или жестоко будет поступать правительство с людьми, в жизни исповедующими христианство, оно всячески будет само содействовать своему уничтожению. «Ныне суд миру сему, ныне князь мира сего изгнан будет вон» (Ин. XII, 31). И суд этот совершился 1800 лет тому назад, то есть тогда, когда на место истины внешней справедливости поставлена была истина любви. Сколько бы ни набрасывали на горящую кучу хвороста дров, думая этим затушить огонь, — огонь, непотухающий огонь истины, только на время пригложнет, но разгорится еще сильнее и сожжет всё то, что наложено на него.

Ведь если бы и случилось то, что некоторые борцы за истину, как это и бывало всегда, ослабели в своей борьбе и исполнили бы требования правительства, то ведь это ни на волос не изменило бы положения. Нынче сдались бы духоборы на Кавказе, не выдержав тех страданий, которым подвергают их дедов, бабок, жен и детей, завтра с новой силой выступили бы новые борцы, готовые со всех сторон и всё смелее и смелее заявляющие свои требования и всё менее и менее способные сдаваться. Ведь истина не может перестать быть истиной оттого, что под гнетом мучений ослабевают люди, свидетельствующие ее. Божеское должно победить человеческое.

«Но что же будет, если правительство уничтожится?» — слышу я вопрос, который всегда ставят сторонники власти, предполагая, что если не будет того, что есть теперь, то уже ничего не будет и всё погибнет. Ответ на этот вопрос всегда один и тот же. Будет то, что должно быть, что угодно богу, что согласно с его вложенным нам в сердца и открытым нашему разуму законом. Если бы правительство уничтожилось потому, что мы, как это дела-

ли революционеры, уничтожили его, то понятно, что вопрос о том, что будет после того, когда уничтожится правительство, требовал бы ответа от тех, кто уничтожает правительство. Но то уничтожение правительства, которое происходит теперь, происходит не потому, что кто-то, какие-нибудь люди по своей воле захотели уничтожить его: оно уничтожается потому, что несогласно с волей бога, открытой нашему разуму и вложенной в наши сердца. Человек, отказывающийся сажать братьев в тюрьмы и убивать их, не имеет никаких видов на уничтожение правительства; он только хочет не делать противного воле бога, не делать того, что не только он, но все люди, вышедшие из зверского состояния, несомненно признают злом. Если же при этом уничтожается правительство, то это означает только то, что правительство требует противного воле бога, то есть зла, и что потому правительство есть зло и потому должно уничтожиться. Изменение, совершающееся в наше время в общественной жизни народов, хотя мы и не можем вполне представить себе ту форму, которую оно примет, не может

быть дурно, потому что изменение это происходит и произойдет не по произволу людей, а по внутреннему общему всем людям требованию божественного начала, вложенного в сердца людей. Происходят роды, и вся деятельность наша должна быть направлена не на противодействие, а на содействие им. Содействие же это достигается никак не отступлением от открытой нам божеской истины, а, напротив, явным и бесстрашным исповеданием ее. И такое исповедание истины дает не только полное удовлетворение совести тем, кто исповедует истину, но и наибольшее благо людям, как насилуемым, так и насилующим. Спасение не назад, а вперед.

Момент кризиса изменения общественной формы жизни и замены насильственного правительства другой, связующей людей силой, уже пришел. И выход из него уже никак не в остановке процесса или в обратном движении, но только в движении вперед по тому пути, который в сердце людей указывает им закон Христа.

Еще одно небольшое усилие, и галилеянин победит, но не в том ужасном смысле, в кото-

ром приписывал ему победу языческий царь, а в том истинном смысле, в котором он про себя сказал, что победил мир: «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь, — сказал он, — я победил мир» (Ин. XVI, 32), потому что он действительно победил мир, не в том мистическом смысле невидимой победы над грехом, который приписывают богословы этим словам, а в том простом, ясном и понятном смысле, что если только мы будем мужаться и смело исповедывать его, то очень скоро не будет не только тех страшных гонений, которые совершаются над всеми истинными учениками Христа, исповедующими его учение на деле, но не будет ни тюрем, ни виселиц, ни войн, ни разврата, ни роскоши, ни праздности, ни задавленной трудом нищеты, от которых теперь стонет христианское человечество.

Лев Толстой.

19 сентября 1895 г.

БОГУ ИЛИ МАММОНЕ?

«Никакой слуга не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить богу и маммоне» (Лк. XVI, 13).

«Кто не со мною, тот против меня; и кто не собирает со мною, тот расточает» (Мф. XII, 30).

Огромные пространства лучших земель, на которых могли бы кормиться миллионы бедствующих теперь семей, заняты табаком, виноградом, ячменем, хмелем и, главное, рожью и картофелем, употребляемыми на приготовление пьяных напитков: вина, пива и, главное, водки.

Миллионы рабочих, которые могли бы делать полезные для людей вещи, заняты приготовлением этих предметов. В Англии высчитано, что одна десятая всех рабочих занята приготовлением водки и пива.

Какие же последствия от приготовления и

употребления табака, вина, водки, пива?

Есть старинный рассказ про инокa, который будто бы поспорил с дьяволом, что он не впустит его в свою келью; если же впустит, то исполнит то дело, которое предпишет ему дьявол. Рассказывается, что будто бы дьявол принял вид раненого ворона с повисшим кровавым крылом и жалобно прыгал у двери кельи инокa. Инок пожалел ворона и взял его в свою келью. И тогда дьявол, войдя в келью, предложил инокy на выбор три преступления: убийство, прелюбодеяние или опьянение. Монах выбрал опьянение, думая, что, напившись, он сделает вред только самому себе. Но когда он выпил, то, потеряв разум, пошел в село и там, поддавшись соблазну жены, совершил прелюбодеяние, а потом и убийство, защищаясь от вернувшегося и набросившегося на него мужа.

Так описываются последствия пьянства в старинной повести, и таковы и в действительности последствия употребления пьяных напитков. Редкий вор, убийца совершает свое дело трезвым. По записям в судах видно, что девять десятых преступлений совершаются в

пьяном состоянии. Самым очевидным доказательством того, что большинство преступлений вызывается вином, может служить то, что в некоторых штатах Америки, где совсем запрещено вино, ввоз и продажа всяких пьяных напитков, преступления почти прекратились: нет ни воровства, ни грабежей, ни убийств, и тюрьмы стоят пустые.

Таково одно последствие употребления пьяных напитков.

Другое последствие — вредное влияние, производимое пьяными напитками на здоровье людей. Кроме того, что от употребления пьяных напитков происходят особенные, свойственные только пьющим, мучительные болезни, от которых умирает много людей, замечено, что люди пьющие, заболев обыкновенными болезнями, труднее выздоравливают, так что при страховании жизни страховые общества всегда больше дают за жизнь тех, которые не употребляют, чем за тех, которые употребляют пьяные напитки.

Таково другое последствие употребления пьяных напитков.

Третье и самое ужасное последствие пья-

НЫХ НАПИТКОВ — то, что вино затемняет разум и совесть людей: люди от употребления вина становятся грубее, глупее и злее.

Какая же польза от употребления пьяных напитков?

Никакой.

Защитники водки, вина, пива уверяли прежде, что эти напитки прибавляют здоровья, силы, согревают и веселят. Но теперь уже неоспоримо доказано, что это неправда. Пьяные напитки не прибавляют здоровья, потому что они содержат в себе сильный яд — алкоголь, а употребление яда не может не быть вредно.

То, что вино не придает силы человеку, доказано уже много раз и тем, что, сравнивая за месяцы и годы работу одинаково хорошего мастера пьющего и непьющего, всегда оказывалось, что непьющий сработает и больше и лучше, чем пьющий, и тем, что в тех командах солдат, которые в походах получали водку, всегда бывает больше слабых и отсталых, чем в тех, в которых не выдавалась водка.

Точно так же доказано и то, что вино не греет и что тепло после выпитого вина дер-

жится недолго и что человек после короткого согревания еще больше остывает, так что продолжительный холод переносится пьющим всегда гораздо труднее, чем непьющим. Замерзающие каждый год люди замерзают большею частью только оттого, что согреваются вином.

То же, что веселье, которое происходит от вина, не есть настоящее и не радостное веселье, не нужно и доказывать. Всякий знает, каково это пьяное веселье. Стоит только посмотреть в городах на то, что делается в праздники в трактирах и в деревнях, — на то, что делается там на праздниках, крестинах и свадьбах. Пьяное веселье это всегда кончается ругательствами, драками, повреждениями членов, всякого рода преступлениями и унижением человеческого достоинства.

Вино не придает ни здоровья, ни сил, ни тепла, ни веселья, а приносит людям только большой вред. И потому, казалось бы, следовало всякому разумному и доброму человеку не только самому не употреблять пьяные напитки и не угощать ими, но и всеми силами стараться уничтожить обычай употребления

этого бесполезного и вредного яда.

Но, к несчастью, происходит совсем не то. Люди так дорожат старинными привычками и обычаями, с таким трудом отвыкают от них, что есть в наше время очень много хороших добрых и разумных людей, которые не только не оставляют употребления и угощения других пьяными напитками, но еще и защищают, как умеют, это употребление.

«Не укоризненно вино, — говорят они, — а укоризненно пьянство». Царь Давид сказал: «Вино веселит сердце человека». «Если бы не пить, то не было бы правительству самого главного дохода. Нельзя же встретить праздник, справить крестины, свадьбу без вина. Нельзя не выпить при покупке, продаже, при встрече дорогого гостя». «При нашей работе и нужде нельзя не выпить», говорит бедный рабочий человек. «Если мы пьем только при случае и с умом, то мы этим никому вреда не делаем», говорят достаточные люди. «Руси веселие есть пити», сказал еще князь Владимир. «Мы своим выпиванием никому вреда не делаем, кроме себя. А если делаем вред себе, то это дело наше; мы никого не хотим учить и

ником не хотим быть поучаемы; не нами это началось, не нами и кончится», говорят легкомысленные люди.

Так говорят пьющие разного состояния и возраста люди, стараясь оправдать себя. Но оправдания эти, годившиеся еще несколько десятков лет тому назад, теперь уже не годятся. Хорошо было говорить это тогда, когда все думали, что употребление пьяных напитков есть безвредное удовольствие, что пьяные напитки придают здоровья и силы человеку; когда не знали еще, что вино содержит в себе яд, всегда вредный для здоровья людей; когда люди и не знали еще про те страшные последствия пьянства, которые теперь у всех перед глазами.

Можно было говорить это тогда, когда еще не было тех сотен и тысяч людей, преждевременно умирающих в жестоких страданиях только оттого, что они приучились пить пьяные напитки и не могут уже удержаться от употребления их. Хорошо было говорить, что вино есть безвредное удовольствие, когда мы еще не видали тех сотен и тысяч голодных, замученных жен и детей, страдающих только

оттого, что мужья и отцы их приучились к вину. Хорошо было говорить это, пока мы не видали еще тех сотен и тысяч преступников, наполняющих тюрьмы, ссылки и каторги, и распутно погибших женщин, впавших в это положение только благодаря вину. Хорошо было говорить это, пока мы не знали, что сотни тысяч людей, которые могли бы прожить свою жизнь на радость себе и людям, погубили свои силы и свой ум и свою душу только потому, что существуют пьяные напитки и они соблазнились ими.

И потому нельзя уже в наше время говорить, что питье или непитье вина есть дело частное, что мы не считаем для себя вредным умеренное употребление вина и не хотим никого учить и сами не хотим быть никем поучаемы, что не нами началось, не нами и кончится. Этого уже нельзя говорить теперь: употребление вина или воздержание от него в наше время не частное дело, а дело общее.

Теперь все люди — всё равно, хотят ли они, или не хотят этого, — разделены на два лагеря: одни борются против употребления бесполезного яда, пьяных напитков и словом и де-

лом, не употребляя вина и не угощая им; другие поддерживают и словом и, сильнее всего, примером употребление этого яда; и борьба эта идет теперь во всех государствах и вот уже лет двадцать с особенной силой в России.

«И когда не знали, то не было на вас и греха», говорил Христос. Теперь же мы знаем, что делаем и кому служим, употребляя вино и угощая им, и потому, если мы, зная грех употребления вина, продолжаем пить или угощать им, то у нас уже нет никакого оправдания.

И пусть не говорят, что нельзя не пить и не угощать при известных случаях — на праздниках, свадьбах и тому подобных случаях, — что так делают все, что так делали наши отцы и деды, и потому нельзя нам одним выделяться из всех. Это — неправда: наши деды и отцы оставляли те злые и вредные обычаи, зло которых стало для них явно; так и мы обязаны оставлять то зло, которое стало явным в наше время. А то, что вино стало ужасным злом в наше время, в этом не может уже быть сомнения. Как же, зная, что употребление пьяных напитков есть зло, губя-

щее сотни тысяч людей, я буду угощать этим злом друзей, собравшихся ко мне на праздник, крестины или свадьбу?

Не всегда всё было так, как теперь, а всё изменялось от худшего к лучшему, и изменялось не само собой, а людьми, исполнявшими то, чего от них требовали их разум и совесть. И теперь наш разум и наша совесть самым настоящим образом требуют от нас того, чтобы мы перестали пить вино и угощать им.

Обыкновенно считают достойными осуждения, презренными людьми тех пьяниц, которые по кабакам и трактирам напиваются до потери рассудка и так уже пристрастились к вину, что не могут удержаться и пропивают всё, что имеют. Те же люди, которые покупают на дом вино, пьют ежедневно и умеренно и угощают вином своих гостей в тех случаях, когда это принято, — такие люди считаются людьми хорошими и почтенными и не делающими ничего дурного. А между тем эти-то люди более пьяниц достойны осуждения.

Пьяницы стали пьяницами только оттого, что не пьяницы, не делая себе вреда, научили их пить вино, соблазнили их своим приме-

ром. Пьяницы никогда не стали бы пьяницами, если бы не видали почтенных, уважаемых всеми людей, пьющих вино и угощающих им. Молодой человек, никогда не пивший вина, узнаёт вкус и действие вина на празднике, на свадьбе у этих почтенных людей, не пьяниц, а пьющих и угощающих при известных случаях.

И потому тот, кто пьет вино, как бы он умеренно ни пил его, в каких бы особенных, всеми принятых случаях ни угощал бы им, делает великий грех. Он соблазняет тех, кого не велено соблазнять, про которых сказано: «горе тому, кто соблазнит единого из малых сих»

Говорят: не нами началось, не нами и кончится. Нет, нами и кончится, если только мы поймем, что для каждого из нас питье или непитье вина не есть дело безразличное, что каждой бутылкой купленной, каждой рюмкой выпитого вина мы служим тому страшному дьявольскому делу, от которого гибнут лучшие силы человеческие; а, напротив, воздержанием от вина для самих себя и прекращением безумного обычая употребления ви-

на на праздниках, свадьбах, крестинах мы делаем дело огромной важности — дело нашей души, дело божье. Только бы мы поняли это, то нами и кончится пьянство.

И потому кто бы ты ни был, читатель: юноша ли, еще только готовящийся к жизни, или взрослый человек, уже учреждающий жизнь, хозяин-мужчина или женщина-хозяйка, пли стареющий человек, когда уже близко время отчета о совершенных тобою делах, богатый ли ты, или бедный, знатный или неизвестный, — кто бы ты ни был, тебе уже нельзя оставаться посредине между двумя лагерями, ты неизбежно должен избрать одно из двух: противодействовать пьянству или содействовать ему, — служить богу или маммоне.

Если ты молодой человек, еще никогда не пивший, еще не отравленный ядом вина, — дорожи своей неиспорченностью и свободой от соблазна. Если ты вкусишь соблазна, тебе уже труднее будет побороть его. И не верь, чтобы вино увеличило твое веселье. В твои годы свойственно веселье истинное, хорошее веселье, и вино только из истинного, невинного веселья сделает твое веселье пьяным,

безумным и порочным. Главное же, берегись вина, потому что в твои годы тебе труднее всего воздержаться от других соблазнов; вино же ослабляет в тебе самую нужную в твоём возрасте силу разума, противодействующую соблазнам. Выпивши, ты сделаешь то, чего и не подумал бы сделать трезвый. Зачем же тебе подвергать себя такой страшной опасности?

Если же ты взрослый человек, уже сделавший себе привычку из употребления пьяных напитков или начинающий привыкать к ним, — поскорее, пока ещё есть время, отвыкай от этой ужасной привычки, а то не успеешь оглянуться, как она уже овладеет тобой, и ты можешь сделаться таким же, как те безвозвратно погибшие пьяницы, которые погибли от вина. Все они начинали так же, как и ты. Если же бы ты и сумел удержаться всю жизнь свою на умеренном употреблении пьяных напитков и сам не сделался бы пьяницей, то, продолжая пить вино и угощать им, ты сделаешь, может быть, пьяницей своего младшего брата, свою жену, детей, которые не будут иметь, как ты, силы остановиться на

умеренном употреблении вина. Главное же — пойми то, что на тебе, как на человеке, находящемся в самом сильном возрасте жизни, на хозяине или хозяйке дома, руководителе жизни, лежит обязанность руководить жизнью твоих семейных. И потому, если ты знаешь, что вино не приносит никакой пользы, производит великое зло людям, то не только ты не обязан рабски повторять то, что делали отцы и деды, — употреблять вино, покупать его и угощать им, — а напротив, обязан отменить этот обычай и заменить его другим.

И не бойся, чтобы отмена обычая пить вино на праздниках, крестинах, свадьбах очень оскорбила и возмутила людей. Во многих местах уже начинают делать это, заменяя угощение вином угощениями вкусной едой и непьяными напитками; и люди только в первое время, и то самые глупые, удивляются, но скоро привыкают и одобряют.

Если же ты старый человек, в том возрасте, когда тебе не нынче-завтра придется давать отчет богу о том, как ты служил ему, и ты, вместо того чтобы отвращать молодых, неопытных людей от вина, страшное зло ко-

того ты не мог не видеть в продолжение твоей жизни, соблазняешь ближних своим примером, напиваясь вином или угощая им, — ты совершаешь великий грех.

Горе миру от соблазнов! Соблазны должны войти в мир, но горе тому, через кого они входят.

Только бы мы поняли то, что в деле потребления вина нет теперь середины, и хотим мы или не хотим этого, мы должны выбрать одно из двух: служить богу или маммоне.

«Кто не со мною, тот против меня; и кто не собирает со мною, тот расточает» (Мф. XII, 30).

КАК ЧИТАТЬ ЕВАНГЕЛИЕ И В ЧЕМ ЕГО СУЩНОСТЬ?

В том, что преподается как учение Христа, так много странного, неправдоподобного, непонятного, даже противоречивого, что не знаешь, как надо понимать его.

Кроме того, понимается это учение не одинаково: одни говорят, что всё дело в искуплении; другие, что всё дело в благодати, приобретаемой через таинства; третьи, что всё дело в повиновении церкви. Церкви же опять различные, понимают различно учение: католическая признает происхождение духа от отца и сына и непогрешимость папы и считает спасение возможным преимущественно через дела; лютеранская не признает этого и считает спасение возможным преимущественно верою; православная признает происхождение духа только от отца и для спасения считает необходимым и дела и веру.

Англиканская, епископальная, пресвитерьянская и методистская, не говоря о сотне разных других церквей, все понимают христианское учение каждая по-своему.

Ко мне часто обращались и обращаются молодые люди и люди из народа, усомнившиеся в истине учения церкви, в которой они воспитаны, спрашивая меня, в чем состоит мое учение, как я понимаю христианское учение? Такие вопросы всегда огорчают и даже оскорбляют меня.

Христос — бог по учению церкви — сошел на землю, чтобы открыть людям божескую истину для их руководства в жизни. Человек, — простой, глупый человек, — если он хочет передать людям важное для них указание, всегда умеет передать его так, что люди поймут его. И вдруг бог пришел на землю только за тем, чтобы спасти людей, и бог этот не сумел сказать то, что ему нужно было сказать так, чтобы люди не перетолковали его слова так, что все разошлись в их понимании.

Не может этого быть, если Христос был бог.

Не может этого быть и тогда, если Христос не был бог, а великий учитель. Великий учитель только потому и великий учитель, что он умеет высказать истину так, что она ясна, как солнце, и уже нельзя ни скрыть, ни за-

темнить ее.

И потому в обоих случаях в евангелиях, передающих нам учение Христа, должна быть истина. И действительно, истина находится в евангелиях для всех тех, кто с искренним желанием познать истину и без предвзятой мысли и, главное, без мысли о том, что в них находится какая-либо особая, недоступная человеческому уму мудрость, будут читать их.

Так я читал евангелия и нашел в них вполне доступную, как и сказано в евангелиях, младенцам истину. И потому, когда у меня спрашивают: в чем состоит мое учение и как я понимаю христианское учение, я отвечаю: у меня нет никакого учения, а понимаю я христианское учение так, как оно изложено в евангелиях. Если я писал книги о христианском учении, то только для того, чтобы доказать неверность тех объяснений, которые делаются толкователями евангелий.

Для того, чтобы понять христианское учение, каково оно в действительности, нужно, главное, не толковать евангелий, а понимать их так, как они написаны. И потому на вопрос о том, как надо понимать учение Христа,

я отвечаю: если хотите понять учение Христа, читайте евангелия, читайте, отрешившись от всякого предвзятого понимания, с одним желанием понять то, что сказано в евангелиях. Но именно потому, что евангелие есть священная книга, ее надо читать обдуманно, с толком и разбором, а не как попало, подряд, приписывая одинаковое значение всякому слову, которое в ней находится.

Для того, чтобы понять всякую книгу, необходимо выделить из нее всё вполне понятное от непонятного и запутанного, и из этого выделенного понятного составить себе понятие о смысле и духе всей книги, и тогда на основании вполне понятного выяснить для себя места не вполне понятные и запутанные. Так мы читаем всякого рода книги. Тем более так необходимо читать евангелие, книгу, прошедшую через многосложные соединения, переводы и переписки, составленную 18 веков тому назад людьми малообразованными и суеверными.⁶⁸

Так что для того, чтобы понять евангелия, надо в них прежде всего выделить то, что вполне просто и понятно, от того, что запута-

но и непонятно, и, выделив это простое и понятное из того, что запутано и непонятно, прочесть это ясное и понятное несколько раз сряду, стараясь усвоить смысл этого простого, ясного учения, и тогда уже на основании смысла всего учения постараться уяснить себе значение и тех мест, которые показались сложными и неясными. Так я поступил при чтении евангелий, и смысл учения Христа открылся мне с такою ясностью, при которой не могло быть никакого сомнения. И потому советую всякому человеку, желающему понять истинный смысл учения Христа, сделать то же.

Пусть каждый, читая евангелие, подчеркнет всё то, что ему кажется вполне простым, ясным и понятным, — синим карандашом, отметив, кроме того, красным карандашом из отмеченного синим слова самого Христа, в отличие от слов евангелистов, и пусть перечтет эти отмеченные красным места несколько раз. И только после того, как он хорошо поймет эти места, пусть снова перечтет и остальные, раньше не понятые им и потому не отмеченные им, места из речей Христа и пусть

подчеркнет красным и те из них, которые стали ему понятны. Места же, содержащие слова Христа, оставшиеся совершенно непонятными, а также непонятные слова писателей евангелий, пусть оставит совсем не отмеченными. Отмеченные таким образом красным места дадут читателю сущность учения Христа, — дадут читателю то, что нужно всем людям, и что поэтому Христос сказал так, чтобы все могли понять. Места, отмеченные только одним синим, дадут то, что писатели евангелий говорят понятного от себя.

Очень может быть, что при отметках вполне и не вполне понятного различные люди отметят различное, так что понятное для одного покажется темным для другого; но в самом главном все люди непременно сойдутся, и для всех одно и то же покажется вполне понятным. Вот это-то, вполне понятное всем, и составляет сущность учения Христа.

В моем евангелии отметки сделаны мною соответственно моему пониманию.

Лев Толстой.

Ясная Поляна.

22 июня 1896 г.

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жил я до 50-ти лет, думая, что та жизнь человека, которая проходит от рождения и до смерти, и есть вся жизнь его и что потому цель человека есть счастье в этой смертной жизни, и я старался получить это счастье, но чем дальше я жил, тем очевиднее становилось, что счастья этого нет и не может быть. То счастье, которое я искал, не давалось мне; то же, которого я достигал, тотчас же переставало быть счастьем. Несчастий же становилось всё больше и больше и неизбежность смерти становилась всё очевиднее и очевиднее, и я понял, что после этой бессмысленной и несчастной жизни меня ничего не ожидает, кроме страдания, болезни, старости и уничтожения. Я спросил себя: зачем это? и не получил ответа. И пришел в отчаяние.

То, что говорили мне некоторые люди и в чем я сам иногда старался уверить себя, что надо желать счастья не себе одному, но другим, близким и всем людям, не удовлетворяло меня, во 1-х, потому, что я не мог искренно,

так же как себе, желать счастья другим людям; во 2-х, и, главное, потому, что другие люди, точно так же как и я, были обречены на несчастье и смерть. И потому все мои старания об их благе были тщетны.

Я пришел в отчаяние. Но тут я подумал о том, что мое отчаяние может происходить оттого, что я особенный человек, что другие люди знают, зачем живут, и потому не приходят в отчаяние.

И я стал наблюдать других людей, но другие люди точно так же, как и я, не знали, зачем они живут. Одни старались суетой жизни заглушить это незнание, другие же уверяли себя и других, что они верят в разные веры, которые с детства внушили им; но верить в то, во что они верили, невозможно было, так это было глупо. Да и многие из них, мне казалось, только притворялись, что они верят, но в глубине души не верили.

Продолжать суетиться я уже не мог: никакая суета не скрывала непрестанно стоящего передо мною вопроса; и также не мог вновь начать верить в ту веру, которая была преподана мне с детства и которая, когда я возму-

жал умом, сама собой отпала от меня. Но чем больше я изучал, тем больше я убеждался, что тут и не может быть истины, что тут одно лицемерие и корыстные виды обманывающих и слабоумие, упрямство и страх обманутых.

Не говоря уже о внутренних противоречиях этого учения, о изменности, жестокости его, признающего бога карающим людей вечными мучениями,⁶⁹ главное, что не позволяло мне поверить в это учение, было то, что я знал, что рядом с этим православным христианским учением, утверждавшим, что оно одно в истине, было другое христианское католическое, третье лютеранское, четвертое реформатское, — и все различные христианские учения, из которых каждое про себя утверждало, что оно одно в истине; знал я и то, что рядом с этими христианскими учениями существуют еще нехристианские религиозные учения — буддизма, браманизма, магометанства, конфуцианства и др., точно так же считающие только себя истинными, все же другие учения — заблуждением.

И я не мог вернуться ни к той вере, которой был научен с детства, ни поверить в ка-

кую-либо из тех, которые исповедывали другие народы, потому что во всех были одни и те же противоречия, бессмыслицы, чудеса, отрицающие все другие веры, а главное, их обман, требования слепого доверия своему учению.

Итак, я убедился в том, что в существующих верах я не найду разрешения моего вопроса и облегчения моих страданий. Отчаяние мое было таково, что я был близок к самоубийству.

Но тут и пришло мне спасение. Спасение было в том, что я с детства удержал смутное представление о том, что в евангелии есть ответ на мой вопрос. В учении этом, в евангелии, несмотря на все извращения, которым оно подверглось в учении христианской церкви, я чуял истину. И, как последнюю попытку, я, откинув всякие толкования евангельского учения, стал читать евангелия и вникать в смысл их. И чем больше я вникал в смысл этой книги, тем больше мне уяснялось нечто новое, совсем не похожее на то, чему учат христианские церкви, но отвечающее на вопрос моей жизни. И, наконец, ответ этот

стал совершенно ясен.

И ответ этот был не только ясен, но и несомненен, во-первых, тем, что он вполне совпадал с требованиями моего разума и сердца, во-вторых, тем, что когда я понял его, то я увидел, что ответ этот не есть исключительное мое толкование евангелия, как это могло показаться, и не есть даже исключительно откровение Христа, но что этот самый ответ на вопрос жизни более или менее ясно высказывали все лучшие люди человечества и до и после евангелия, начиная с Моисея, Исаии, Конфуция, древних греков, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха и всех тех, часто незаметных и непрославленных людей, которые искренно, без взятых на веру учений, думали и говорили о смысле жизни. Так что в познании почерпнутой мной из евангелий истины я не только не был один, но был со всеми лучшими людьми прежнего и нашего времени. И я утвердился в этой истине, успокоился и радостно прожил после этого 20 лет своей жизни и радостно приближаюсь к смерти.

И вот этот ответ на смысл моей жизни,

давший мне полное успокоение и радость жизни, я и хочу передать людям.

Я стою по своему возрасту, состоянию здоровья одной ногой в гробу, и потому человеческие соображения не имеют для меня значения, и ежели бы имели какое-либо значение, то я знаю, что это изложение моей веры не только не будет содействовать ни моему благосостоянию, ни доброму мнению обо мне людей; но, напротив, только может возмутить и огорчить как людей неверующих, требующих от меня литературных писаний, а не рассуждений о вере, так и верующих, возмущающихся всякими моими религиозными писаниями и бранящими меня за них. Кроме того, по всем вероятностям, писание это станет известно людям только после моей смерти. И потому побуждает меня к тому, что я делаю, не корысть, не слава, не мирские соображения, а только страх не исполнить того, чего от меня хочет тот, кто послал меня в этот мир, к которому я каждый час жду своего возвращения.

И потому я прошу всех тех, которые будут читать это, читать и понимать мое писание,

откинув так же, как и я, все светские соображения, имея в виду только то вечное начало истины и добра, по воле которого мы пришли в этот мир, и очень скоро, как телесные существа, исчезнем из него, и без поспешности и раздражения понимать и обсуждать то, что я высказываю, и, в случае несогласия, не с презрением и ненавистью, а с сожалением и любовью поправлять меня; в случае же согласия со мною, помнить, что если я говорю истину, то истина эта не моя, а божья, и что только случайно часть ее проходит через меня, точно так же, как она проходит через каждого из нас, когда мы познаем истину и передаем ее.

1

ДРЕВНИЕ ВЕРОУЧЕНИЯ

1. Всегда с самых древних времен, люди чувствовали бедственность, непрочность и бессмысленность своего существования и искали спасения от этой бедственности, непрочности и бессмысленности в вере в бога или богов, которые могли бы избавлять их от различных бед этой жизни и в будущей жизни давали бы им то благо, которого они желали и не могли получить в этой жизни.

2. И потому с древнейших времен среди разных народов были и разные проповедники, которые учили людей о том, каковы тот бог или те боги, которые могут спасти людей, и о том, что нужно было делать для того, чтобы угодить этому богу или богам, для того, чтобы получить награду в этой или будущей жизни.

3. Одни религиозные учения учили тому, что бог этот есть солнце и олицетворяется в разных животных; другие учили, что боги — это небо и земля; третьи учили тому, что бог создал мир и избрал из всех народов один любимый народ; четвертые учили, что есть много богов и что они участвуют в делах людей; пятые учили тому, что бог, приняв образ человека, сошел на землю.

И все эти учителя, перемешивая истину с ложью, требовали от людей, кроме воздержания от поступков, считавшихся дурными, и исполнения дел, считавшихся добрыми, еще и таинства, и жертвы, и молитвы, которые больше всего другого должны были обеспечивать людям их благо в этом мире и в будущем.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ДРЕВНИХ ВЕРОУЧЕНИЙ

1. Но чем больше жили люди, тем меньше и меньше удовлетворяли эти вероучения требованиям души человеческой.

2. Люди видели, во-первых, то, что счастье в этом мире, к которому они стремились, не достигалось, несмотря на исполнение требований бога или богов.

3. Во-вторых, вследствие распространения просвещения, доверие к тому, что проповедывали религиозные учителя о боге, о будущей жизни и о наградах в ней, не совпадая с уяснившимися понятиями о мире, всё ослабевало и ослабевало.

4. Если прежде люди беспрепятственно могли верить, что бог сотворил мир 6000 лет тому назад, что земля есть центр вселенной, что под землей находится ад, что бог сходил на землю и потом улетел на небо и т. п., то теперь уже этому нельзя верить, потому что люди верно знают, что мир существует не 6000 лет, а сотни тысяч лет, что земля не есть центр мира, а только очень маленькая плане-

та в сравнении с другими небесными телами, и знают, что под землей ничего не может быть, так как земля шар; знают, что улететь на небо нельзя, потому что неба нет, а есть только кажущийся свод небесный.

5. В-третьих, главное — подрывалось доверие к этим различным учениям тем, что люди, вступая в более близкое общение между собой, узнавали про то, что в каждой стране религиозные учителя проповедуют свое особенное учение, признавая одно свое — истинным, и отрицают все другие.

И люди, зная про это, естественно делали вывод о том, что ни одно из этих учений не более истинно, чем другое, и что потому ни одно из них не может быть принято за несомненную и непогрешимую истину.

3

НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОГО ВЕРОУЧЕНИЯ, СООТВЕТСТВУЮЩЕГО СТЕПЕНИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1. Недостижимость счастья в этой жизни, всё распространяющееся просвещение человечества и общение людей между собой,

вследствие которого они узнали вероучения других народов, делали то, что доверие людей к преподанным им вероучениям всё ослабевало и ослабевало.

2. А между тем потребность объяснения смысла жизни и разрешения противоречия между стремлением к счастью и жизни с одной стороны, и всё более и более уяснявшимся сознанием неизбежности бедствия и смерти с другой — становилось всё настоятельнее и настоятельнее.

3. Человек желает себе блага, видит в этом смысл своей жизни, и чем больше он живет, тем более видит, что благо это для него невозможно; человек желает жизни, продолжения ее, и видит, что и он и всё существующее вокруг него обречено на неизбежное уничтожение и исчезновение; человек обладает разумом и ищет разумного объяснения явлений жизни и не находит никакого разумного объяснения ни своей, ни чужой жизни.

4. Если в древности сознание этого противоречия между жизнью человеческой, требующей блага и продолжения ее, и неизбежностью смерти и страданий было доступно

только лучшим умам, как Соломону, Будде, Сократу, Лао-Тсе и др., то в позднейшее время это стало истиной, доступной всем; и потому разрешение этого противоречия стало нужнее, чем когда-нибудь.

5. И вот именно в то время, когда разрешение противоречия стремления к благу и жизни, с сознанием невозможности их, стало особенно мучительно необходимым для человечества, — оно и дано было людям христианским учением в его истинном значении.

4

В ЧЕМ СОСТОИТ РАЗРЕШЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЖИЗНИ И ОБЪЯСНЕНИЕ ЕЕ СМЫСЛА, ДАВАЕМОЕ ХРИСТИАНСКИМ ВЕРОУЧЕНИЕМ В ЕГО ИСТИННОМ ЗНАЧЕНИИ?

1. Древние верования своими уверениями о существовании бога—творца, промыслителя и искупителя, старались скрыть противоречие жизни человеческой; христианское же учение, напротив, показывает людям это противоречие во всей его силе; показывает им то, что оно должно быть, и из признания противоречия выводит и разрешение его. Противо-

речие состоит в следующем:

2. Действительно, с одной стороны человек есть животное и не может перестать быть животным, пока он живет в теле; с другой стороны он есть духовное существо, отрицающее все животные требования человека.

3. Человек в первое время своей жизни живет, не зная о том, что он живет, так что живет не он сам, но через него живет та сила жизни, которая живет во всем, что мы знаем.

4. Человек начинает жить сам только тогда, когда знает, что он живет. Знает же он, что живет, когда знает, что желает блага себе и что другие существа желают того же. Это знание дает ему пробудившийся в нем разум.

5. Узнав же то, что он живет и желает блага себе и что того же желают и другие существа, человек неизбежно узнает и то, что то благо, которого он желает для своего отдельного существа, недоступно ему и что вместо того блага, которого он желает, ему предстоят неизбежные страдания и смерть. То же самое предстоит и всем другим существам. И является противоречие, которому человек ищет разрешения такого, при котором его жизнь,

такая, какая она есть, имела бы разумный смысл. Он хочет, чтобы жизнь продолжала бы быть тою, какою она была до пробуждения его разума, т. е. совсем животною, или чтобы она была уже совсем духовною.

6. Человек хочет быть зверем или ангелом, но не может быть ни тем, ни другим

7. И тут-то является то разрешение этого противоречия, которое дает христианское учение. Оно говорит человеку, что он ни зверь, ни ангел, но ангел, рождающийся из зверя, — духовное существо, рождающееся из животного. Что всё наше пребывание в этом мире есть не что иное, как это рождение,

5

В ЧЕМ СОСТОИТ РОЖДЕНИЕ ДУХОВНОГО СУЩЕСТВА?

1. Как только человек пробуждается к разумному сознанию, сознание это говорит ему, что он желает блага; а так как разумное сознание его пробудилось в его отдельном существе, то ему кажется, что его желание блага относится к его отдельному существу.

2. Но то самое разумное сознание, которое показало ему себя отдельным существом, же-

лающим себе блага, показывает ему и то, что отдельное существо это не соответствует тому желанию блага и жизни, которые он ему приписывает, он видит, что отдельное существо это не может иметь ни блага, ни жизни.

3. «Что же имеет истинную жизнь?» — спрашивает он себя и видит, что истинной жизни не имеет ни он, ни те существа, которые окружают его, а только то, что желает блага.

4. И, познав это, человек перестает признавать собою свое отдельное от других телесное и смертное существо, а признает собою то нераздельное от других духовное и потому не смертное существо, которое открыто ему его разумным сознанием.

В этом состоит рождение в человеке нового духовного существа.

6

ЧТО ТАКОЕ ТО СУЩЕСТВО, КОТОРОЕ РОЖДАЕТСЯ В ЧЕЛОВЕКЕ?

1. Существо, открываемое человеку его разумным сознанием, есть желание блага, есть то же самое желание блага, которое и прежде составляло цель его жизни, но с той

разницей, что желание блага прежнего существа относилось к отдельному одному телесному существу и не сознавало себя, теперешнее же желание блага сознает себя и потому относится не к чему-либо отдельному, а ко всему существующему.

2. В первое время пробуждения разума человеку казалось, что желание блага, которое он сознает собою, относится только к тому телу, в которое оно заключено.

3. Но чем яснее и тверже становится разум, тем яснее становилось, что истинное существо, истинное я человека, как скоро он сознает себя, есть не его тело, не имеющее истинной жизни, а желание блага само в себе, другими словами — желание блага всему существующему.

4. Желание же блага всему существующему есть то, что дает жизнь всему существующему, то, что мы называем богом.

5. Так что существо, которое открывается человеку его сознанием, рождающееся существо, — есть то, что дает жизнь всему существующему, — есть бог.

БОГ, ПО ХРИСТИАНСКОМУ УЧЕНИЮ ПОЗНАВАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕКОМ В САМОМ СЕБЕ

1. По прежним учениям, для познания бога человек должен был верить тому, что ему другие люди говорили о боге, о том, как бог сотворил будто бы мир и людей и потом проявил себя людям; по христианскому же учению, человек непосредственно познает бога своим сознанием в самом себе.

2. В самом себе сознание показывает человеку, что сущность его жизни есть желание блага всему существующему, есть нечто необъяснимое и не выразимое словами и вместе с тем самое близкое и понятное человеку.

3. Начало желания блага появилось в человеке сначала как жизнь его отдельного животного существа, потом как жизнь тех существ, которые он любил, потом, с тех пор как пробудилось в нем его разумное сознание, оно проявилось как желание блага всему существующему. Желание же блага всему существующему есть начало всякой жизни, есть любовь, есть бог, как и сказано в еванге-

лии, что бог есть любовь.

8

БОГ, ПО ХРИСТИАНСКОМУ УЧЕНИЮ ПОЗНАВАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕКОМ ВНЕ СЕБЯ

1. Но кроме бога, познаваемого, по христианскому учению, в самом себе как желание блага всему существующему — любовь — человек, по христианскому учению, познает его еще и вне себя, — во всем существующем.

2. Сознывая в своем отдельном теле духовное и нераздельное существо бога и видя присутствие того же бога во всем живом, человек не может не спрашивать себя — для чего бог, существо духовное, единое и нераздельное, заключил себя в отдельные тела существ и в тело отдельного человека.

3. Для чего существо духовное и единое как бы разделилось само в себе? Для чего божественная сущность заключена в условия отдельности и телесности? Для чего бессмертное заключено в смертное, связано с ним?

4. И ответ может быть только один: есть высшая воля, цели которой недоступны человеку. И эта-то воля поставила человека и всё

существующее в то положение, в котором оно находится. Эта-то причина, которая для каких-то недоступных человеку целей заключила себя, желание блага всему существующему — любовь, — в отдельные от остального мира существа, — есть тот же бог, которого человек сознает в себе, познаваемый человеком вне себя.

Так что бог, по христианскому вероучению, есть и та сущность жизни, которую человек сознает в себе и познает во всем мире как желание блага; и вместе с тем и та причина, по которой сущность эта заключена в условия отдельной телесной жизни.

Бог, по христианскому учению, есть тот отец, как это и сказано в евангелии, который послал в мир своего подобного себе сына для исполнения в нем своей воли, — блага всего существующего.

9

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ИСТИННОСТИ ХРИСТИАНСКОГО ПОНИМАНИЯ ЖИЗНИ ВНЕШНИМ ПРОЯВЛЕНИЕМ БОГА

1. Бог проявляется в разумном человеке желанием блага всему существующему и в мире — в отдельных существах, стремящихся каждый к своему благу.

2. Хотя неизвестно и не может быть известно человеку, для чего нужно было единому духовному существу — богу — проявить себя в разумном человеке желанием блага всему существующему и в отдельных существах желанием блага каждого себе, человек не может не видеть, что и то и другое сходится, к одной ближайшей определенной и доступной и радостной человеку цели.

3. Цель эта открывается человеку и наблюдением, и преданием, и рассуждением. Наблюдение показывает, что всё движение в жизни людей, — насколько оно известно им, — состояло только в том, что прежде разделенные и враждебные друг другу существа и люди всё более и более соединяются и связываются согласием и взаимодействием. Предание показывает человеку, что все мудрецы мира всегда учили тому, что человечество должно от разделения переходить к единению, как говорил пророк, что все люди долж-

ны быть научены богом, копыя и мечи перекованы на серпы и плуги, и, как говорил Христос, чтобы все были едины, как я един с отцом. Рассуждение показывает человеку, что наибольшее благо людей, к которому стремятся все люди, может быть достигнуто только при наибольшем единении и согласии людей.

4. И потому, хотя конечная цель жизни мира и скрыта от человека, он все-таки знает, в чем состоит ближайшее дело жизни мира, в котором он призван участвовать; дело это есть замена разделения и несогласия в мире единением и согласием.

5. Наблюдение, предание, разум показывают человеку, что в этом состоит то дело божие, в котором он призван участвовать, и внутреннее стремление его рождающегося в нем духовного существа — любви — влечет его к тому же самому.

6. Внутреннее влечение рождающегося духовного существа человека только одно: увеличение в себе любви. И это-то увеличение любви есть то самое, что одно содействует тому делу, которое совершается в мире: замены

разъединения и борьбы единением и согласием, то, что в христианском учении называется установлением царства божия.

7. Так что, если бы и могло быть для человека сомнение в истинности христианского определения смысла жизни, совпадение внутреннего стремления человека по христианскому учению с ходом жизни всего мира подтверждало бы эту истинность.

10

В ЧЕМ СОСТОИТ ОТКРЫВАЕМАЯ ЧЕЛОВЕКУ ХРИСТИАНСКИМ УЧЕНИЕМ ЖИЗНЬ В ЭТОМ МИРЕ?

1. Рождаясь к новой жизни, человек сознает, что в его отдельном от всех других существ существе заключено желание блага не себе одному, а всему существующему — любовь.

2. Если бы, это желание блага всему существующему, эта любовь находилась не в отдельном существе, оно бы не знало про себя и оставалось бы всегда равным самому себе; но, будучи заключено в пределы отдельного существа — человека, оно сознает себя и свои пределы и стремится разорвать то, что связывает его.

3. По свойству своему любовь, желание блага, стремится обнять всё существующее. Естественным путем оно расширяет свои пределы любовью — сначала к семейным — жене, детям, потом к друзьям, соотечественникам; но любовь не довольствуется этим и стремится обнять всё существующее.

4. В этом неперестающем расширении пределов области любви, составляющем сущность рождения духовного существа, и заключается сущность истинной жизни человека в этом мире. Всё пребывание человека в этом мире от рождения и до смерти есть не что иное, как рождение в нем духовного существа. Это неперестающее рождение есть то, что в христианском учении называется жизнью истинной.

5. Можно себе представить, что то, что составляет наше тело, которое теперь представляется как отдельное существо, которое мы любим предпочтительно пред всеми другими существами, когда-нибудь в прежней, низшей жизни было только собрание любимых предметов, которые любовь соединила в одно так, что мы его в этой жизни уже чувствуем

собою; и точно так же наша любовь теперь к тому, что доступно нам, составит в будущей жизни одно цельное существо, которое будет так же близко нам, как теперь наше тело (у отца вашего обителей много).

11

ЧЕМ РАЗНИТСЯ ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ, ОТКРЫВАЕМАЯ ХРИСТИАНСКИМ УЧЕНИЕМ, ОТ ЖИЗНИ ПРЕЖНЕЙ?

1. Разница между личной жизнью и жизнью истинной заключается в том, что цель личной жизни состоит в увеличении наслаждений внешней жизни и продолжении ее, и цель эта, несмотря на все усилия, никогда не достигается, потому что человек не властен над внешними условиями, препятствующими наслаждению, и над всякого рода бедствиями, всегда могущими постигнуть его; цель же истинной жизни, состоящая в расширении области любви и увеличении ее, ничем не может быть воспрепятствована, так как все внешние причины, как-то: насилие, болезни, страдания, которые метают достижению цели личной жизни, содействуют достижению цели духовной.

2. Разница в том, в чем разница между теми рабочими, которые, будучи посланы в хозяйский сад, как это рассказано в евангельской притче, решили, что сад принадлежит им, и потому не отдавали плодов хозяину, и теми, которые признают себя работниками и исполняют порученное хозяином.

12

ЧТО МЕШАЕТ ЧЕЛОВЕКУ ЖИТЬ ИСТИННОЙ ЖИЗНЬЮ?

1. Для исполнения своего назначения человек должен увеличивать в себе любовь и проявлять ее в мире, — и это увеличение любви и проявление ее в мире есть то самое, что нужно для совершения дела божия. Но что же может делать человек для проявления любви?

2. Основа жизни человека есть желание блага всему существующему. Любовь в человеке заключена в пределы отдельного существа и потому естественно влечется к расширению своих пределов, так что человеку ничего не нужно делать, чтобы проявлять в себе любовь: она сама собой стремится к своему проявлению, человеку нужно только устра-

нять препятствия к ее продвижению. В чем же состоят эти препятствия?

3. Препятствия, мешающие человеку проявлять любовь, заключаются в теле человека, в отдельности его от других существ: в том, что, начиная свою жизнь младенчеством, во время которого он живет одною животною жизнью своего отдельного существа, человек и впоследствии, когда уже в нем пробуждается разум, не может никогда вполне отрешиться от стремления к благу своего отдельного существа и совершает поступки, противоположные любви.

13

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ К ПРОЯВЛЕНИЮ ЛЮБВИ

1. Желание блага всему существующему — любовь, стремясь к своему проявлению, встречает препятствия к этому проявлению в теле человека и в особенности в том, что разум человека, освобождающий любовь, пробуждается в человеке не при появлении человека на свет, а после известного времени, тогда, когда человек уж усвоит себе привычки животной жизни. Для чего это?

2. Человек не может не спрашивать себя об этом. Для чего духовное существо — любовь — заключено в отдельное существо человека? И на вопрос этот различные учения отвечали и отвечают различно. Одни, пессимистические, отвечают тем, что заключение духовного существа в тело человека есть ошибка, которая должна быть исправлена уничтожением тела, уничтожением животной жизни. Другие учения отвечают тем, что предположение о существовании духовного существа есть ошибка, которая должна быть исправлена тем, чтобы признавать действительно существующим одно тело и его законы. И то и другое учение не разрешает противоречий, а только не признает — одно: законности тела; другое: законности духа. Только христианское учение разрешает его.

3. На совет, который дает соблазнитель Христу уничтожить жизнь, если нельзя по своей воле удовлетворять всем требованиям животной природы, Христос говорит, что нельзя противиться воле бога, пославшего нас в жизнь в виде отдельного существа, но что в этой жизни отдельного существа надо

служить одному богу.

4. По христианскому учению нужно для разрешения противоречия жизни не уничтожить самую жизнь отдельного существа, что было бы противно воле бога, пославшего ее, и не покоряться требованиям животной жизни отдельного существа, что было бы противно духовному началу, составляющему истинное я человека, а должно в том теле, в которое заключено это истинное я человека, служить одному богу.

5. Истинное я человека есть живущая в нем, постоянно стремящаяся к увеличению, беспредельная любовь, составляющая основу его жизни. Любовь эта заключена в пределы животной жизни отдельного существа и всегда стремится к освобождению себя от нее.

6. В этом освобождении духовного существа от животной личности, в этом рождении духовного существа и состоит истинная жизнь каждого отдельного человека и всего человечества.

7. Любовь в каждом отдельном человеке и в человечестве подобна пару, сжатому в паровике: пар, стремясь к расширению, толкает

поршни и производит работу.

Как для того, чтобы пар производил свою работу, должны быть препятствия стен, так и для того, чтобы любовь производила свою работу, нужно препятствие пределов отдельного существа, в которое она заключена.

14

ЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЖИТЬ ИСТИННОЙ ЖИЗНЬЮ?

1. Человек во время своего младенчества, детства, иногда и позже, живет как животное, исполняя волю бога, познаваемую им как желание блага своему отдельному существу, и не знает никакой другой жизни.

2. Пробудившись к разумному сознанию, человек, хотя и знает, что жизнь его — в его духовном существе, продолжает чувствовать себя в отдельном теле и, по усвоенной им привычке животной жизни, совершает поступки, имеющие целью благо отдельной личности и противные любви.

3. Поступая так, человек лишает себя блага истинной жизни и не достигает той цели блага отдельного существа, к которой он стре-

мится, и потому, поступая так, совершает грехи. В этих-то грехах и заключаются прирожденные препятствия проявлению любви в человеке.

4. Препятствия эти усиливаются еще тем, что прежде жившие люди, делавшие грехи, передают привычки и приемы своих грехов следующим поколениям.

5. Так что каждый человек — и потому, что он усвоил в детстве привычку личной жизни отдельного существа, и потому, что эти же привычки личной жизни передаются преданиями ему от предков, всегда подлежит грехам, препятствующим проявлению любви.

15

ТРИ РОДА ГРЕХОВ

1. Есть три рода грехов, мешающих любви: а) грехи, вытекающие из неискоренимого влечения человека, пока он живет в теле, к благу своей личности, — грехи прирожденные, естественные; б) грехи, вытекающие из предания человеческих учреждений и обычаев, направленных на увеличение блага отдельных лиц, — грехи наследственные, общественные и с) грехи, вытекающие из стремле-

ний отдельного человека к большему и большему увеличению блага своего отдельного существа, — грехи личные, придуманные.

2. Грехи прирожденные состоят в том, что люди полагают благо в сохранении и увеличении животного блага своей отдельной личности. Всякая деятельность, направленная на увеличение животного блага своей личности, есть такой прирожденный грех.

3. Грехи наследственные — это те грехи, которые делают люди, пользуясь существующими, установленными людьми, жившими прежде них, приемами увеличения блага отдельной личности. Всякое пользование учреждениями и обычаями, установленными для блага своей личности, есть такой наследственный грех.

4. Грехи личные, придуманные — это те грехи, которые делают люди, придумывая, кроме наследственных приемов, еще новые средства увеличения блага своей отдельной личности. Всякое придуманное человеком новое средство увеличения блага отдельного своего существа есть грех личный.

РАЗДЕЛЕНИЕ ГРЕХОВ

1. Есть шесть грехов, препятствующих проявлению любви в людях:

2. Грех похоти, состоящий в том, чтобы приготавливать себе удовольствия от удовлетворения потребностей.

3. Грех праздности, состоящий в том, чтобы освободить себя от труда, нужного людям для удовлетворения потребностей.

4. Грех корысти, состоящий в том, чтобы приготавливать себе возможность удовлетворения своих потребностей в будущем.

5. Грех властолюбия, состоящий в том, чтобы покорять себе себе подобных.

6. Грех блуда, состоящий в том, чтобы устраивать себе наслаждения из удовлетворения половой похоти.

7. Грех опьянения, состоящий в том, чтобы производить искусственное возбуждение своих телесных и умственных сил.

17

ГРЕХ ПОХОТИ

1. Человеку нужно удовлетворять своим телесным потребностям, и в бессознательном состоянии он, как и всякое животное, вполне

удовлетворяет им, не воздерживаясь и не усиливая их, и в этом удовлетворении потребностей находит благо.

2. Но, пробудившись к разумному сознанию, человеку в первое время кажется, что благо его отдельного существа заключается в удовлетворении его потребностей, и он придумывает средства увеличения удовольствия от удовлетворения своих потребностей, старается поддержать придуманные прежде жившими людьми средства приятного удовлетворения потребностей и сам придумывает новые, еще более приятные средства удовлетворения их. В этом состоит грех похоти.

3. Когда человек ест или пьет, не будучи еще голоден, когда одевается не для того, чтобы защитить тело от холода, или строит дом не для того, чтобы укрыться в нем от непогоды, а для того, чтобы увеличить удовольствие от удовлетворения потребностей, он совершает прирожденный грех похоти.

4. Когда же человек родился и вырос в привычках излишества в питье, еде, одежде, жилище и продолжает пользоваться своим излишеством, поддерживая эти привычки, то

такой человек совершает наследственный грех похоти.

5. Когда же человек, живя в роскоши, придумывает еще новые, не употребляемые людьми вокруг него, более приятные средства удовлетворения потребностей: вместо прежней простой пищи и питья вводит новые, более утонченные; вместо прежней, прикрывавшей его тело одежды, добывает новую, более красивую; вместо прежнего меньшего, простого дома, строит новый, с новыми украшениями и т. п., — такой человек совершает личный грех похоти.

6. Грех похоти, как прирожденный, так и наследственный и личный, состоит в том, что, стремясь к благу своего отдельного существа посредством удовлетворения своих потребностей, человек, усиливая эти потребности, препятствует своему рождению к новой духовной жизни.

7. Кроме того, человек, поступающий так, не достигает той цели, к которой стремится, так как всякое усиление потребностей делает менее вероятною возможность удовлетворения похоти и ослабляет самое наслаждение

от удовлетворения. Чем чаще человек утоляет голод, чем утонченнее употребляемые им кушанья, тем меньше он получит наслаждения от еды. То же самое и по отношению удовлетворения всех других животных потребностей.

18 ГРЕХ ПРАЗДНОСТИ

1. Человеку, так же как и животному, нужно упражнять свои силы. Силы эти естественно направляются на приготовление предметов, нужных для удовлетворения потребностей. После направленного на это труда человеку, как и всякому животному, нужен отдых.

2. И в бессознательном состоянии человек, так же как и животное, приготовляя для себя предметы, нужные для жизни, чередует труд с отдыхом и в этом естественном отдыхе находит благо.

3. Но, пробудившись к разумному сознанию, человек разделяет труд от отдыха и, находя отдых более приятным, чем труд, старается уменьшить труд и продлить отдых, заставляя силой или хитростью других людей служить своим потребностям. В этом состоит

грех праздности.

4. Когда человек, пользуясь трудами других людей, отдыхает тогда, когда он еще мог бы трудиться, он совершает прирожденный грех праздности.

5. Когда же человек родился и живет в таком положении, что он пользуется трудами других людей, не будучи поставлен в необходимость трудиться самому, и он поддерживает такой порядок вещей, не трудясь, пользуясь трудами других, то такой человек совершает наследственный грех праздности.

6. Когда же человек, родясь и живя в среде людей, привыкших без труда пользоваться трудом других людей, сам придумывает средства еще освободить себя от трудов, которые он прежде сам исполнял, и накладывает эти труды на других, когда человек, сам чистивший себе одежду, заставляет это делать другого, или сам писавший письма, или делавший свои счета, или сам ходивший по своим делам, — заставляет это делать других, а сам употребляет свободное время на отдых или забаву, то такой человек совершает личный грех праздности.

7. То, что каждый человек не может сделать всё для себя сам, а часто разделение труда совершенствует и облегчает труд не может служить оправданием освобождения себя от труда вообще или от тяжелого труда, заменив его легким. Всякое произведение труда, которым человек пользуется, требует от него соответствующего труда, а не облегчения своего труда или совершенного освобождения от него.

8. Грех праздности, как прирожденный, так и наследственный и личный, состоит в том, что, прекращая свой труд и пользуясь трудом других, человек делает противное тому, на что он предназначен, так как истинное благо приобретается только деятельностью служения.

9. Кроме того, человек, поступающий так, не достигает и того, к чему стремится, так как наслаждения от отдыха получает только после труда. И чем меньше труда, тем меньше наслаждений отдыха.

1. Положение человека в мире таково, что телесное существование его обеспечено законами общими, которым человек подчинен вместе со всеми животными. Человек, отдаваясь своему инстинкту, должен работать, и естественная цель его работы есть удовлетворение своих потребностей, и эта работа всегда с излишком обеспечивает его существование. Человек есть общественное животное, и плоды его работы накапливаются в обществе так, что если бы только не было греха корысти, всякий человек, не могущий работать, всегда мог бы иметь то, что ему нужно для удовлетворения его потребностей. И потому евангельское изречение о том, чтобы не заботиться о завтрашнем дне, а жить, как птицы небесные, — не есть метафора, а утверждение существующего закона всякой животной общественной жизни. Точно то же сказано в Коране, что нет на свете ни одного животного, которому бог не дал бы пропитания.

2. Но человеку и после пробуждения его к разумному сознанию еще долго продолжает казаться, что жизнь его заключается в благе его отдельного существа, а так как существо

это живет во времени, то человек и заботится об особенном обеспечении удовлетворения своих потребностей в этом будущем для себя и для своей семьи.

3. Особенное же обеспечение в будущем удовлетворения потребностей себя и своей семьи возможно только при удержании от других людей предметов потребления, то, что называется собственностью. И вот на это приобретение, удержание и увеличение собственности и направляет человек свои силы. В этом состоит грех корысти.

4. Когда человек считает исключительно своею приготовленную им или полученную от кого-либо пищу на завтра, или одежду, или кров на зиму для себя или для своей семьи, то он совершает прирожденный грех корысти.

5. Когда же человек с пробудившимся сознанием находит себя в таких условиях, что он считает известные предметы исключительно своими, несмотря на то, что предметы эти не нужны для обеспечения его жизни, и удерживает эти предметы от других, то он совершает наследственный грех корысти.

6. Когда же человек, имеющий уже предме-

ты, нужные ему для обеспечения потребностей в будущем его и его семьи, и владеет предметами излишними для поддержания жизни, приобретает еще новые и новые предметы и удерживает их от других, то человек этот совершает личный грех корысти.

7. Грех корысти, как прирожденный, так и наследственный и личный, состоит в том, что, стараясь обеспечить в будущем благо своего отдельного существа и для этого приобретая предметы и удерживая их от других, человек делает противное тому, на что он предназначен; вместо того чтобы служить людям, отнимает от них то, что им нужно.

8. Кроме того, человек, поступающий так, никогда не достигает той цели, к которой он стремится, так как будущее не во власти человека, а человек всякую минуту может умереть. Потратив же на неизвестное и могущее не наступить будущее несомненное настоящее, он делает очевидную ошибку.

20

ГРЕХ ВЛАСТОЛЮБИЯ

1. Человек, как животное, поставлен в такие условия, что всякое удовлетворение его по-

требностей заставляет его вступать в борьбу с другими существами.

2. Животная жизнь человека поддерживается только в ущерб других существ. Борьба есть естественное свойство и закон животной жизни. И человек, живя животной жизнью до пробуждения в нем сознания, в этой борьбе находит благо.

3. Но когда в человеке пробуждается разумное сознание, ему в первое время этого пробуждения кажется, что благо его увеличится, если он покорит и победит как можно больше существ, и человек употребляет свои силы на покорение себе людей и существ. В этом состоит грех властолюбия.

4. Когда человек, для того чтобы отстоять свое личное благо, считает нужным бороться и борется против тех людей и существ, которые хотят покорить его, то такой человек совершает прирожденный грех властолюбия.

5. Когда же человек родился и вырос в известных условиях власти, родился ли он сыном царя, вельможи, купца, зажиточного мужика, оставаясь в этом положении, не прекращает борьбу, иногда незаметную, но все-

гда необходимую для поддержания своего положения, то он совершает наследственный грех властолюбия.

6. Когда же человек, находясь в известных постоянных условиях борьбы, желая увеличить свое благо, вступает еще в новые столкновения с людьми и другими существами, желая увеличить свою власть, когда он нападает на соседа, чтобы завладеть его имуществом, его землями, или старается посредством приобретения прав, диплома, чина занять более высокое, чем он занимает, положение, или желая увеличить свое имение, вступает в борьбу с соперниками и рабочими или вступает в борьбу с другими народами, — такой человек совершает личный грех властолюбия.

7. Грех властолюбия, как прирожденный, так и наследственный и личный, состоит в том, что, употребляя свои силы на достижение блага своего отдельного существа посредством борьбы, человек делает прямо обратное тому, что свойственно истинной жизни. Вместо того чтобы увеличивать в себе любовь, т. е. уничтожить преграды, отделяющие его от

других существ, он увеличивает их.

8. Кроме того, вступая в борьбу с людьми и существами, человек достигает обратного тому, к чему он стремится. Вступая в борьбу, он увеличивает вероятность того, что другие существа будут нападать на него и что вместо того, чтобы покорить другие существа, он будет покорен ими. Чем больше успевает человек в борьбе, тем больше требует напряжения в ней.

21 ГРЕХ БЛУДА

1. В человека вложена потребность поддержания рода: половая потребность, и человек в животном состоянии, отдаваясь ей, совокупляясь, исполняет этим свое назначение и в этом исполнении своего назначения находит благо.

2. Но при пробуждении сознания человеку представляется, что удовлетворение этой потребности может увеличить благо его отдельного существа, и он вступает в половое общение не с целью продолжения рода, но с целью увеличения своего личного блага. В этом состоит грех блуда.

3. Грех блуда отличается от всех других грехов тем, что, тогда как при всех других грехах полное воздержание от прирожденного греха невозможно, а возможно только уменьшение прирожденного греха, в грехе блуда возможно полное воздержание от греха. Происходит это оттого, что полное воздержание от удовлетворения потребности личности (пищи, одежды, крова) уничтожает самую личность, точно так же уничтожает личность отсутствие всякого отдыха, всякой собственности и всякой борьбы, но воздержание от половой потребности, целомудрие — одного или нескольких — не уничтожает рода человеческого, того, что должна поддерживать половая потребность, так как воздержание одного, нескольких и многих людей от полового общения не уничтожает рода человеческого. Так что удовлетворение половой потребности обязательно для каждого человека: каждому отдельному человеку предоставлена возможность воздержания от этой потребности.

4. Людям как бы предоставлен выбор двух способов служения богу; или, оставаясь свободным от брачной жизни и ее последствий,

самому исполнять своею жизнью в этом мире всё то, что предназначено богом исполнять человеку, или, сознав свою слабость, передать часть исполнения или, по крайней мере, возможность исполнения неисполненного своему рождаемому, вскармливаемому и воспитываемому потомству.

5. Из этой особенности половой потребности от всех других вытекают и две различные степени греха блуда, смотря по тому, какое из двух назначений избирает человек.

6. При первом назначении, когда человек хочет, оставшись целомудренным, все свои силы посвятить на служение богу, грехом блуда будет всякое половое общение, хотя бы и имеющее целью рождение и воспитание детей, самый чистый и целомудренный брак будет таким прирожденным грехом для человека, избравшего назначение девственности.

7. Наследственным же грехом для такого человека будет всякое продолжение таких половых сношений, хотя и в браке, имеющих целью рождение и воспитание детей, освобождение от наследственного греха будет для такого человека прекращение полового обще-

ния.

8. Личным, придуманным грехом для такого человека будет вступление в половое сношение с другим лицом, кроме того, с которым он уже находится в браке.

9. При избрании человеком назначения служения богу продолжением рода, прирожденным грехом будет всякое половое общение, не имеющее целью продолжение рода, как это бывает при проституции, случайных связях, при браках, заключаемых по расчету, по связям, по любви.

10. Наследственным же грехом для человека, избравшего назначение продолжение рода, будет такое половое общение, от которого не могут родиться дети или при котором родители не могут или не хотят воспитывать рождающихся от их брака детей.

11. Когда же человек, избравший второе назначение служения продолжению рода, будет ли то мужчина или женщина, находясь уже в половом общении с одним лицом, вступает в такое же общение с другими лицами, не для произведения семьи, а для увеличения наслаждения от полового общения, или ста-

рается предотвратить деторождение или передается неестественным порокам, то такой человек совершает личный грех блуда.

12. Грех, т. е. ошибка блуда, для человека, избравшего назначение девственности, состоит в том, что человек, могший избрать высшее назначение и все силы свои употреблять на служение богу, следовательно на продление любви и достижение высшего блага, спускается на низшую степень жизни и лишается этого блага.

13. Для человека же, избравшего назначение продолжение рода — грех, ошибка блуда в том, что, лишаясь деторождения или, по крайней мере, семейного общения, люди лишаются лучшего блага половой жизни.

14. Кроме того, люди, старающиеся увеличить благо от полового общения, как и во всех удовлетворениях потребностей, тем больше уменьшают естественное наслаждение, чем больше предаются этой похоти.

22

ГРЕХ ОПЬЯНЕНИЯ

1. В естественном состоянии своем человеку, как и всякому животному, свойственно

приходить от внешних причин в состояние возбуждения, и это временное возбуждение дает благо человеку, находящемуся в животном состоянии.

2. Пробудившись же к сознанию, человек замечает те причины, которые приводят его в это возбужденное состояние, и старается воспроизвести и усилить эти причины с тем, чтобы вызвать в себе это состояние, и для этой цели приготовляет себе и принимает в желудок или вдыхает вещества, производящие такое возбуждение, или устраивает для себя ту обстановку; или делает те особенные движения, которые приводят его в это состояние. В этом состоит грех опьянения.

3. Особенность этого греха в том, что, тогда как все те грехи только отвлекают рожденного к новой жизни человека от свойственной ему деятельности, усиливая в нем его стремление к продолжению животной жизни и не ослабляют и не нарушают деятельности разума, грех же опьянения не только ослабляет деятельность разума, но на время, а иногда совершенно, уничтожает ее; так что человек, приводящий себя в возбужденное состояние

курением, вином, известной торжественной обстановкой или усиленными движениями, как это делают дервиши и другие религиозные фанатики, при этих условиях совершает часто поступки, не только свойственные животным, но такие, которые по неразумию и жестокости своей не свойственны животным.

4. Единственный прирожденный грех опьянения состоит в том, что человек, получив удовольствие от известного состояния возбуждения, производится ли оно пищей, или питьем, обстановкой, воздействующей на зрение и слух, или известными движениями, не воздерживается от того, что производит это опьянение. Когда человек, сам не замечая того, без намерения возбудить себя, ест пряности, пьет чай, квас, брагу, украшает себя или жилище, пляшет или играет, он совершает прирожденный, естественный грех опьянения.

5. Когда же человек родился и воспитан в известных привычках опьянения: привычках употребления табаку, вина, опиума, привычках торжественных зрелищ, общественных, семейных, церковных или привычках извест-

ного рода движений: гимнастики, пляски, поклонов, прыжков и т. п. и поддерживает эти привычки, человек совершает наследственный грех опьянения.

6. Когда же человек воспитан в известных привычках периодического опьянения и привык к ним, и вводит, подражая другим или сам придумывая, новые приемы опьянения: после табака начинает курить опиум, после вина пьет водку, вводит новые торжественные празднования с новым усиленным воздействием картин, танцев, света, музыки или вводит новые приемы телесных возбуждающих движений, гимнастики, велосипедной езды и т. п., то человек совершает личный грех опьянения.

7. Грех опьянения, как прирожденный, так наследственный и личный, состоит в том, что человек, вместо того чтобы все силы своего внимания употребить на то, чтобы устранить всё то, что может затуманить его сознание, открывающее ему смысл его истинной жизни, старается, напротив, ослабить и затемнить это сознание внешними средствами возбуждения

8. Кроме того, человек, поступающий так, достигает обратного тому, к чему он стремился. Производимое внешними средствами возбуждение слабеет с каждым новым приемом возбуждения, и, несмотря на усиление приемов возбуждения, разрушающее здоровье, сама способность возбуждения всё более и более слабеет.

23 ПОСЛЕДСТВИЯ ГРЕХОВ

1. Грехи служат препятствием проявлению любви.

2. Но мало того, что грехи служат препятствием проявлению любви, грехи производят в людях и величайшие бедствия.

Бедствия, производимые грехами, двух родов: одни бедствия — те, от которых страдают люди, подпадающие греху; другие — те, от которых страдают другие. Бедствия, постигающие тех, которые совершают грехи, суть: изнеженность, пресыщенность, скука, тоска, апатия, забота, страх, подозрительность, злоба, ненависть, ожесточение, ревность, бессилие и всякого рода мучительные болезни. Бедствия же те, от которых страдают другие:

воровство, грабежи, истязания, побои, убийства.

3. Не будь грехов, не было бы ни нищеты, ни пресыщения, ни разврата, ни воровства, ни грабежей, ни убийств, ни казней, ни войн.

4. Не будь греха похоти, не было бы нужды у обделенных, не было бы скуки и страха у роскошествующих, не было бы напрасной траты сил на ограждение удовольствий роскошествующих, не было бы принижения духовных сил нуждающихся, не было бы той постоянной глухой борьбы между теми и другими, воспитывающей зависть, ненависть в одних и презрение и страх в других; и не прерывалась бы временами эта вражда насилиями, убийствами, революциями.

5. Не будь греха праздности, не было бы, с одной стороны, замученных работой людей и, с другой стороны, людей изуродованных бездействием и постоянными увеселениями; не было бы разделения людей на два враждебных лагеря: людей пресыщенных и голодных, празднующих и замученных работою.

6. Не будь греха собственности, не было бы всех тех насилий, которые производятся од-

ними людьми над другими для приобретения и удержания предметов; не было бы воровства, грабежа, заточения в тюрьмы, ссылок, каторжных работ, казней.

7. Не будь греха власти, не было бы тех огромных, бесполезных трат сил людских на одоление друг друга и на поддержание власти; не было бы гордости и оупения победителей и лести, обмана и ненависти побежденных; не было бы тех разделений семейных, сословных, народных и вытекающих из них ссор, драк, убийств, войн.

8. Не будь греха блуда, не было бы рабства женщины, истязания ее, и рядом с этим ба-ловства и извращения ее; не было бы ссор, драк, убийств из-за ревности, не было бы низведения женщины до орудия удовлетворения плоти, проституции; не было бы неестественных пороков; не было бы расслабления телесных и душевных сил, тех страшных болезней, от которых теперь страдают люди; не было бы заброшенных детей и детоубийства.

9. Не будь опьянения табаком, вином, опиумом, возбуждающими усиленными движениями и торжествами — не было бы распу-

ценности людей в грехах. Не было бы одной сотой тех ссор, драк, грабежей, прелюбодеяний, убийств, которые происходят теперь, особенно под влиянием ослабления духовных сил людей; не было бы той напрасной траты энергии не только на ненужные, но на прямо вредные дела: не были бы одурены, изуродованы часто лучшие люди, проживающие в жизни без пользы другим и в тягость себе.

24

СОБЛАЗНЫ

1. Губительные последствия грехов для отдельных лиц, совершающих их, так же как и для общества людей, среди которых совершаются грехи, так очевидны, что с самых древних времен люди видели происходящие от них бедствия и проповедывали и издавали законы против грехов и наказывали за них: запрещалось воровать, убивать, развратничать, клеветать, опьяняться; но, несмотря на запрещения и казни, люди продолжали и продолжают грешить, губя жизни свои и своих ближних.

2. Происходит это оттого, что существуют для оправдания грехов такие лживые рассуж-

дения, по которым выходит, что существуют такие исключительные обстоятельства, по которым грехи не только простительны, но необходимы. Лживые оправдания эти суть то, что называется соблазнами.

3. Соблазн по-гречески *σιάνδαλον* — означает западню, ловушку. И действительно, соблазн есть ловушка, в которую заманивается человек подобием добра и, попав в нее, погибает в ней. Поэтому-то и сказано в евангелии, что соблазны должны войти в мир, но горе миру от соблазнов и горе тому, через кого они входят.

4. Вот от этих-то соблазнов, лживых оправданий грехов люди не исправляются от грехов, а продолжают коснеть в них и, что хуже всего, воспитывают в них молодые поколения.

25

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОБЛАЗНОВ

1. Рождение человека к новой жизни совершается не вдруг, а постепенно, точно так же, как и рождение плотское: усилия рождения сменяются остановками и возвращениями к прежнему положению, — проявления

духовной жизни проявлениями жизни животной; человек то отдается служению богу и в этом служении видит благо, то возвращается к личной жизни и ищет блага своего отдельного существа и совершает грехи.

2. Совершив же грех, человек сознает несоответствие поступка с требованием совести. Пока человек желает только совершить грех, несоответствие это еще не вполне ясно. Но как скоро грех совершен, несоответствие обличается, и человек желает уничтожить его.

3. Уничтожить же несоответствие поступка и положения, в которое вступает человек вследствие греха, можно только тем, чтобы употребить свой разум на оправдание совершенного поступка и положения.

4. Оправдать же противоречие греха с требованиями духовной жизни можно только тем, чтобы объяснить свой грех требованиями духовной жизни. Это самое и делают люди, и эта умственная деятельность людей и есть то, что называют соблазном.

5. С тех пор как проявилось в людях сознание противоречий между их животной и духовной жизнью, с тех пор как стали люди со-

вершать грехи, стали люди и продумывать оправдание им, т. е. соблазны, и потому между людьми установились предания всё одних и тех же оправданий грехов, т. е. соблазнов, так что человеку не нужно самому придумывать оправданий своих грехов, — они уже придуманы раньше него, и ему нужно только принять готовые, составленные соблазны,

26

РАЗДЕЛЕНИЕ СОБЛАЗНОВ

1. Есть пять соблазнов, погубляющих людей: **1** соблазн личный, или соблазн приготовления; соблазн семейный, или соблазн продолжения рода; соблазн дела, или соблазн пользы; соблазн товарищества, или соблазн верности; соблазн государственный, или соблазн общего блага.

2. Соблазн личный, или соблазн приготовления, состоит в том, что человек, делая грехи, оправдывается тем, что он готовится к деятельности, которая в будущем должна быть полезна людям.

3. Соблазн семейный, или продолжения рода, состоит в том, что человек, делая грехи, оправдывает их благом своих детей.

4. Соблазн дела, или пользы, состоит в том, что человек оправдывает свои грехи необходимостью ведения и окончания начатого им и полезного для людей дела.

5. Соблазн товарищества, или верности, состоит в том, что человек оправдывает свои грехи благом тех людей, с которыми он вступил в исключительные отношения.

6. Соблазн государственный, или общего блага, состоит в том, что люди оправдывают совершаемые ими грехи благом многих людей, народа, человечества. Это тот соблазн, который выражен Каиафой, требовавшим убийства Христа во имя блага многих.

27

СОБЛАЗН ЛИЧНЫЙ, ИЛИ СОБЛАЗН ПРИГОТОВЛЕНИЯ

1. «Я знаю, что смысл жизни моей не в служении себе, а в служении богу или людям; но для того, чтобы служение людям было успешно, — говорит человек, который подпал этому соблазну, — я могу допустить некоторые отступления от требований совести, если они необходимы для моего совершенствования, приготавливающего меня к будущей по-

лезной людям деятельности; мне нужно прежде выучиться, нужно прежде отслужить срок службы, нужно прежде поправить свое здоровье, нужно прежде жениться, нужно прежде обеспечить средства жизни в будущем, и, пока я достигаю этого, я не могу вполне следовать требованиям своей совести, когда же я окончу это, тогда я начну жить уже совершенно так, как этого требует моя совесть».

2. И, признав необходимость заботиться о своей личной жизни для наиболее действительного служения людям и проявления любви впоследствии, человек служит своей личности, совершая грехи — и похоти, и праздности, и собственности, и власти, и разврата даже, и опьянения, не считая эти грехи важными потому, что он разрешает их себе только на время, на то время, когда все силы его направлены на приготовление себя к деятельному служению людям.

3. Начав же служить своей личности, сохраняя, усиливая и совершенствуя ее, человек естественно забывает ту цель, для которой он делает это, и лучшие годы, а иногда и

всю жизнь отдает на такое приготовление к служению, которое никогда не наступает.

4. Между тем разрешенные себе грехи ради благой цели становятся всё привычнее и привычнее, и человек, вместо предполагаемой полезной деятельности для людей, проводит всю жизнь в грехах, губящих его собственную жизнь и соблазняющих других людей и вредящих им. В этом состоит соблазн приготовления.

28

СОБЛАЗН СЕМЕЙНЫЙ, ПРОДОЛЖЕНИЯ РОДА

1. Люди, вступая в семейную связь, преимущественно женщины, бывают склонны думать, что их любовь к своей семье, к детям и есть то самое, чего требует от них их разумное сознание, и что поэтому, если в семейной жизни и приходится совершать грехи для удовлетворения потребностей семьи, то эти грехи простительны.

2. Признав же это, такие люди считают возможным во имя любви к семье не только освободить себя от требований справедливости к другим людям, но и с уверенностью в

том, что они поступают хорошо, совершать для блага своих детей величайшие жестокости против чужих.

3. «Если бы у меня не было жены, мужа или детей, — говорят себе люди, подпавшие этому соблазну, — я бы жил совсем иначе и не делал этих грехов; теперь же для того, чтобы воспитать детей, я не могу жить иначе. Если бы мы не жили так, не делали бы этих грехов, не мог бы продолжаться и род человеческий».

4. И, сделав такое рассуждение, человек спокойно отнимает у людей их труд, заставляет их трудиться в ущерб их жизни, отнимает у людей их землю и, самый поразительный пример, — отнимает у ребенка молоко для того, чтобы мать этого ребенка кормила его дитя, и не видит того зла, которое он делает. В этом состоит соблазн семейный, или продолжения рода.

29

СОБЛАЗН ДЕЛА

1. Человек, по свойству своей природы, должен упражнять свои умственные и телесные силы и для упражнения их избирает ка-

кое-либо дело.

2. Дело же всякое требует в известное время известных поступков, так что, если поступки эти не сделаны в свое время, то разрушается полезное людям дело, не принося никому никакой пользы.

3. «Мне нужно допахать пашню с посеянными семенами; если я не сделаю этого, пропадут, не принеся никому пользы, и семена, и работа. Мне надо кончить к такому-то сроку работу; если я не кончу ее, работа, которая могла быть полезна, пропадает даром. У меня в ходу фабрика, производящая нужные людям предметы и дающая возможность труда десятку тысяч рабочих; если я прерву работу, предметы не будут изготовлены, и люди лишатся труда», — говорят люди, подпавшие этому о соблазну.

4. И, сделав такое рассуждение, человек не только не бросает недопаханную пашню, чтобы помочь вытащить из трясины завязшую лошадь соседа, не только не бросает срочную работу для того, чтобы просидеть день у постели больного, не только не прекращает фабрику, работа на которой губит здоровье лю-

дей, но готов воспользоваться несчастьем соседа, чтобы допахать пашню, готов оторвать человека от ухода за больным с тем, чтобы только кончить работу к сроку, готов губить здоровье нескольких поколений людей, только бы производились хорошо обработанные предметы.

В этом состоит соблазн дела, или пользы.

30

СОБЛАЗН ТОВАРИЩЕСТВА

1. Случайно или искусственно становясь в известные одинаковые условия, люди склонны выделять себя вместе с находящимися в тех же условиях людьми из всех остальных и считать себя обязанными для соблюдения выгод этих стоящих в исключительных условиях людей отступить от требований своей совести и не только предпочитать выгоды этих своих выгодам других, но даже делать зло людям, только бы не нарушить верности к своим.

2. Люди делают явно дурное дело, но это наши товарищи, и потому надо скрыть, оправдать их дурное дело. То, что мне предлагают делать, — дурно, бессмысленно, но все

товарищи решили это, и мне нельзя отстать от них. Для посторонних это может быть страданием, несчастием, но для нас и нашего товарищества это будет приятно, и потому надо поступать так.

3. Товарищества такие бывают самые разнообразные. Таково товарищество двух убийц или воров, идущих на свое дело и считающих более обязательной свою верность товарищам для совершения предпринятого дела, чем верность совести, осуждающей предпринятое дело; таковы же товарищества учеников учебных заведений, рабочих артелей, полков, ученых, духовных лиц, королей.

4. Все эти люди считают верность установлению своего товарищества обязательнее верности требованиям своей совести по отношению ко всем другим людям. В этом состоит соблазн товарищества, или верности.

5. Особенность этого соблазна состоит в том, что во имя его совершаются самые дикие и бессмысленные поступки, вроде наряжения себя в особенные, странные одежды и приписывания этим одеждам особенного значения, и поступки вроде отравления себя вином, пи-

вом, и очень часто во имя этого же соблазна, вызывающего враждебность одних товариществ к другим, совершаются страшно жестокие поступки — драки, дуэли, убийства и т. п.

31

СОБЛАЗН ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

1. Люди живут в известном общественном устройстве, и устройство это, как и всё в мире, постоянно изменяется соответственно росту сознания в людях.

2. Но люди, в особенности те, для которых существующий порядок более выгоден, чем для других (а всегда для одних людей существующий порядок выгоднее, чем для других), считают, что существующий порядок есть благо для всех людей, и потому для поддержания этого блага для всех людей не только считают возможным нарушать любовь по отношению к некоторым людям, но и считают справедливым и хорошим совершать величайшие злодеяния для поддержания существующего порядка.

3. Люди установили право собственности, и одни владеют землями и орудиями труда, а другие не имеют ни того, ни другого. И это

несправедливое обладание одними, не работающими людьми, землями и орудиями труда считается тем порядком, который должен быть охраняем и ради которого считается справедливым и хорошим запереть, казнить людей, нарушающих этот порядок. Точно так же ввиду опасности того, что соседний народ или властитель может напасть на наш народ и завоевать, и уничтожить, и изменить установившийся порядок, считается справедливым и хорошим не только содействовать учреждению войска, но и самому быть готовым на убийство людей другого народа и идти убивать их.

4. Особенность этого соблазна та, что, тогда как во имя тех четырех первых соблазнов люди отступают от требований своей совести и совершают отдельные дурные дела, во имя этого государственного соблазна совершаются самые ужасные массовые злодеяния, как казни и войны, и поддерживаются самые жестокие преступления против большинства, как прежнее рабство и теперешнее отнятие земли у рабочих. — Люди не могли бы совершать эти злодеяния, если бы не были придуманы

маны приемы, посредством которых ответственность за эти совершаемые злодеяния так распределяется между людьми, что никто не чувствует тяжести ее.

5. Прием распределения этой ответственности так, чтобы никто не чувствовал тяжести, состоит в том, что признается необходимость власти, которая для блага подданных людей должна предписывать эти злодеяния; подданные же для блага всех должны исполнять предписания власти.

6. «Я очень сожалею о том, что должен предписывать отобрание произведения труда, заключение в тюрьму, изгнание, каторгу, казнь, войну, т. е. массовое убийство, но я обязан поступать так, потому что этого самого требуют от меня люди, облекшие меня властью, — говорят люди, находящиеся во власти. — Если я отнимаю у людей собственность, хватаю их от семьи, запираю, казню, если я убиваю людей чужого народа, разоряю их, стреляю в города по женщинам и детям, то я делаю это не на свою ответственность, а потому, что исполняю волю высшей власти, которой я обещался повиноваться для блага

общего». В этом состоит соблазн государственный, или общего блага.

32

ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЛАЗНОВ

1. Грехи суть последствия привычек (инерции, животной жизни). Разбежавшаяся животная жизнь не может остановиться и тогда, когда в человеке уже пробудился разум и он понял бессмысленность животной жизни. Человек знает уже, что животная жизнь бессмысленна и не может дать ему блага, но по старой привычке ищет смысла и блага в радостях животной жизни: удовлетворении усложненных искусственных потребностей, в постоянном отдыхе, в увеличении собственности, в властвовании, в разврате, в опьянении и употребляет свой разум на достижение этих целей.

2. Но грехи казнят сами себя: очень скоро человек чувствует, что то благо, которое он ищет этим путем, недоступно ему. И грех теряет свою привлекательность. Так что, не будь оправданий грехов — соблазнов, люди не коснулись бы в грехах и не довели бы их до того предела, до которого они доведены те-

перь.

3. Не будь соблазнов приготовления, соблазна семейного, соблазна дела, соблазна государственного, ни один самый жестокий человек не мог бы среди нуждающихся, умирающих от нужды людей пользоваться теми излишествами, которыми пользуются теперь богатые люди, не могли бы придти богатые люди к тому положению полной физической праздности, в которой, скучая, проживают они теперь свою жизнь, заставляя, часто старых, малолетних, слабых, делать нужную им работу. Не будь соблазна собственности, не могли бы люди без смысла, без цели тратить все силы своей жизни на всё большее и большее приобретение имущества, которое не может быть употреблено, не могли бы люди, страдая от борьбы, вызывать ее в других. Не будь соблазна товарищества, не было бы и той доли того разврата, который существует теперь, не могли бы люди так очевидно и бессмысленно губить свои телесные и умственные силы опьяняющими веществами, не увеличивающими, но уменьшающими в них энергию.

4. От грехов людских нищета и задавленность трудом одних и пресыщенность и праздность других; от грехов и неравенство имуществ, борьба, ссоры, суды, казни, войны; от грехов бедствия разврата и озверение людей, но от соблазнов установление, освящение всего этого: узаконение нищеты и задавленности одних и пресыщенности и праздности других, узаконение насилия, убийств, войн, разврата, пьянства и доведение их до тех страшных размеров, до которых они дошли теперь.

33 ОБМАНЫ ВЕРЫ

1. Не будь соблазнов, люди не могли бы продолжать жить в грехах, так как каждый грех казнит сам себя: люди прежних поколений указали бы последующим губительность греха, а последующие поколения воспитались бы, не впадая в привычку греха.

2. Но человек употребил данный ему разум не на познание греха и избавление от него, а на оправдание его, и явился соблазн, и грех узаконился и укоренился.

3. Но каким же образом мог человек с про-

будившимся разумом признать ложь истинной? Для того, чтобы человек мог не видеть лжи и принять ее за истину, разум его должен был быть извращен, потому что неизвращенный разум безошибочно отличает ложь от истины, в чем и состоит его назначение.

4. И действительно, разум людей, воспитанный в человеческом обществе, никогда не бывает свободен от извращения. Всякий человек, воспитанный в человеческом обществе, неизбежно подвергается извращению, состоящему в обмане веры.

5. Обман веры состоит в том, что люди прежних поколений внушают последующим поколениям различными искусственными способами понимание смысла жизни, основанное не на разуме, а на слепом доверии.

6. Сущность обмана веры состоит в том, что умышленно смешиваются и подставляются одно под другое понятие веры и доверия: утверждается, что без веры человек не может жить и мыслить, что совершенно справедливо, и на место понятия веры, т. е. признания того, что существует то, что сознается, но не может быть определено разумом, как бог, ду-

ша, добро, — подставляется понятие доверия в то, что существует бог, именно такой-то, в трех лицах, тогда-то сотворивший мир, и тогда-то открывший людям, именно там-то, и тогда-то и через таких-то пророков.

34

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБМАНОВ ВЕРЫ

1. Человечество медленно, но не останавливаясь, движется вперед, т. е. всё к большему и большему уяснению сознания истины о смысле и значении своей жизни и установлению жизни согласно с этим уясненным сознанием. И потому понимание людьми своей жизни и самая жизнь человеческая постоянно изменяются. Люди, более чуткие к истине, понимают жизнь согласно тому высшему свету, который появился в них, соответственно этому свету устраивают свою жизнь; люди, менее чуткие, держатся прежнего понимания жизни и прежнего строя жизни и стараются отстоять его.

2. Так что в мире всегда есть рядом с людьми, указывающими передовое последнее выражение истины и старающимися жить соответственно этому выражению исти-

ны, люди, отстаивающие прежнее, отжившее и уже ненужное понимание ее и прежние порядки жизни.

35

КАКИМ ОБРАЗОМ СОВЕРШАЮТСЯ ОБМАНЫ ВЕРЫ?

1. Истина не нуждается во внешнем подтверждении и принимается свободно всеми теми, которым она передается, но обман требует особенных приемов, посредством которых он мог бы передаваться людям и усваиваться ими; и потому для совершения обмана веры употребляются теми, которые их совершают, во всех народах, всегда одни и те же приемы.

2. Таких приемов пять: 1) перетолкование истины, 2) вера в чудесное, 3) установление посредничества между человеком и богом, 4) воздействие на внешние чувства человека и 5) внушение ложной веры детям.

3. Сущность первого приема обмана веры состоит в том, чтобы на словах признать не только справедливость открытой людям последними проповедниками истины, но признать самого проповедника святым, сверхъестественным лицом, обоготворить проповед-

ника, приписав ему совершение разных чудес и скрыть самую сущность открытой истины так, чтобы она не только не нарушала прежнего понимания жизни и установившегося в нем строя жизни, но, напротив, подтвержда-ла бы его.

Такое перетолкование истины и обоготво-рение проповедников ее совершалось во всех народах, при всяком проявлении нового ре-лигиозного учения. Так было перетолковано учение Моисея и пророков еврейских. И в этом самом перетолковании и упрекал Хри-стос фарисеев, говоря им, что они сели на се-далище Моисеевом и сами не входят в цар-ство божие и других не впускают. Так же бы-ли перетолкованы учения Будды, Лао-Тсе, За-ратустры. Такое же перетолкование соверши-лось с христианским учением в первые вре-мена его принятия Константином, когда язы-ческие храмы и божества были переделаны на христианские и возникло магометанство как отпор от мнимо-христианского многобо-жия. Такому же перетолкованию подверга-лось и подвергается магометанство.

4. Второй прием обмана веры состоит в

том, чтобы внушать людям то, что следование в познании истины данному нам от бога разуму есть грех гордости, что существует другое, более надежное орудие познания: откровение истины, передаваемое богом непосредственно избранным людям при известных знамениях, чудесах, т. е. сверхъестественных событиях, подтверждающих верность передачи. Внушается то, что надо верить не разуму, а чудесам, т. е. тому, что противно разуму.

5. Третий прием обмана веры состоит в том, чтобы уверить людей, что они не могут иметь того непосредственного отношения с богом, которое чувствует всякий человек и которое особенно уяснил Христос, признав человека сыном бога, а что для общения человека с богом, необходим посредник или посредники. Такими посредниками ставят пророков, святых, церковь, писание, старцев, дервишей, лам, будд, пустынных, всякое духовенство. Как ни различны все эти посредники, сущность посредничества та, что между человеком и богом не признается прямой связи, а, напротив, предполагается, что истина

прямо недоступна человеку, а может быть принята только через веру в посредников между ним и богом.

6. Четвертый прием обмана веры состоит в том, что, под предлогом совершения требуемых будто бы богом дел: молитв, таинств, жертв, собирают вместе много людей и, подвергнув их различным одурающим воздействиям, внушают им ложь, выдавая ее за истину. Поражают людей красотой и величием храмов, великолепием украшений, утварью, одеждами, блеском освещения, звуками пения, органов, курениями, возгласами, представлениями и в то время, как люди находятся под этим обаянием, стараются запечатлеть в душах их обман, выдаваемый за истину.

7. Пятый прием самый жестокий, потому что он состоит в том, чтобы ребенку, спрашивающему у старших, живших прежде его и имевших возможность познать мудрость прежде живших людей, о том, что такое этот мир и его жизнь и какое отношение между тем и другим, отвечают не то, что думают и знают эти старшие, а то, что думали люди, жившие тысячи лет тому назад, и во что ни-

кто из больших уже не верит и не может верить. Вместо духовной, необходимой ему пищи, о которой просит ребенок, ему дается губящий его духовное здоровье яд, от которого он может исцелиться только величайшими усилиями и страданиями.

8. Ребенок, пробуждаясь к сознательной жизни с ясным, ничем не засоренным разумом, готовый принять и в глубине души, хотя и смутно, но сознающий истину жизни, т. е. свое положение и назначение в ней (душа человеческая по природе христианка, по выражению Тертуллиана, отца церкви), — ребенок спрашивает у пожившего уже родителя: что такое его жизнь? какое отношение его к миру и началу его? И отец его, или учитель его, не говорит ему то малое и несомненное, что он знает о смысле жизни, а с уверенностью говорит то, что он в глубине души признает не истинным, — говорит ему, если он еврей, что бог сотворил мир в шесть дней и открыл всю истину Моисею, написав пальцем на камне то, что надо держать клятвы, помнить день субботний, обрезываться и т. п.; если он православный, католический, лютеранский хри-

стианин, — что Христос, второе лицо, творил мир и сошел на землю, чтобы кровью искупить грех Адама, и т. п.; если он буддист, — что Будда улетел на небо и научил людей уничтожать в себе жизнь; если он магометанин, — что Магомет летал на седьмое небо и узнал там закон, по которому вера в пятикратную молитву, посещение Мекки доставляют человеку рай в будущей жизни.

9. И, зная, что другие люди своим детям внушают другое, родители и учителя передают каждые свои особенные суеверия, зная в глубине души, что это только суеверия, — передают невинным, доверчивым детям в том возрасте, когда впечатления так сильны, что никогда уже не изглаживаются.

36

ЗЛО, ПРОИСХОДЯЩЕЕ ОТ ОБМАНА ВЕРЫ

1. Грехи, заставляя человека временами совершать дела, противные его духовной природе, противные любви, задерживают его рождение к новой истинной жизни.

2. Соблазны вводят человека в греховную жизнь, оправдывая грехи, так что человек

уже совершает не отдельные греховные поступки, а живет животной жизнью, не видя противоречия этой жизни с жизнью истинной.

3. Такое положение человека возможно только при извращении истины совершающимся обманом веры. Только человек с извращенным обманом веры разумом может не видеть лжи соблазнов.

4. И потому обман веры есть основа всех грехов и бедствий человека.

5. Обманы веры суть то, что в евангелии названо хулой на святого духа и про которую сказано, что это действие не может проститься, т. е. что никогда, ни в какой жизни не может не быть губительно.

37

ЧТО ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕК, ЧТОБЫ ЖИТЬ ПО УЧЕНИЮ ХРИСТА?

1. Для того, чтобы жить по учению Христа, человек должен уничтожить препятствия, мешающие истинной жизни, т. е. проявлению любви.

2. Препятствия этому составляют грехи. Но грехи не могут быть уничтожены, пока чело-

век не освободится от соблазнов. Освободиться же от соблазнов может только человек, свободный от обманов веры.

3. И потому для того, чтобы жить по учению Христа, человеку нужно прежде всего освободиться от обманов веры.

4. Только освободившись от обманов веры, человек может освободиться от лжи соблазнов; и только познав ложь соблазнов, может человек освободиться от грехов.

38

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОБМАНОВ ВЕРЫ

1. Для того, чтобы освободиться от обманов веры вообще, человеку надо понимать и помнить, что единственное орудие познания, которым владеет человек, есть его разум и что поэтому всякая проповедь, утверждающая что-либо противное разуму, есть обман, попытка устранения единственного, данного богом человеку орудия познания.

2. Для того, чтобы быть свободным от обманов веры, человеку надо понимать и помнить, что у него нет и не может быть никакого другого, кроме разума, орудия познания, — что хочет он или не хочет того, всякий чело-

век верит только разуму, и что поэтому люди, говорящие, что они верят не разуму, а Моисею, Будде, Христу, Магомету, церкви, корану, библии, — обманывают себя, потому что, чему бы они ни верили, они верят не тому, кто передает им те истины, в которые они верят — Моисею, Будде, Христу, библии, — но верят разуму, который говорит им, что им надо верить Моисею, Христу, библии и надо не верить Будде и Магомету, библии и наоборот.

3. Истина не может войти в человека помимо разума, и потому человек, который думает, что он познает истины верою, а не разумом, только обманывает себя и неправильно употребляет свой разум на то, на что он не предназначен, — на решение вопросов о том, кому из передающих учение, выдаваемые за истину, надо верить и кому не верить. Разум же предназначен не на то, чтобы решать, кому нужно, а кому не нужно верить, этого он и не может решить, а на то, чтобы проверять справедливость того, что предлагается ему. Это он всегда может и на это он и предназначен.

4. Лжетолкователи истины говорят обык-

новенно о том, что разуму нельзя верить потому, что разум разных людей утверждает разное и что поэтому для единения людей лучше верить в откровение, подтверждаемое чудесами. Но такое утверждение прямо противоположно истине. Разум никогда не утверждает различного. Он всегда во всех людях утверждает и отрицает одно и то же.

5. Только веры, утверждая различное: одна, что бог открыл себя на Синае и что он бог евреев; а другая, что бог есть брама, вишну и шива; а третья, что бог есть троица: отец, сын и святой дух; а четвертая, что бог есть небо и земля; а пятая, что истина открыта вся Буддую; а шестая, что вся она открыта Магометом, — только веры эти разделяют людей, разум же, будет ли это разум еврея, японца, китайца, араба, англичанина, русского, всегда и у всех говорит одно и то же.

6. Когда говорят, что разум может обманывать, и в подтверждение приводят несогласные утверждения различных людей о том, что есть бог и как нужно служить ему, то те, которые говорят это, делают умышленную или неумышленную ошибку, смешивая разум

с рассуждениями и вымыслами. Рассуждения и вымыслы действительно могут быть и бывают бесконечно разнообразны и различны, но решения разума всегда одинаковы для всех людей и во все времена. Рассуждения и вымыслы о том, как произошел мир или грех и что будет после смерти, могут быть бесконечно различны, но решения разума о том, правда ли то, что три бога вместе составляют одного, правда ли то, что человек умер и потом воскрес, правда ли то, что человек ходил по воде или улетел в теле на небо, что, съедая хлеб и вино, я съедаю тело и кровь, — решения разума об этих вопросах всегда одни и те же для всех людей и во всем мире и всегда несомненно верны. Говорят ли о том, что бог ходил в огненном столбу или о том, что Будда поднялся на лучах солнца, или Магомет летал на небо, или Христос ходил по воде и т. п., разум всех людей всегда и везде отвечает одно и то же: это неправда. На вопросы же о том, справедливо ли поступать с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой? хорошо ли любить людей и прощать им их обиды и быть милосердным? разум всех людей и

во все времена говорит: да, справедливо, хорошо.

7. И потому, чтобы не подпасть обманам веры, человек должен понимать и помнить, что истина открыта ему только в его разуме, данном богом человеку для познания воли бога, и что внушение недоверия к разуму имеет в своей основе желание обмана и есть величайшее кощунство.

8. Таково общее средство для освобождения себя от обманов веры. Но для того, чтобы быть свободным от обманов веры, надо знать все виды этих обманов и остерегаться их, противодействовать им.

39

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОБМАНА ВЕРЫ, ВНУШЕННОГО С ДЕТСТВА

1. Для того, чтобы человек мог жить по учению Христа, ему прежде всего нужно освободиться от обмана веры, в которой он воспитался, — всё равно, будет ли это обман веры еврейский, буддийский, японский, конфуцианский или христианский.

2. Для того же, чтобы освободиться от обманов веры, в которых человек бывает воспи-

тан с детства, человек должен понимать и помнить, что разум дан ему непосредственно от бога и он один только может соединить всех людей, тогда как предания человеческие не соединяют, а разделяют людей, и потому должен не только не бояться сомнений и вопросов, вызываемых разумом при проверке внушенных с детства верований, а, напротив, старательно подвергать рассмотрению и сравнению с другими верованиями все те верования, которые переданы ему с детства, признавая справедливым только то, что не противоречит разуму, как бы ни было торжественно обставлено и старо передаваемое предание.

3. Подвергнув же внушенные ему с детства верования суду разума, человек, желающий освободить себя от обмана веры, внушаемого ему с детства, должен смело и безотговорочно откидывать всё, что противно разуму, ни минуты не сомневаясь в том, что то, что противно разуму, и не может быть истинно.

4. Освободившись же сам от обмана веры, внушенного с детства, человек, желающий жить по учению Христа, должен, не только сам словом, примером или умолчанием не со-

действовать обману детей, но всеми средствами разоблачать этот обман, по словам Христа, жалевшего детей за те обманы, которым они подвергаются.

40

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОБМАНА ВЕРЫ, ПРОИЗВОДИМОГО ВОЗДЕЙСТВИЕМ НА ВНЕШНИЕ ЧУВСТВА

1. Освободившись от обмана веры, внушаемого с детства, человек должен остерегаться обмана, производимого обманщиками всех народов посредством воздействия на внешние чувства.

2. Для того, чтобы не подпасть этому обману, человек должен понимать и помнить, что истина для своего распространения и усвоения людьми не нуждается ни в каких приспособлениях и украшениях, что только ложь и обман для того, чтобы быть воспринятыми людьми, нуждаются в особенных условиях передачи их и что поэтому всякие торжественные службы, шествия, украшения, благовоения, пение и т. п. не только не служат признаком того, что при этих условиях передается истина, но, как раз наоборот, служат верным

признаком того, что там, где употребляются эти средства, передается не истина, а ложь.

3. Чтобы не подпасть обману воздействия на внешние чувства, человек должен помнить слова Христа, что богу нужно служить не в каком-либо известном месте, а духом и истиной, и что тот, кто хочет молиться, должен идти не в храм, а запереться в уединении своей комнаты, зная, что всякое великолепие в богослужении имеет целью обман, тем более жестокий, чем великолепнее служение, и потому не только самому не участвовать в одуряющих богослужениях, но и где возможно обличать обман их.

41

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОБМАНА ПОСРЕДНИЧЕСТВА

1. Освободившись и от второго обмана воздействия на внешние чувства, человек должен еще беречься обмана посредничества между человеком и богом, которое, если только он допустит его, непременно скроет от него истину.

2. Чтобы не подпасть обману посредничества, человек должен понимать и помнить,

что бог открывается только непосредственно сердцу человека и что всякий посредник, становящийся между людьми и богом, будет ли то одно лицо, собрание лиц, книга или предание, икона, мощи, церковь, Христос, не только скрывает бога от человека, но делает самое страшное зло, которое может постигнуть человека, а именно то, что человек считает богом то, что не есть бог.

3. Как только человек допустил веру в какое бы то ни было посредничество, так он лишил себя единственной возможности достоверности знания и открыл возможность восприятия всякой лжи, вместо истины.

4. Только благодаря установлению посредничества между людьми и богом могли совершаться и совершаются те страшные обманы, вследствие которых разумные и добрые люди молятся Христу, богородице, Будде, Магомету, святым, мощам, иконам.

5. Чтобы не подпасть этому обману, человек должен понимать и помнить, что истина открыта ему прежде и вернее всего не в книге, не в предании, не в каком-нибудь собрании людей, а в его собственном сердце и в ра-

зуме, как это и говорил еще Моисей, объявивший народу, что закон бога не надо искать ни за морем, ни на небе, а в своем сердце, и как говорил это Христос евреям, говоря, что вы не знаете истины, потому что верите преданиям человеческим, а не тому, кого он послал.

Послал же бог в нас разум — одно и непогрешимое орудие познания, которое дано нам.

6. Чтобы не подпасть обману посредничества, человек должен понимать и помнить, что истина никогда не может быть открыта вся, что она постепенно открывается людям и открывается только тем, которые ищут ее, а не тем, которые, веруя в то, что им передают мнимо-непогрешимые посредники, думают, что обладают ею, и потому, чтобы не подвергать себя опасности впасть в самые страшные заблуждения, человек не должен признавать никого непогрешимым учителем, а искать истины везде, во всех преданиях человеческих, проверяя их своим разумом. Освободившись же сам от этого обмана, человек должен словом и делом обличать совершаемый над другими обман посредничества.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ВЕРЫ В ЧУДЕСА

1. Но и освободившись от обмана, внушенно-го с детства, и не подпадая обману внушения лжи посредством торжественности и не признавая посредничества между собою и богом, человек все-таки не будет свободен от обмана веры и не будет в состоянии познать учение Христа, если не освободится от веры в сверхъестественное, в чудесное.

2. Говорят, что чудеса, т. е. сверхъестественное, совершаются для того, чтобы соединить людей, а между тем ничто так не разъединяет людей, как чудеса, потому что каждая вера утверждает свои чудеса и отвергает чудеса других вер. Оно и не может быть иначе: чудеса, т. е. сверхъестественное, бесконечно разнообразно, только естественное всегда и везде одно и то же.

3. И потому, чтобы быть свободным от обманов веры в чудесное, человек должен признавать истинным только то, что естественно, т. е. согласно с его разумом, и признавать за ложь всё то, что неестественно, т. е. противоречит разуму, зная, что всё, что выдается за

такое, есть обман людской, как обманы всяких современных чудес, исцелений, воскрешений, чудотворных икон, мощей, пресуществление хлеба и вина и т. п., так же как и чудес, про которые рассказывается в библии, в евангелиях, в буддийских, магометанских, таосийских и других книгах.

4. Освободившись же сам от этого обмана, человек должен пользоваться всяким случаем обличать обман чудес.

43

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОБМАНОВ ВЕРЫ ЛОЖНОГО ПЕРЕТОЛКОВАНИЯ

1. Освободившись от обмана посредничества, человеку нужно освободиться от обмана ложного перетолкования истины.

2. В какой бы вере ни воспитывался человек: в магометанской, христианской, буддийской, еврейской или конфуцианской, — во всяком учении веры человек встречает утверждение несомненной истины, признаваемой его разумом, и рядом с ним утверждения, противные разуму, выдаваемые за одинаково достоверные.

3. Для того, чтобы освободиться от этого об-

мана веры, человек должен не смущаться тем, что истины, признаваемые разумом и не признаваемые им, выдаются за одинаково достоверные по своему одинаковому происхождению и как будто неразрывно связаны между собой, а должен понимать и помнить, что всякое откровение людям истины (т. е. всякое понимание новой истины одним из передовых людей) всегда так поражало людей, что облекалось в форму сверхъестественную, что к каждому проявлению истины неизбежно примешивались суеверия и что поэтому для познания истины не только не обязательно принимать всё, что передается о появлении истины, а, напротив, обязательно отделять в передаваемом ложь и вымысел от истины и действительности.

4. Отделив же истину от присоединенных к ней суеверий, пусть человек понимает и помнит, что суеверия, примешиваемые к истине, не только не так же священны, как сама истина, как это проповедуется людьми, находящими свою выгоду в этих суевериях, а, напротив, составляют самое пагубное и вредное явление, скрывающее истину и на уничтоже-

ние которого человек должен употребить все свои силы.

44

КАК ИЗБЕЖАТЬ СОБЛАЗНОВ

1. Освободившись от обманов веры, человек был бы способен к восприятию учения Христа, если бы не было соблазнов. Но и будучи свободным от обманов веры и понимая смысл учения Христа, человек всегда находится в опасности впадения в соблазны.

2. Сущность всех соблазнов в том, что человек, пробудившийся к сознанию, испытывая раздвоение и страдание от совершенного греха, хочет уничтожить раздвоение и происходящее от него страдание не борьбой с грехом, а оправданием его.

3. Оправдание же греха не может быть ничем иным, как ложью.

4. И потому, чтобы не впасть в соблазн, человеку прежде всего нужно не бояться признавать истину, зная, что такое признание не может удалить его от блага, тогда как обратное, ложь, есть главный источник греха и удаляет от блага.

5. Так что для того, чтобы избежать соблаз-

нов, человек, должен, главное, не лгать и не лгать, главное, перед самим собою, не столько заботиться о том, чтобы не солгать перед другими, сколько о том, чтобы не лгать перед самим собою, скрывая от самого себя цели своих поступков.

6. Для того, чтобы не впадать в соблазны и в вытекающую от соблазнов привычку грехов и погибель, человек должен не бояться каяться в своих грехах, зная, что покаяние есть единственное средство освобождения от грехов и вытекающих из них бедствий.

7. Таково одно общее средство для того, чтобы человек не впадал вообще в соблазны. Для того же, чтобы уметь избежать каждого отдельного соблазна, необходимо ясно понимать, в чем ложь и вред их.

45

ЛОЖЬ СОБЛАЗНА ПРИГОТОВЛЕНИЯ (ЛИЧНОГО)

1. Первый и самый обычный соблазн, который захватывает человека, есть соблазн личный, соблазн приготовления к жизни вместо самой жизни. Если человек не сам придумает себе это оправдание грехам, то он

всегда найдет это оправдание, уже вперед придуманное людьми, жившими прежде него.

2. «Теперь мне можно на время отступить от того, что должно и чего требует моя духовная природа, потому что я не готов, — говорит себе человек. — А вот я приготавлиюсь, наступит время, и тогда я начну жить уже вполне сообразно своей совести».

3. Ложь этого соблазна состоит в том, что человек отступает от жизни в настоящем, одной действительной жизни, и переносит ее в будущее, тогда как будущее не принадлежит человеку.

4. Ложь этого соблазна отличается тем, что если человек предвидит завтрашний день, то он должен предвидеть и послезавтрашний и после, после... Если же он предвидит всё это, то он предвидит и свою неизбежную смерть. Предвидя же свою неизбежную смерть, он не может готовиться на будущее в этой кончающейся жизни, потому что смерть разрушает смысл всего того, к чему готовится человек в этой жизни. Человек, давший ход своему разуму, не может не видеть, что жизнь его от-

дельного существа не имеет смысла, и потому готовить для этого существа ничего нельзя.

5. С другой стороны, ложь этого соблазна видна потому, что человек не может готовить себя к будущему проявлению любви и служению богу: человек не есть орудие, которым пользуется другой. Можно наточить топор и не успеть рубить им, им воспользуется другой; но человеком никто не может воспользоваться, кроме как он сам, потому что он сам есть орудие, постоянно работающее и совершенствующееся только на работе.

6. Вред же этого соблазна в том, что человек, подпавший ему, не живет не только истинной, но даже и временной жизнью в настоящем и переносит свою жизнь в будущее, которое никогда не приходит. Думая же совершенствовать себя для будущего, человек упускает единственное предлежащее каждому человеку совершенствование в любви, которое может быть только в настоящем.

7. Для того, чтобы не подпасть этому соблазну, человек должен понимать и помнить, что готовиться некогда, что он должен жить лучшим образом сейчас, такой, какой он есть,

что совершенствование, нужное для него, есть только одно совершенствование в любви, а это совершенствование совершается только в настоящем.

8. И потому должен, не откладывая, жить всякую минуту всеми своими силами, настоящим, для бога, т. е. для всех тех, кто предъявляет требования к его жизни, зная, что всякую минуту он может быть лишен возможности этого служения и что для этого-то ежечасного служения он и пришел в мир.

46

ЛОЖЬ И ВРЕД СОБЛАЗНА ДЕЛА

1. Всякий человек, занимаясь каким-нибудь делом, невольно увлекается им, и ему кажется, что ради дела он может не делать того, что требует от него его совесть, т. е. бог.

2. Ложь этого соблазна состоит в том, что всякое дело человеческое может оказаться бесполезным, может прерваться и не быть конченным; дело же божье, совершаемое человеком, — исполнение воли бога, никогда не может быть бесполезным и ничем не может быть прервано.

3. Вред же этого соблазна в том, что, допу-

стив то, что какое-либо дело — будет ли это запахивание рассеянных семян или освобождение целого народа от рабства — важнее того, часто самого ничтожного на людской суд, дела божия, т. е. сейчасной помощи и служения ближнему, всегда найдутся дела, которые нужно прежде окончить, чем исполнить требование дела божия, и человек навсегда освободит себя от служения богу, т. е. исполнения дела жизни, заменив служением мертвому — служением живому.

4. Вред в том, что, допустив этот соблазн, люди всегда будут откладывать служение богу до тех пор, пока они будут свободны от всех дел мирских. От дел же мирских люди никогда не бывают свободны. Для того, чтобы не впадать в этот соблазн, человек должен понимать и помнить, что всякое дело человеческое, имеющее конец, не может быть целью моей истинной бесконечной жизни и что такой целью может быть только участие в бесконечном деле божьем, состоящем в наибольшем проявлении любви.

5. И потому для того, чтобы не впадать в соблазн дела, человек не должен никогда де-

лать такое свое дело, которое нарушает дело божье, т. е. любовь к людям, должен быть всегда готовым бросить всякое дело, как скоро его призывает совершение дела божия: быть как работник, стоящий на хозяйской работе и могущий делать свои дела только тогда, когда его сил и внимания не требует хозяйское дело.

47

ЛОЖЬ И ВРЕД СОБЛАЗНА СЕМЕЙНОГО

1. Соблазн этот более всех других оправдывает грехи людей. Если человек свободен от соблазна приготовления к жизни, соблазна дела, то редкий человек, в особенности женщина, бывает свободен от соблазна семейного.

2. Соблазн этот состоит в том, что люди, во имя исключительной любви к своим семейным, считают себя свободными от обязанности к другим людям и спокойно совершают грехи корысти, борьбы, праздности, похоти, не считая их грехами.

3. Ложь этого соблазна состоит в том, что животное чувство, влекущее к продолжению рода, которое законно только в той мере, в ко-

торой оно не нарушает любви к людям, принимается за добродетель, оправдывающую грех.

4. Вред же этого соблазна в том, что он более, чем какой-либо другой соблазн, усиливает грех собственности, ожесточает борьбу между людьми, возводя в заслугу и добродетель животное чувство любви к своим семейным; отводит людей от возможности познания истинного смысла жизни.

5. Чтобы не подпадать этому соблазну, человек должен не только не воспитывать в себе любовь к своим семейным, не только не считать эту любовь добродетелью и не отдаваться ей, а, напротив, зная соблазн, всегда быть на страже против него, чтобы не пожертвовать любовью божескою для любви семейной.

6. Любить врагов, любить немилых, любить чужих можно без осторожности, вполне отдаваясь этой любви, но нельзя так любить семейных, потому что такая любовь ведет к ослеплению и оправданию грехов.

7. Чтобы не подпадать этому соблазну, человек должен понимать и помнить, что лю-

бовь только тогда истинная любовь, дающая жизнь и благо, когда она не ищет, не ждет, не надеется на награду, так же как всякое проявление жизни, которая не ждет награды за то, что она есть, а что любовь к своим семейным есть животное чувство и хорошо только до тех пор, пока оно в пределах инстинкта и человек не жертвует для него своими духовными требованиями.

8. И потому, чтобы не подпадать этому соблазну, [человек] должен для всякого чужого человека стараться делать то же, что он хочет сделать для своего семейного, а для своих семейных не делать ничего того, чего не готов и не может сделать для всякого чужого.

48

ЛОЖЬ И ВРЕД СОБЛАЗНА ТОВАРИЩЕСТВА

1. Людям кажется, что если они, выделившись от других людей и связавшись между собой исключительными условиями, соблюдают эти условия, то они делают такое доброе дело, которое освобождает их от общих требований их совести.

2. Ложь этого соблазна в том, что, вступая

в товарищества с одним малым количеством людей, люди выделяют себя из естественного товарищества всех людей и поэтому нарушают самые важные естественные обязанности во имя искусственных.

3. Вред же этого соблазна в том, что люди, ставшие в условия товарищества, руководясь в жизни не общими законами разума, а своими исключительными правилами, всё более и более удаляются от общих всем людям разумных основ жизни, становятся нетерпимее и жесточе ко всем не принадлежащим к их товариществу и тем лишают себя и других истинного блага.

4. Чтобы не поддаваться этому соблазну, человек должен понимать и помнить, что правила товарищества, устанавливаемые людьми, могут быть бесконечно разнообразны, бесконечно изменяемы и противоположны друг другу, что всякое правило, искусственно установленное людьми, не должно связывать его, если оно может быть противно закону любви, что всякая исключительная связь с людьми ограничивает круг общения и тем лишает человека главного условия его

блага, возможности любовного общения со всеми людьми мира.

5. И потому не только не вступать ни в какие общества, товарищества, согласия, а, напротив, избегать всего того, что может выделить вместе с другими и всех остальных людей мира.

49

ЛОЖЬ И ВРЕД СОБЛАЗНА ГОСУДАРСТВЕННОГО

1. Соблазн этот, самый жестокий, передается людям так же, как ложная вера, — посредством двух приемов обмана: внушения лжи детям и воздействия на чувства людей внешней торжественностью. Почти все люди, живущие в государствах, как только пробуждаются к сознанию, застают себя уже запутанными в государственных соблазнах и живут в убеждении о том, что их народ, их государство, их отечество суть лучший, особенный народ, государство, отечество, для блага и преуспевания которого должно слепо повиноваться существующему правительству и по повелению этого правительства мучить, ранить и убивать своих ближних.

2. Ложь этого соблазна состоит в том, что человек будто бы во имя блага народа может отказаться от требований своей совести и своей нравственной свободы.

3. Вред же этого соблазна в том, что как только человек допустит возможность понять и узнать, в чем добро многих людей, нет пределов предположениям о том добре многих людей, которое может вытечь из какого бы то ни было поступка, и потому всякий поступок может быть оправдан, и как только человек допустил, что для блага многих в будущем можно пожертвовать благом и жизнью одного человека, то нет пределов того зла, которое может быть совершено во имя такого соображения. По первому предположению о том, что люди могут знать будущее благо многих, поддерживались в прежние времена пытки, инквизиция, рабство — поддерживаются в наше время суды, тюрьмы, земельная собственность. По второму предположению Каиафы, в прежнее время убит Христос, и теперь в казнях и войнах гибнут миллионы.

4. Для того, чтобы не впасть в этот со-

блазн, человек должен понимать и помнить, что он, прежде чем принадлежать к какому-либо государству или народу, принадлежит богу, как член всемирного царства, и они на кого не может сложить ответственность за свои поступки и всегда только сам ответственен за них.

5. И потому человек не должен никогда, ни при каких обстоятельствах предпочитать людей своего народа или государства — людям другого народа или государства, не должен никогда совершать зла своим ближним ввиду каких бы то ни было соображений о будущем благе многих, не должен считать себя обязанным повиноваться кому бы то ни было, преимущественно перед своей совестью.

50

БОРЬБА С ГРЕХАМИ

1. Но, освободившись от обмана веры и убедевшись от соблазнов, человек все-таки впадает в грехи. Человек с пробудившимся сознанием знает, что смысл его жизни только в служении богу, и все-таки по привычке совершает грехи, мешающие и проявлению любви и достижению истинного блага.

2. Как человеку бороться с привычкой греха?

3. Для борьбы с привычкой греха есть два средства: первое — ясно понимать последствия грехов, — то, что грехи не достигают той цели, для которой они совершаются, и не увеличивают, а скорее уменьшают животное благо отдельного человека; во-вторых — знать, с какими грехами надо начинать бороться, с какими прежде и с какими после.

4. И потому, во-первых, надо всегда ясно понимать и помнить, что положение человека в мире таково, что всякое искание им личного блага после того, как в нем пробудилось разумное сознание, лишает его этого самого блага и что, напротив, он получает благо только тогда, когда не думает о личном благе, отдавая все свои силы на служение богу. Ищите царства божия и правды его, а остальное приложится вам.

5. И, во-вторых, то, что для успешности борьбы с привычками греха надо знать, на какой грех прежде всего надо направлять свое внимание: не начинать борьбу с грехом, который имеет корень в другом непобежден-

ном грехе, знать связь и последовательность грехов между собой.

51

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ БОРЬБЫ С ГРЕХАМИ

1. Есть связь и последовательность между грехами, так что один грех порождает другие или мешает освобождению от них.

2. Нельзя человеку освободиться от какого-либо из грехов, если он предается греху опьянения, и нельзя освободиться от греха борьбы, если человек предается греху собственности, и нельзя освободиться от греха собственности, если человек предается греху праздности, и нельзя освободиться от греха блуда, если человек предается греху похоти и праздности, и нельзя человеку освободиться от греха борьбы и собственности, если он предается греху похоти.

3. Это не значит того, что не надо бороться со всяким грехом во всякое время, но значит то, что для успешности борьбы с грехом надо знать, с какого надо начинать или, скорее, с какого нельзя начинать, чтобы борьба была успешна.

4. Только от этой непоследовательности борьбы с грехами происходит неуспешность этой борьбы, приводящая часто борющегося в отчаяние.

5. Грех, предаваясь которому, невозможна борьба ни с каким из грехов, есть опьянение, какое бы то ни было: опьянение одурманивающими веществами, торжественностью и быстрыми, усиленными движениями; опьяненный человек не поборется ни с праздностью, ни с похотью, ни с блудом, ни с властолюбием. И потому для того, чтобы бороться с другими грехами, человек должен прежде всего освободиться от греха опьянения.

6. Следующий грех, от которого должен освободиться человек для того, чтобы быть в силах бороться с похотью, корыстью, властолюбием, блудом, есть грех праздности. Чем свободнее будет человек от греха праздности, тем легче ему воздержаться от греха похоти, корысти, блуда и властолюбия: человек трудящийся не нуждается в усложнении средств удовлетворения потребностей, не нуждается в собственности, менее подвержен искушениям блуда и не имеет ни поводов, ни досуга

для борьбы.

7. Следующий за этим есть грех похоти. Чем больше воздерживается человек в пище, одежде, жилище, тем легче ему освободиться от греха корысти, властолюбия, блуда: человеку, довольствующемуся малым, не нужно собственности, воздержание помогает борьбе с блудом, и, не нуждаясь во многом, ему нет поводов борьбы.

8. Следующий за этими грехами есть грех корысти. Чем свободнее будет от этого греха человек, тем легче ему будет воздержаться от греха блуда и греха борьбы. Ничто так не поощряет греха блуда, как излишек собственности, и ничто не вызывает такой борьбы между людьми.

9. Следующий за этими и последний грех есть грех борьбы, включенный во все грехи и вызываемый всеми другими грехами и наибольшее освобождение от которого возможно только при освобождении от всех предшествующих.

1. Борьба с грехами вообще можно, только зная последовательность грехов, так, чтобы начинать борьбу прежде с теми, без освобождения от которых нельзя бороться с другими.

2. Но и в борьбе с каждым отдельным грехом надо начинать с тех проявлений грехов, воздержание от которых во власти человека, к которым человек не сделал еще привычки.

3. Такие грехи во всех родах грехов — и опьянения, и праздности, и похоти, и корысти, и власти, и блуда, — суть грехи личные, те, которые делает человек в первый раз, не имея еще привычки к ним. И потому прежде всего от них-то и должен освобождаться человек.

4. Только освободившись от этих грехов, т. е. перестав придумывать новые средства увеличения личного блага, должен человек начать бороться с привычками, преданием, установленным в его среде грехами.

5. И только поборов эти грехи, может человек начинать борьбу с грехами прирожденными.

1. Назначение человека есть проявление и увеличение любви. Увеличение это совершается только вследствие сознания человеком своего истинного божественного я. Чем больше человек сознает свое истинное я, тем больше его благо. И потому всё, что противодействует этому сознанию, как противодействует ему всякое возбуждение, усиливающее ложное сознание отдельной жизни и ослабляющее сознание истинного я (как это делает всякое опьянение), препятствует истинному благу человека.

2. Но кроме того, что всякое опьянение препятствует истинному благу человека, пробудившегося к сознанию, всякое опьянение обманывает человека и не только не достигает того увеличения своего отдельного блага, которого ищет человек, предаваясь какому-либо возбуждению, но всегда лишает человека и того животного блага, которое он имел.

3. Человек, находящийся еще на степени животной жизни, или ребенок с еще не пробудившимся сознанием, предаваясь какому-либо возбуждению — курению, питью,

торжественности, пляске, получает полное удовлетворение от произведенного возбуждения и не нуждается в повторении этого возбуждения. Но человек с пробудившимся разумом замечает, что всякое возбуждение заглушает в нем деятельность разума и уничтожает болезненность противоречия между требованием животной и духовной природы и потому требует повторения и усиления опьянения и требует его всё более и более до тех пор, пока совершенно не заглушится пробудившийся в нем разум, что возможно сделать, только уничтожив вполне или, по крайней мере, отчасти телесную жизнь. Так что человек разумный, начав предаваться этому греху, не только не получает ожидаемого блага, но впадает в самые разнообразные и жестокие бедствия.

4. Человек, свободный от опьянения, пользуется для мирской жизни всеми теми силами ума, которые даны ему, и может разумно избирать лучшее для блага своего животного существования, человек же, предающийся опьянению, лишается даже и тех умственных сил, которые свойственны животному для из-

бежания вреда и получения удовольствия.

5. Таковы последствия греха опьянения для согрешающего, для окружающих же последствия его особенно вредны, во-первых, тем, что для произведения действия опьянения нужны огромные затраты сил, так что большая доля труда человечества тратится на производство опьяняющих веществ и на приготовление и постройки опьяняющих торжественных действий, процессий, служений, памятников, храмов, всякого рода празднований; во-вторых, тем, что, как курение, вино, усиленные движения и в особенности торжественности заставляют мало думающих людей совершать, в то время как они находятся под обаянием этих воздействий, самые нелепые, грубые, губительные и жестокие поступки. Вот это-то должен и знать и всегда иметь в виду человек, подвергающийся искушению какого-либо опьянения.

6. Уничтожить в себе вполне возможность возбуждения временного опьянения от приятия пищи, питья или особенных внешних условий, или усиленных движений, и усиления вследствие этого своего животного созна-

ния и ослабления сознания духовного я, не может ни один человек, пока он живет в теле. Но если человек и не может вполне уничтожить в себе эту склонность к возбуждению, то всякий может довести ее в себе до самой меньшей степени. И в этом-то и состоит предстоящая всякому человеку борьба с грехом опьянения.

7. Чтобы избавиться от греха опьянения, человеку надо понимать и помнить, что известная степень возбуждения в известные времена и при известных условиях свойственна человеку, как животному, но что при пробудившемся в нем сознании человек должен не только не искать этих возбуждений, но стараться избегать их и искать состояния наиболее спокойного, такого, при котором могла бы во всей силе проявляться деятельность его разума, та деятельность, следуя которой, возможно достижение наибольшего блага, как своего, так и людей и существ, связанных с ним.

8. Для того же, чтобы достигать этого состояния, человек должен начинать с того, чтобы не увеличивать для себя того греха опьяне-

ния, к которому он привык и который стал обычаем его жизни. Если в обычай жизни человека вошли уже известные привычки опьянения, повторяющиеся в известные времена и признаваемые всеми окружающими необходимыми, пусть он продолжает эти привычки, но не вводит новых, подражая другим или сам придумывая их: если он привык курить папиросы, пусть не приучается к сигарам или опиуму; если привык к пиву, или вину, пусть не приучается к более опьяняющему; если привык к поклонам на молитве, дома или в церкви, или к прыганию и скаканию на радении, пусть не приучается к новым; если привык праздновать одни праздники, пусть не празднует новых. Пусть не увеличивает тех средств возбуждения, к которым он привык, и он сделает уже очень много для избавления себя и других от греха опьянения. Только бы люди не вводили новых приемов греха, грех бы уничтожился, потому что начинается грех, когда еще в нем нет привычки и легко победить его, и всегда были, есть и будут люди, освобождающиеся от греха.

9. Если же человек уже твердо сознал безу-

мие греха опьянения и твердо решил не увеличивать тех обычаев опьянения, которые стали ему привычными, — пусть перестает курить, пить, если он имеет уже эти привычки; пусть перестает принимать участие в торжествах и празднествах, в которых он прежде участвовал; пусть перестает делать возбуждающие движения, если он привык их делать.

10. Если же человек освободится от тех искусственных привычек опьянения, в которых он уже живет, пусть он начинает освобождаться и от тех состояний возбуждения, которые производят в нем известная пища, питье, движения и обстановка, которым подлежит всякий человек.

11. Хотя и никогда человек, пока он в теле, не освободится вполне от состояния возбуждения и опьянения, производимых пищей, питьем, движениями, обстановкой, — степень этих состояний может быть уменьшена до самого малого. И чем больше освободится человек, пробудившийся к сознанию, от состояния опьянения, чем яснее будет его разум, тем легче ему будет бороться со всеми другими грехами, тем больше получит чело-

век истинного блага, и тем больше приложится ему блага мирского, и тем больше он будет содействовать благу других людей.

54

БОРЬБА С ГРЕХОМ ПРАЗДНОСТИ

1. Человек с пробудившимся в нем сознанием не есть самобытное, само себя удовлетворяющее существо, могущее иметь свое независимое благо, а есть посланник бога, для которого возможно благо только в той мере, в которой он исполняет волю его. И потому человеку служить своей отдельной личности так же неразумно, как неразумно работнику служить своему орудию труда, беречь свою лопату или косу, а не тратить ее на предназначенной работе; как это сказано в евангелии: «кто сохраняет свою плотскую жизнь, тот теряет жизнь истинную; и только тратя жизнь плотскую, можно получить жизнь истинную».

2. Заставлять других людей работать для удовлетворения своих потребностей так же неразумно, как неразумно бы было работнику разрушать или портить орудия работы своих сотоварищей для того, чтобы сохранить

или улучшить то орудие, которым он, тратя его, должен производить ту работу, к которой приставлен и он и его товарищи.

3. Но, кроме того истинного блага, которого лишает себя человек, освобождая себя от труда и накладывая его на других людей, такой человек лишает себя и того мирского животного блага, которое предназначено человеку при естественном телесном труде, нужном ему для удовлетворения своих потребностей.

4. Наибольшее благо своего отдельного существа человек получит от упражнения своих сил и отдыха, когда он будет жить инстинктивно, как животное, трудясь и отдыхая ровно столько, сколько это нужно для его животной жизни. Но как скоро человек искусственно перенесет на других труд, устроив себе искусственный отдых, он не получит наслаждения от отдыха.

5. Человек трудящийся получает истинное наслаждение от отдыха; человек же праздный, вместо отдыха, который он хочет себе устроить, испытывает постоянное беспокойство и, кроме того, этой искусственной празд-

ностью уничтожает самый источник наслаждения — свое здоровье, так что, расслабляя свое тело, лишает себя возможности труда, а следовательно, и последствий труда, истинного отдыха, и порождает в себе жестокие болезни.

6. Таковы последствия праздности для согрешающего; для окружающих пагубны последствия этого греха, во 1-х, в том, что, как говорит китайское изречение, если есть один человек неработающий, то есть другой, умирающий с голода; во 2-х, то, что люди мало думающие, не зная того недовольства, которое испытывают люди праздные, стараются подражать им и вместо добрых чувств испытывают к нему завистливые, недобрые чувства. Вот это-то должен знать всякий человек, желающий бороться с грехом праздности.

7. Для того, чтобы избавиться от греха праздности, человек должен ясно понимать и помнить, что всякое освобождение себя от труда, который он делал, не увеличит, а уменьшит благо его отдельной личности, и произведет ненужное зло другим людям.

8. Уничтожить в отдельном животном су-

ществе человека стремление к отдыху и отращению к труду (по библии праздность была блаженство, а труд наказание) невозможно, но уменьшение этого греха и доведение его до наименьшей степени есть то, к чему должен стремиться человек в избавление себя от этого греха.

9. Для избавления же себя от привычки греха человек должен начинать с того, чтобы не освобождать себя ни от какого труда, какой он делал прежде: если сам чистил свое платье, мыл белье, — не заставляя это делать другого; если обходился без вещей, произведения труда других людей, — не покупать их; если ходил пешком, — не садиться на лошадь; если носил свой чемодан, — не давать его носильщику и т. п. Всё это кажется так ничтожно, а если бы люди не делали этого, они бы избавились от большого количества своих грехов и вытекающих из них страданий.

10. Только когда человек уже умеет воздерживаться от освобождения себя от совершаемого им прежде труда и перенесения его на других, может человек с успехом начать борь-

бу с наследственным грехом праздности. Если он крестьянин, то не заставляя слабую жену делать то, что он имеет досуг сделать сам, не нанимать работника, которого он нанимал прежде, не покупать предмета произведения труда, который он покупал прежде, но без которого обходятся другие; если он богат — отпустить камердинера и убирать свои вещи самому и не покупать, как прежде, дорогих платьев, если он привык к этому.

11. Если же человек сумел победить праздность, к которой он привык с детства, и спустился на ту ступень труда, на которой живут люди, окружающие его, то только тогда может такой человек начать успешно борьбу с прирожденным грехом праздности, т. е. трудиться для блага других людей и тогда, когда другие отдыхают.

12. То, что жизнь человеческая так усложнилась вследствие разделения труда, что человеку невозможно самому удовлетворить всем своим и своей семье потребностям и что нельзя обойтись в нашем мире без того, чтобы не пользоваться произведениями чужого труда, — не может помешать человеку стре-

миться к такому положению, при котором он давал бы людям больше того, что берет от них.

13. Для того же, чтобы быть уверенным в этом, человеку надобно, во-первых, исполнять самому для себя и своей семьи то, что может успеть сделать, и, во-вторых, в служении другим людям выбирать дела не те, которые мне нравятся и на которые много охотников, как это бывает со всякими делами управления людьми, поучения, увеселения их, а те, которые настоятельно необходимы, которые непривлекательны и от которых все отказываются, как это бывает со всяким грубым и грязным трудом.

55

БОРЬБА С ГРЕХОМ ПОХОТИ

1. Назначение человека есть служение богу увеличением в себе любви. Чем меньше будет у человека потребностей, тем легче ему будет служить богу и людям и потому тем больше он получит истинного блага увеличением в себе любви.

2. Но кроме того блага истинной жизни, которого человек получает тем больше, чем

свободнее он будет от греха похоти, положение человека в мире таково, что если он отдаётся своим потребностям только в той мере, в которой они требуют своего удовлетворения, а не направляет свой разум на увеличение наслаждений от удовлетворения их, то это удовлетворение дает ему наибольшее в этом отношении доступное благо. При всяком же увеличении своих потребностей, всё равно удовлетворяются ли они или нет, благо мирской жизни неизбежно уменьшается.

3. Наибольшее благо от удовлетворения своих потребностей — еды, питья, сна, одежды, крова — человек получит тогда, когда он будет удовлетворять их, как животное, инстинктивно и не для того, чтобы получить наслаждение, а для того, чтобы уничтожить начинающееся страдание: наибольшее наслаждение от пищи человек получает не тогда, когда у него будет утонченная пища, а тогда, когда он проголодается, и от одежды не тогда, когда она будет очень красива, а когда он озябнет, и от дома не тогда, когда он будет роскошен, а когда он укроется в него от непогоды.

4. Человек, пользующийся богатым обедом, одеждой, домом без нужды, получит меньше удовольствия, чем человек, пользующийся самой бедной пищей, одеждой, кровом, но после того, как он проголодался, озяб, измок, так что усложнение средств удовлетворения потребностей и изобилие их не увеличивает блага личной жизни, а уменьшает его.

5. Излишество в удовлетворении потребностей лишает человека самого источника наслаждения при удовлетворении потребностей: оно разрушает здоровье организма; никакая пища не доставляет удовольствия больному, расслабленному желудку, никакая одежда и никакие дома не согревают бедные кровью тела.

6. Таковы последствия греха похоти для согрешающего, для окружающих же людей последствия его те, что, во-первых, нуждающиеся люди лишены тех предметов, которые потребляются роскошествующим; во-вторых, все те малодушные люди, которые видят излишества роскошествующего, но не видят его страданий, соблазняются его положением и

влекутся к тому же греху и, вместо естественных ко всем радостных братских чувств, испытывают мучительную зависть и нелюбовь к роскошествующим. Вот это должен знать человек для того, чтобы успешно бороться с грехом похоти.

7. Уничтожить в отдельном существе человека стремление к увеличению наслаждения от удовлетворения потребностей невозможно, пока человек живет в теле, но человек может довести в себе это стремление до наименьшей степени, и в этом состоит борьба с этим грехом.

8. Для наибольшего освобождения себя от этого греха похоти человек должен прежде всего ясно понимать и помнить, что всякое усложнение удовлетворения своих потребностей не увеличит, а уменьшит его благо и произведет ненужное зло в других людях.

9. Для освобождения себя, от привычки греха человек должен начинать с того, чтобы не увеличивать своих потребностей, не изменять того, к чему он привык, не перенимать и не придумывать нового, не начать пить чай, когда жил и был здоров без чая; не строить

новый дворец, когда жил в старом. Не делать этого, кажется, так мало, а если бы люди только не делали этого, то уничтожилось бы 0,9 грехов и страданий людских.

10. Только твердо воздерживаясь от внесения новой роскоши в свою жизнь, может человек начать борьбу с грехами наследственности; может человек, привыкший пить чай и есть мясо, или человек, привыкший к шампанскому и рысакам, понемногу отвыкать от того, что лишнее, и переходить от привычек более роскошных к привычкам более скромным.

11. И, только отвыкнув от привычек роскошествующих и спустившись на степень самых бедных людей, может человек начать бороться с природными грехами похоти, т. е. уменьшить свои потребности в сравнении даже с самыми бедными и воздержными людьми.

56

БОРЬБА С ГРЕХОМ КОРЫСТИ

1. Истинное благо человека состоит в проявлении любви, и при этом человек поставлен в такое положение, что он никогда не

знает, когда он умрет и что каждый час его жизни может быть последним, так что разумный человек никак не может ради заботы обеспечения будущего, которое может не наступить, нарушать любовь в настоящем. А это самое делают люди, стараясь приобрести собственность и удержать ее от других людей для обеспечения будущего своего и своей семьи.

2. Но кроме того, что люди, поступая так, лишают себя блага истинного, они не достигают и того блага отдельной личности, которое всегда обеспечено человеку.

3. Человеку свойственно своим трудом удовлетворять своим потребностям и даже заготавливать предметы своих потребностей, как это делают некоторые животные, и, поступая так, человек получает наибольшее доступное благо своего отдельного существа.

4. Но как скоро человек начинает заявлять исключительные права на эти заготовленные или иным способом приобретенные предметы, так благо его отдельного существа не только не уменьшается, но заменяется страданием этого существа.

5. Человек, полагающийся в обеспечении своего будущего на свой труд, взаимную помощь людей, а главное, на такое устройство мира, при котором люди так же обеспечены в жизни, как птицы небесные или цветы полевые, может спокойно отдаваться всем радостям жизни, человек же, начавший сам обеспечивать свое будущее имущество, не может иметь ни минуты покоя.

6. Во-первых, он никогда не знает, на сколько ему нужно себя обеспечить: на месяц, на год, на десять лет, на следующее поколение; во-вторых, заботы об имуществе всё больше и больше отвлекают человека от простых радостей жизни; в-третьих, он всегда боится захватов других людей, всегда борется для удержания и увеличения приобретенного и, отдавая всю жизнь заботе о будущем, теряет жизнь настоящую.

7. Таковы последствия греха собственности для согрешающего, для окружающих же последствия его: лишения вследствие захватов.

8. Уничтожить в себе стремление к удержанию исключительно для себя необходимых предметов — одежды, орудия, куска хле-

ба на завтра — почти невозможно, но довести это стремление до наименьшей степени возможно, и в этом доведении греха собственности до наименьшей степени и состоит борьба с этим грехом.

9. И потому для того, чтобы избавиться от греха собственности, человек должен ясно понимать и помнить, что всякое обеспечение будущего посредством приобретения и удержания имущества, не увеличит благо жизни его отдельного существа, а уменьшит его и произведет большое, ненужное зло тем людям, среди которых приобретается и удерживается имущество.

10. Для того же, чтобы бороться с привычкой греха, нужно начинать с того, чтобы не увеличивать того имущества, обеспечивающего будущее, которое имеешь, — будут ли это миллионы или десятки мешков ржи на пищу в продолжение года. Только бы люди поняли, что их благо и жизнь, даже животная жизнь не обеспечивается имуществом, и не увеличивали бы на счет другого того, что каждый считает своим, и тогда бы исчезла большая часть бедствий, от которых страда-

ют люди.

11. Только когда человек уже умеет воздерживаться от увеличения своего имущества, может он с успехом начать освобождение себя от того, что он имеет, и, только освободившись от всего наследственного, может начать бороться с грехами прирожденными, т. е. отдавать другим то, что считается необходимым для поддержания самой жизни.

57

БОРЬБА С ГРЕХОМ ВЛАСТОЛЮБИЯ

1. «Цари царствуют над народами и величаются, но между вами да не будет так, — кто хочет быть первым, тот да будет всем слуга», говорит христианское учение. По христианскому учению человек послан в мир для того, чтобы служить богу; служение же богу совершается проявлением любви. Любовь же может проявиться только через служение людям, и потому всякая борьба человека, пробудившегося к разумному сознанию, с другими существами — борьба, т. е. насилие, желание заставить другого совершить поступок, противный его воле, — противна назначению человека и препятствует его истинному благу.

2. Но кроме того, что человек, пробудившийся к разумному сознанию и вступающий в борьбу с другими существами, лишает себя этим блага истинной жизни, он не достигает и того блага отдельного существа, к которому стремится.

3. Человек, живущий еще одною животною жизнью, как ребенок или животное, борется с другими существами только до тех пор, пока этой борьбы требуют его животные инстинкты: отнимает кусок у другого, только пока он голоден, и сгоняет другого с места только до тех пор, пока ему самому нет места, употребляет на эту борьбу только физическую силу и, победив или будучи побежден в борьбе, прекращает ее. И, поступая так, получает наибольшее благо, которое доступно ему, как отдельному существу.

4. Но не то бывает с человеком с пробудившимся разумом, вступающим в борьбу: человек с пробудившимся разумом, вступая в борьбу, употребляет на это весь свой разум и ставит цель свою в борьбе и потому никогда не знает, когда прекратит ее, и, победив, увлекается желанием дальнейших побед, вызы-

вая в побежденных ненависть, отравляющую его жизнь, если он победитель; будучи же побежден, сам страдает от унижения и ненависти. Так что человек разумный, вступающий в борьбу с существами, не только не увеличивает блага своего отдельного существа, но уменьшает его и заменяет его им самим произведенными страданиями.

5. Человек, избегающий борьбы, смиряющийся, во-первых, свободен и может отдавать свои силы на то, что привлекает его, во-вторых, любя других и смиряясь перед ними, вызывает в них любовь, и поэтому может пользоваться теми благами мирской жизни, которые выпадают на его долю, тогда как человек разумный, вступающий в борьбу, неизбежно отдает уже всю жизнь на усилия борьбы и, во-вторых, вызывая борьбой отпор и ненависть в других людях, не может спокойно пользоваться теми благами, которые он завоевал борьбой, так как должен не переставая защищать их.

6. Таковы последствия греха борьбы для согрешающего; для окружающих его последствия греха во всякого рода страданиях, ли-

шениях, которые терпят побежденные, главное в тех чувствах ненависти, которые они вызывают в людях вместо естественного или любовного братского чувства.

7. Хотя и никогда, пока он в жизни, человек не освободится от условий борьбы, но чем больше соответственно своим силам освободится от них человек, тем больше он достигает истинного блага, тем больше приложится ему блага мирского и тем больше он будет соответствовать благу мира.

8. И потому, для того чтобы избавиться от греха борьбы, человек должен ясно понимать и помнить, что как истинное и духовное, так и временное животное благо его будет тем больше, чем меньше будет его борьба с людьми и всеми другими существами, и чем больше будет его покорность и смирение, чем больше он приучится подставлять другую щеку тому, кто ударит, и отдавать кафтан тому, кто берет рубаху.

9. Для того же, чтобы не впасть в привычку греха, человек должен начинать с того, чтобы не увеличивать в себе того греха борьбы, в котором он находится: если человек уже нахо-

дится в борьбе с животными или людьми, так что вся жизнь его плотская поддерживается этой борьбой, пусть он продолжает эту борьбу, не усиливая ее, и не вступает в борьбу с другими существами, — и он сделает уже много для избавления себя от греха борьбы. Если бы люди только не усиливали борьбы, борьба всё более и более бы уничтожалась, потому что всегда есть люди, всё более и более отказывающиеся от борьбы.

10. Если же человек достиг до того, что живет, не увеличивая борьбу с окружающими существами, тогда пусть трудится над тем, чтобы уменьшить, ослабить то состояние наследственной борьбы, в котором находится всякий человек, вступая в жизнь.

11. Если же человек успеет освободиться от той борьбы, в которой он воспитан, пусть он пытается освободиться и от тех природных условий борьбы, в которых находится каждый человек.

58

БОРЬБА С ГРЕХОМ БЛУДА

1. Назначение человека есть служение богу, состоящее в проявлении любви ко всем су-

ществам и людям; человек же, отдающийся похоти любви, ослабляет свои силы и отвлекает их от служения богу и потому, предаваясь половой похоти, лишает себя блага истинной жизни.

2. Но кроме того, что человек, предающийся половой похоти в какой бы то ни было форме, лишает себя блага истинного, он не достигает и того блага, которого ищет.

3. Если человек живет в правильном браке, вступая в половое общение только тогда, когда могут быть дети, и воспитывает детей, то неизбежно наступают для матери страдания и заботы, для отца — заботы о матери и ребенке, взаимные охлаждения и частые ссоры между супругами и родителями и детьми.

4. Если же человек вступает в половое общение без цели возвращения и воспитания детей, старается не иметь их, а имея, не заботится о них и меняет предметы любви, то еще менее становится возможным благо отдельного существа, и человек несомненно подвергается страданиям, тем более жестоким, чем более он предается половой страсти: являются расслабление физических и духовных сил,

ссоры, болезни. И нет того утешения, которое имеют живущие в правильном браке супруги — семьи и всей ее помощи и радости.

5. Таковы последствия греха блуда для совершающего, для других же людей они состоят в том, во-первых, что то лицо, с которым совершается грех, несет те же последствия греха: лишение истинного и временного блага и те же страдания и болезни; для окружающих же: уничтожение детей в зародыше, детоубийство, оставление детей без призрения и воспитания и ужасающее зло, губящее души людские, — проституция.

6. Уничтожить в себе стремление к похоти не может ни одно живое существо; не может и человек, если не принимать в расчет исключения. Оно и не может быть иначе, так как похоть эта обеспечивает существование рода человеческого, и потому, пока высшей воле нужно будет существование человеческого рода, будет в нем и блуд.

7. Но блуд этот может быть доведен до наименьшей степени и некоторыми людьми может быть доведен до полного целомудрия. И в этом-то уменьшении и доведении его до наи-

меньшей степени и даже до целомудрия для некоторых, как это сказано в евангелии, и состоит борьба с грехом блуда.

8. И потому для того, чтобы избавиться от греха блуда, человеку надо понимать и помнить, что блуд есть необходимое условие жизни всякого животного и человека, как животного, но что пробудившееся в человеке разумное сознание требует от него обратного, т. е. полного воздержания, полного целомудрия, и что чем больше он будет предаваться блуду, тем меньше он получит не только истинного, но и временного животного блага и тем больше он доставит страдания и себе и другим людям.

9. Для того же, чтобы противодействовать привычке греха, человек должен начинать с того, чтобы не увеличивать в себе того греха блуда, в котором он находится. Если человек целомудрен, пусть не нарушает своего целомудрия; если он женат, пусть остается верен своему супругу; если он имеет общение со многими, пусть продолжает жить так, не придумывая неестественных приемов разврата. Пусть не изменяет своего положения и не

увеличивает своего греха блуда. Только бы люди исполняли это, и уничтожились бы большие страдания их.

10. Если же человек достиг того, что не делает нового греха, тогда пусть трудится над тем, чтобы уменьшить тот грех блуда, в котором он находится: пусть целомудренный на деле борется с мысленным грехом блуда, пусть женатый старается уменьшить и упорядочить половое общение. Пусть знающий многих женщин и женщина, знающая многих мужчин, станут верны избранным супругам.

11. Если же человек сумеет освободиться от тех привычек блуда, в которых он уже находится, тогда пусть стремится освободиться и от тех прирожденных условий блуда, в которых рождается каждый человек.

12. Хотя только редкие люди могут вполне быть целомудренны, пусть всякий человек понимает и помнит, что он всегда может быть более целомудрен, чем он был прежде, и может вернуться к нарушенному целомудрию и что чем больше соответственно своим силам приблизится человек к полному цело-

мудрию, тем больше он достигает истинного блага, тем больше приложится ему блага мирского и тем больше он будет содействовать благу людей.

59

ОСОБЕННЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ГРЕХАМИ

1. Для того, чтобы не впасть в обман, надо не доверять никому и ничему, а только одному разуму; для того, чтобы не впасть в соблазн, надо не оправдывать поступков, противных истине, жизни; для того, чтобы, не впасть в грех, надо ясно понимать, что грех есть зло и лишает человека не только его истинного блага, но и блага личного и производит зло в людях, и, кроме того, знать ту последовательность грехов, в которой надо бороться с ними.

2. Но люди знают это и все-таки впадают в грех. Происходит это оттого, что люди не знают вполне ясно, кто они такие, что такое их я, или забывают это.

3. Для того же, чтобы больше и больше, яснее и яснее узнавать себя и помнить о том, кто такое человек, есть одно могущественное

средство. Средство это есть молитва.

60

О МОЛИТВЕ

1. С древних времен признано, что для человека есть необходимость молитвы.

2. Для людей прежнего времени молитва была и теперь остается для большинства людей обращением при известных условиях, в известных местах, при известных действиях и словах — к богу или богам для умилоствления их.

3. Христианское учение не знает таких молитв, но учит тому, что молитва необходима не как средство избавления от мирских бедствий и приобретения мирских благ, а как средство укрепления человека в борьбе с грехами.

4. Для борьбы с грехами человеку нужно понимать и помнить о своем положении в мире и при совершении каждого поступка оценивать его для того, чтобы не впасть в грех. Для того и другого нужна молитва.

5. И потому молитва христианская бывает двойкая: та, которая уясняет человеку его положение в мире, — молитва временная, и

другая — та, которая сопутствует каждому его поступку, представляя его на суд богу, проверяя его, — молитва ежечасная.

61

МОЛИТВА ВРЕМЕННАЯ

1. Молитва временная это такая молитва, которую человек в лучшие свои минуты, отвлекаясь от всего житейского, вызывает в себе наиболее ясное сознание бога и свое отношение к нему.

2. Это та молитва, про которую говорит Христос в 6-ой главе Матвея, противопоставляя ее многословным и публичным молитвам фарисеев, и для которой необходимым условием ставит уединение. Слова эти показывают людям, как не надо молиться.

3. Молитва же «Отче наш», так же как и та молитва, которой Христос молился в Гефсиманском саду, показывает нам, как надо молиться и в чем должна состоять та истинная временная молитва, которая, уясняя сознание человека об истине его жизни, об его отношении к богу и его назначении в мире, укрепляет его духовные силы.

4. Такою молитвою может быть выраже-

ние своими словами своего отношения к богу; но такую же молитвою было и всегда будет для всех людей повторение выражений и мыслей прежде нас живших людей, высказывавших свое отношение к богу и единение душой с этими людьми и с богом. Так Христос молился, повторяя слова псалма, и мы истинно молимся, повторяя слова Христа, и не только Христа, — Сократа, Будды, Лао-Тсе, Паскаля и др., если мы переживаем то духовное состояние, которое переживали эти люди и выразили в своих дошедших до нас выражениях.

5. И потому истинная временная молитва будет не та, которая будет совершаться в определенные часы и дни, а только та, которая совершается в минуты высшего душевного настроения, такие минуты, которые находят на каждого человека, которые иногда вызываются страданиями или близостью смерти, иногда же приходят без всякого внешнего повода и которыми человек должен дорожить как высшей драгоценностью и пользоваться ими для всё большего и большего уяснения своего сознания, потому что только в

эти минуты совершается наше движение вперед и приближение к богу.

6. Совершаться такая молитва не может ни в собраниях, ни при внешних воздействиях, а непременно при совершенном уединении и свободе от всякого внешнего, рассеивающего влияния.

7. Молитва эта есть та молитва, которая движет человека от низшей ступени жизни к высшей; от животного к человеку, от человека к богу.

8. Только благодаря этой молитве человек познает самого себя, свою божественную природу и чувствует те пределы, которые связывают его божественную природу, и, чувствуя их, стремится разорвать их и этим стремлением расширяет их.

9. Это та молитва, которая, уясняя сознание, делает для человека невозможными грехи, в которые он впадал прежде, и представляет ему грехом то, что прежде и не казалось ему греховным.

1. В своем движении от животной жизни к жизни истинной и духовной, в своем рождении к новой жизни, в борьбе своей с грехом, всякий человек всегда находится к греху в трех различных отношениях: одни грехи побеждены человеком, они как пойманные звери сидят на цепи и только изредка своим рычанием напоминают о себе, о том, что они еще живы. Эти грехи назади. Другие грехи такие, которые человек только что увидал; такие поступки, которые он делал всю жизнь, не считая их грехами, и греховность которых только что увидал вследствие уяснения своего сознания в временной молитве. Человек видит греховность этих поступков, но он так привык их совершать, так недавно и неясно еще увидал греховность этих дел, что еще и не пытается бороться с ними. И есть третий род дел, греховность которых человек ясно видит, с которыми уже борется и которые иногда совершает, поддаваясь греху, иногда не совершает, побеждая грех.

2. Для борьбы с этими-то грехами и нужна молитва ежечасная. Молитва ежечасная состоит в том, что она напоминает человеку во

все минуты его жизни, при всех поступках его, в чем его жизнь и благо, и потому в тех делах жизни, в которых человек еще властен победить животную природу духовным сознанием, содействует ему в этом.

3. Молитва ежечасная есть постоянное сознание присутствия бога, есть постоянное во время посланничества сознание посланником присутствия пославшего.

4. Рождение к новой жизни, освобождение себя от уз животной природы, освобождение себя от греха совершается только медленными усилиями. Временная молитва, освещающая сознание человека, открывает ему его грех. Грех сначала кажется ему неважным, переносным, но чем дольше живет человек, тем настоятельнее становится необходимость освободиться от греха. И если человек только не поддается соблазну, скрывающему грех, он неизбежно вступает в борьбу с грехом.

5. Но с первых же попыток преодолеть грех человек чувствует свое бессилие: грех влечет к себе всей сладостью привычки греха; противопоставить же греху человек ничего не может, кроме сознания того, что грешить нехо-

рошо, и человек, зная, что то, что он делает, дурно, продолжает делать это дурное.

6. Выход из этого положения один. [Одни] религиозные учителя видят его в том, что существует особенная сила, называемая благодатью, поддерживающая человека в его борьбе с грехом, которая приобретается через известные действия, называемые таинствами. Другие учителя видят выход из этого положения в вере в искупление, совершившееся смертью за людей Христа бога. Третьи видят этот выход в молитве к богу о подкреплении сил человека в борьбе его с грехом.

7. Но ни то, ни другое, ни третье средство не облегчает человеку борьбу с грехом; несмотря на благодать таинства, на веру в искупление, на просительную молитву, всякий человек, искренно начавший бороться с грехом, не может не чувствовать всей своей слабости перед могуществом греха и безнадежности борьбы с ним.

8. Безнадежность борьбы представляется в особенности потому, что человек, поняв неправду греха, желает сразу освободиться от него, в чем поддерживают его разные лжеуче-

ния об таинствах, искуплении и т. п., и, чувствуя бессилие освобождения, сразу пренебрегает теми ничтожными усилиями, которые он может сделать для освобождения себя от греха.

9. А между тем как все великие перевороты в материальном мире совершаются не вдруг, а медленным и постепенным отпадением или нарастанием, так и в духовном мире освобождение от греха и приближение к совершенству совершается только медленным противодействием греху, — уничтожением одной за другой мельчайших частиц его.

10. Не во власти человека избавиться от греха, набравшего привычку в продолжение многих годов, но совершенно во власти человека не делать поступки, которые вовлекают во грех, уменьшать привлекательность греха, поставить себя в невозможность сделать грех, отсекал руку и глаз, которые соблазняют его. И делать это каждый день и каждую минуту, и чтобы быть в состоянии делать это, нужна ежечасная молитва.

ЧЕГО МОЖЕТ ОЖИДАТЬ ЧЕЛОВЕК, ЖИВУЩИЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНЬЮ В НАСТОЯЩЕМ?

1. Есть религиозные учения, которые обещают людям, следующим им, полное и совершенное благо в жизни не только в будущей, но и в этой. Есть даже такое понимание и христианского учения. Люди, понимающие так христианское учение, говорят, что стоит только человеку следовать учению Христа: отречься от себя, любить людей, и жизнь его будет непрерывающей радостью. Есть другие религиозные учения, которые в жизни человеческой видят нескончаемые и необходимые страдания, которые человек должен переносить, ожидая награды в будущей жизни. Есть такое понимание и христианского учения: одни видят в жизни постоянную радость, другие — постоянные страдания.

2. Ни то, ни другое понимание неверно. Жизнь не есть радость и не есть страдание. Она может представляться радостью или страданием только тому человеку, который своим я считает свое отдельное существо; только для этого я может быть радость или

страдание. Жизнь же по христианскому учению в его истинном смысле не есть ни радость, ни страдание, а есть рождение и рост истинного духовного я человека, при котором не может быть ни радости, ни страдания.

3. По христианскому учению, жизнь человеческая есть достоянное увеличение его сознания любви. И так как рост души человеческой — увеличение любви — непрестанно совершается и непрестанно совершается в мире то дело божие, которое совершается этим ростом, то человек, понимающий свою жизнь, как учит понимать ее христианское учение, как увеличение любви для установления царства божия, никогда не может быть несчастлив и неудовлетворен.

4. На пути его жизни могут встречаться радости и страдания для его животной личности, которых он не может не чувствовать, которым не может не радоваться и которыми не может не страдать, но никогда он не может испытывать полного счастья (и потому и не может желать его) и никогда не может быть несчастлив (и потому и не может бояться страданий и желать избежать их, если они

стоят на пути его).

5. Человек, живущий христианской жизнью, не приписывает своим радостям большого значения, не смотрит на них, как на осуществление своих желаний, а только как на случайные, встречающиеся на пути жизни явления, как на то, что само собой прикладывается тому, кто ищет царства божия и правды его и на страдания свои смотрит не как на то, чего не должно быть, а как на столь же необходимое в жизни явление, как трение при работе, зная, напротив, что как трение признак совершающейся работы, так и страдания признак совершающегося дела божия.

6. Человек, живущий христианской жизнью, всегда свободен, потому что то самое, что составляет смысл его жизни — устранение препятствий, мешающих любви, [и], вследствие этого, увеличение любви и установление царства божия, [и есть] то самое, чего он хочет всегда и что неудержимо совершается в его жизни; он всегда спокоен, потому что с ним ничего не может случиться того, чего он не хочет.

7. Не надо думать, что человек, живущий

христианскою жизнью, всегда испытывает эту свободу и спокойствие, всегда принимает радости, не увлекаясь ими, как нечто случайное, не желая удержать их, и страдание, как необходимое условие движения жизни. Христианин может временно увлекаться радостями, стараясь произвести и удержать их, может временно мучиться от страданий, принимая их за нечто ненужное, которое могло бы и не быть, но при потерях радостей, при страхе и боли страданий христианин тотчас же вспоминает свое христианское достоинство, свое посланничество, и радости и страдания становятся на настоящее место, и он опять становится свободен и спокоен.

8. Так что и в мирском отношении положение христианина не хуже, а лучше положения нехристианина. «Ищите царства божия и правды его, и всё остальное приложится вам» — значит то, что все мирские радости жизни не закрыты от христианина, но вполне доступны ему, с тою только разницею, что тогда как радости нехристианина могут быть искусственны и переходить в пресыщения и страдания, и потому представляются ему

ненужными и безвыходными, — для христианина же радости более простые, естественные и потому более сильные, никогда не производящие пресыщения и страдания, никогда не могут быть так больны и казаться столь бессмысленными, как они представляются нехристианину.

Таково положение христианина в жизни настоящего; но чего может ожидать христианин в будущем?

64

ЧЕГО ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ОЖИДАТЬ В БУДУЩЕМ?

1. Человек, живя в этом мире в своей телесной оболочке, не может себе представить жизнь иначе, как в пространстве и времени, и потому естественно спрашивает, *где он будет* после смерти.

2. Но вопрос этот ошибочен: божественная сущность души нашей, духовная, вневременная и внепространственная, в этой жизни заключенная в тело, выходя из него, перестает находиться в условиях пространства и времени, и потому про сущность эту нельзя сказать, что она будет. Она есть. Как и сказал

Христос: «Прежде чем был Авраам, я есмь». Так и все мы. Если мы есмь, то мы всегда были и будем. Мы есмь.

3. Точно то же и по вопросу, где мы будем. Когда мы говорим где, мы говорим о том месте, в котором мы будем. Но понятие места произошло только от того отделения от всего остального, в которое мы поставлены. При смерти отделение это уничтожится, и потому мы будем для людей, живущих в этом мире, везде или нигде. Мы будем такими, для которых нет места.

4. Существует много различных гаданий о том, что и где будет после смерти; но все эти гадания от самых грубых до самых утонченных не могут удовлетворить разумного человека. Блаженство, сладострастие Магомета слишком грубо и очевидно несовместимо с истинным понятием о человеке и боге. Точно так же несовместимо с понятием о боге любви и церковное представление о рае и аде. Переселение душ менее грубо, но точно так же удерживает представление об отдельности существа; понятие нирваны устраняет всю грубость представления, но нарушает требо-

вания разума — разумности существования.

5. Так что никакое представление о том, что будет после смерти, не дает ответа, который бы удовлетворил разумного человека.

6. И оно не может быть иначе. Вопрос поставлен ложно. Разум человеческий, могущий мыслить только в условиях пространства и времени, хочет дать ответ о том, что будет вне этих условий. Разум знает одно: что сущность божественная есть, что она росла в этом мире. И, дойдя до известной степени своего роста, вышла из этих условий.

7. Будет ли эта сущность опять продолжать действовать в раздельности? будет ли это увеличение любви причиной нового деления? Всё это гадания, и таких гаданий может быть еще много, но ни одно из них не может дать достоверности.

8. Одно достоверно и несомненно — это то, что сказал Христос, умирая: «В руки твои отдаю дух мой». Именно то, что, умирая, я иду туда, откуда исшел. И если я верю в то, что то, от чего я исшел, есть разумная любовь (два эти свойства я знаю), то я радостно возвращаюсь к нему, зная, что мне будет хорошо. И не

только не сокрушаюсь, но радуюсь тому переходу, который предстоит мне.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВОЗЗВАНИЮ «ПОМОГИТЕ!»

Факты, рассказанные в этом, составленном тремя из моих друзей, воззвании, были много раз проверены, пересмотрены, просеяны; несколько раз это воззвание переделывалось, исправлялось; откидывалось из него всё то, что хотя и было правдой, но могло казаться преувеличением; так что всё то, что рассказывается теперь в этом воззвании, есть истинная, несомненная правда, настолько, насколько доступна правда людям, руководимым одним религиозным чувством желания служить этим обнаружением правды богу и ближним: как гонимым, так и гонителям.

Но как ни поразительны рассказанные здесь факты, значение их определяется не самими фактами, а тем, как на них посмотрят те, которые узнают про них. И я боюсь, что большинство людей, прочитавших это воззвание, не поймут всего его значения.

«Да это какие-то бунтовщики, грубые, без-

грамотные мужики, фанатики, подпавшие под зловредное влияние. Да это вредная, антигосударственная секта, которую правительство не может терпеть и, очевидно, должно подавить, как всякое вредное для общего блага людей учение. Если тут пострадают дети, женщины, невинные, то что же делать», скажут, пожимая плечами, люди, не вникнувшие в значение этого события.

Вообще большинству людей явление это покажется неинтересным, как всякое явление, место которого твердо и ясно определено: появляются контрабандисты, — надо переловить их; появляются анархисты, террористы, — надо обезвредить от них общество; появляются фанатики — скопцы, — надо запереть, сослать их; появляются нарушители государственного порядка, — надо подавить их. Всё это кажется несомненно, просто, решено и потому неинтересно.

А между тем такое отношение к тому, что рассказывается в этом воззвании, — большое заблуждение.

Как в жизни каждого отдельного человека, — я знаю это в жизни своей, и каждый

найдет такие же случаи в своей, — так и в жизни народов и человечества являются события, которые составляют turning points⁷⁰ всего существования; и эти-то события всегда, — как тот утренний, чуть заметный ветерок, а не буря, в котором Илия увидал бога, — всегда негромки, не поразительны, незаметны, и всегда в личной жизни потом жалеешь о том, что в то время не знал и не догадывался о важности совершившегося. «Коли бы я знал, что это такой важный момент в моей жизни — думаешь потом, — я бы не так поступил». То же и в жизни человечества. С треском и шумом въезжает в Рим триумфатором какой-нибудь римский император, — как это кажется важно; и как тогда казалось ничтожно то, что какой-то галилеянин проповедывал какое-то новое учение и был за то казнен, наравне с сотнями других, казненных за подобные же, как казалось, преступления. И так и теперь, как важны кажутся утонченным, разделенным на борющиеся партии членам английского, французского, итальянского парламента и австрийского, немецкого рейхстагов, и всем деятелям Сити, и банки-

рам всего мира, и их органам печати — вопросы о том, кто займет Босфор, кто захватит какой кусок земли в Африке, в Азии, кто восторжествует в вопросе биметаллизма и т. п.; и как не только не важны, но до такой степени ничтожны, что не стоит и говорить про них, кажутся рассказы о том, как где-то на Кавказе русское правительство приняло меры для подавления каких-то полудиких фанатиков, отрицавших обязанность подчинения властям. А между тем как в действительности не только ничтожны, но комичны, — рядом с тем огромной важности явлением, которое происходит теперь на Кавказе, — те странные заботы взрослых, образованных и просвещенных учением Христа (по крайней мере знающих это учение и могущих быть просвещенными им), о том, какому государству будет принадлежать та или другая частица земли и какие слова произнес тот или другой заблудший, запутавшийся человек, представляющий из себя только произведение окружающих условий.

Ведь Пилату и Ироду можно было не понимать значения того, за что был приведен к

ним на суд возмутивший их область галилеянин; они даже и не удостоили узнать, в чем состоит его учение; если бы они и узнали его, им простительно было бы думать, что оно исчезнет (как говорил Гамалиил); но ведь нам нельзя не знать ни самого учения, ни того, что оно не исчезло в продолжение 1800 лет и не исчезнет до тех пор, пока не осуществится. А если мы знаем это, то нам нельзя, несмотря на неважность, необразованность и неизвестность духоборов, не видеть всей важности того, что совершается между ними. Ведь ученики Христа были такие же неважные, неутонченные, неизвестные люди. Иными и не могут быть ученики Христа. Среди духоборов, или, скорее, христианского всемирного братства, как они теперь называют себя, происходит ведь не что-нибудь новое, а только произрастание того семени, которое посеяно Христом 1800 лет тому назад, — воскресение самого Христа.

Воскресение это ведь должно совершиться, не может не совершиться, и нельзя закрывать глаза на то, что оно совершается, только потому, что оно совершается без пушечной

пальбы, без войскового парада, без развевающихся флагов, fontaines lumineuses,⁷¹ музыки, электрического света, колокольного звона и торжественных речей и криков людей, разукрашенных галунами и лентами. Ведь только дикие судят о значительности явления по внешнему блеску, которым оно сопровождается.

Хотим ли или не хотим видеть это, — теперь на Кавказе в жизни христиан всемирного братства, особенно со времени гонения на них, проявилось то осуществление христианской жизни, для которого происходит всё то доброе и разумное, что только творится в мире. Ведь все наши государственные устройства, наши парламенты, общества, науки, искусства, ведь всё это только затем и есть, и живет, чтобы осуществлять ту жизнь, которую все мы, мыслящие люди, видим перед собой как высший идеал совершенства. И вот есть люди, которые осуществили этот идеал, вероятно отчасти, не вполне, но осуществили так, как мы и не мечтали осуществить его со своими сложными государственными устройствами. Как же нам не признать значения

этого явления? Ведь осуществляется то, к чему мы все стремимся, к чему ведет нас вся наша сложная деятельность.

Обыкновенно говорят: такие попытки осуществления христианской жизни уже были не раз : были квакеры, были менониты и другие, и все они ослабевали и вырождались в обыкновенных людей, живущих общему государственною жизнью. И потому попытки осуществления христианской жизни не важны.

Но говорить так — всё равно, что говорить, что потуги, не кончившиеся еще родами, что теплые дожди и лучи солнца, не сразу принесшие весну, не важны.

Что же важно для осуществления христианской жизни? Ведь не дипломатическими же переговорами об Абиссинии и Константинополе, папскими энцикликами, социалистическими конгрессами и тому подобным приблизятся люди к тому, для чего живет мир. Ведь если должно осуществиться царство бога, т. е. царство правды и добра на земле, то оно может осуществиться только такими попытками, как те, которые совершались первыми учениками Христа, потом павликиана-

ми, альбигойцами, квакерами, моравскими братьями, менонитами, всеми истинными христианами мира, и теперь христианами всемирного братства. То, что эти потуги продолжаются и усиливаются, не доказывает того, что не будет родов, а, напротив, — то, что они близки.

Говорят, что это сделается, но только не таким путем, а каким-то другим: книгами, газетами, университетами, театрами, речами, собраниями, конгрессами. Но если и допустить, что все эти газеты, и книги, и собрания, и университеты содействуют осуществлению христианской жизни, — ведь осуществление должно совершиться людьми, — людьми добрыми, христиански настроенными, готовыми к доброй, общей жизни; и потому главное условие осуществления есть существование и собрание таких людей, которые осуществляют уже то, к чему мы все стремимся. И вот такие люди есть.

Может быть, хотя я сомневаюсь в этом, и теперь подавят движение христианского всемирного братства, особенно если само общество не поймет всего значения совершающе-

гося и не поможет им своим братским содействием; но то, что представляет это движение, — то, что выразилось в нем, то ведь не умрет, не может умереть и рано или поздно прорвется на свет, уничтожит то, что подавляет его, и завладеет миром. Дело только во времени.

Правда, есть люди, и их, к несчастью, много, которые думают и говорят: «Только бы не при нас», и для этого стараются задержать движение. Но усилия их бесполезны, и они не задерживают движения, а своими усилиями губят только в себе ту жизнь, которая дана им. Ведь жизнь есть жизнь только тогда, когда она есть служение делу божию. Противодействуя же ему, люди лишают себя жизни, а между тем ни на год, ни на час не могут остановить совершения дела божия.

И нельзя не видеть, что при той внешней связи, установившейся теперь между всеми обитателями земли, при том пробуждении христианского духа, которое проявляется теперь со всех сторон земли, совершение это близко. И то ожесточение и слепота русского правительства, направляющего против хри-

стиан всемирного братства гонения, подобные временам язычников, и та удивительная кротость и стойкость, с которыми переносят эти гонения новые христианские мученики, — всё это несомненные признаки близости этого совершения.

И потому, поняв всю важность совершающегося события как в жизни всего человечества, так и каждого из нас, помня, что тот случай действовать, который представляется теперь нам, никогда уже не возвратится, сделаем то, что сделал купец евангельской притчи, продавший всё для того, чтобы приобрести бесценную жемчужину; пренебрежем всеми мелкими, алчными соображениями, и каждый из нас, в каком бы положении он ни находился, сделаем всё то, что в нашей власти, для того, чтобы если уже не помочь тем, через кого делается дело божие, если уже не для того, чтобы участвовать в этом деле, то по крайней мере чтобы не быть противниками совершающегося для нашего блага дела божия.

Лев Толстой.

14 декабря 1896.

CARTHAGO DELENDA EST [1898]

«**L**a Vita Internazionale» и «L'Humanité Nouvelle» прислали мне следующее ПИСЬМО:

Monsieur,

Dans le but d'être utile au développement des idées humanitaires et de la civilisation «La Vita Internazionale» (Milan) avec l'appui de «L'Humanité Nouvelle» (Paris et Bruxelles), a cru devoir s'intéresser au difficile problème qui dernièrement s'est montré dans toute sa gravité et son importance à cause de la délicate question pour laquelle la France et le monde entier se sont passionnés si vivement: nous voulons parler du problème de la guerre et du militarisme. A cette fin, nous prions tous ceux qui en Europe dans la politique, les sciences, les arts, dans le mouvement ouvrier, parmi les militaires mêmes occupent la place la plus éminente, de contribuer à cette oeuvre hautement civilisatrice en nous envoyant les réponses au questionnaire suivant:

1. — La guerre parmi les nations civilisées est-elle encore voulue par l'histoire, par le droit, par le progrès?

2. — Quels sont les effets intellectuels, moraux, phisiques, économiques, politiques, du militarisme?

3. — Quelles sont les solutions qu'il convient de donner, dans l'interêt de l'avenir de la civilisation mondiale, aux graves problèmes de la guerre et du militarisme?

4. — Quels sont les moyens conduisant le plus rapidement possible à ces solutions?⁷²

Не могу скрыть того чувства отвращения, негодования и даже отчаяния, которое вызвало во мне это письмо. Люди нашего христианского мира, просвещенные, разумные, добрые, исповедующие закон любви и братства, считающие убийство ужасным преступлением, неспособные, за самыми редкими исключениями, убить животное, все эти люди вдруг, при известных условиях, когда эти преступления называются войной, не только признают должным и законным разорение, грабеж и убийство людей, но сами содействуют этим грабежам и убийствам, готовят к ним, участвуют в них, гордятся ими. При этом повторяется всегда и везде одно и то же явление, а именно то, что огромное боль-

шинство людей, все рабочие люди, те самые, которые производят грабежи и убийства и несут всю тяжесть этого дела, не затевают, не готовят, не желают этих убийств, а участвуют в них, против своей воли, только потому, что они поставлены в такое положение и так настроены, что им кажется, каждому отдельно, что им будет хуже, если они откажутся от участия в этих грабежах и убийствах и приготовлениях к ним; затекает же, готовит эти грабежи и убийства и заставляет рабочий народ совершать их — очень незначительное меньшинство, живущее в роскоши и праздности на труды рабочих. Обман этот происходит уже давно, но в последнее время дерзость обманывающих дошла до последней степени: большая доля произведений труда отбирается у рабочих и употребляется на приготовления к грабежам и убийствам. Во всех конституционных государствах Европы сами рабочие, все без исключения, призываются к участию в этих грабежах и убийствах, умышленно усложняются всё больше и больше международные отношения, должныствующие привести к вой-

не, разграбляются без всякого повода мирные страны, каждый год где-нибудь грабят и убивают и все живут под постоянным страхом всеобщего взаимного грабежа и убийства. Казалось бы, очевидно, что если происходит такое явление, то происходит оно оттого, что большие массы обмануты меньшинством, которому выгоден этот обман, и что потому первое дело тех, которые хотят избавить людей от бедствий этих взаимных грабежей и убийств, должно состоять в том, чтобы разоблачить обман, в котором находятся массы, указать массам, как совершается обман, чем он поддерживается и как освободиться от него. Но просвещенные люди Европы не делают ничего подобного, а под предлогом содействия установлению мира сначала собираются то в одном, то в другом городе Европы и с серьезнейшими лицами садятся за столы и рассуждают о том, каким образом лучше уговорить тех разбойников, которые живут своим разбоем, чтобы они перестали разбойничать и стали бы мирными гражданами, а потом задают глубокомысленные вопросы: первый о том, требует ли (*est-elle voulue*) войны

история, право, прогресс, как будто выдуман-
ные нами фикции могут требовать от нас от-
ступления от основного нравственного зако-
на нашей жизни ; второй вопрос — какие мо-
гут быть последствия войны, как будто может
быть какое-нибудь сомнение в том, что по-
следствиями войны всегда будут всеобщее
бедствие и всеобщее развращение; и, нако-
нец, третий вопрос, как разрешить проблему
войны, как будто существует какая-то труд-
ная проблема о том, как освободить обману-
тых людей от того обмана, который мы ясно
видим.

Ведь это ужасно. Мы видим, например, что
здоровые, покойные, часто счастливые люди
из года в год приезжают в игорные вертепы
вроде Монте Карло и оставляют там для выго-
ды содержателей этих вертепов свое здоро-
вье, спокойствие, честь, часто жизнь. Нам
жалко этих людей, мы ясно видим, что обман,
которому подвергаются эти люди, состоит в
тех соблазнах, которыми заманиваются игро-
ки, в неровности шансов и в увлечении игро-
ков, хотя и знающих, что в общем они всегда
будут в проигрыше, все-таки надеющихся

быть хоть один раз счастливее других. Всё это совершенно ясно. И вот для того, чтобы избавить людей от этих бедствий, мы вместо того чтобы указать им на соблазны, которым они подвергаются, на то, что они наверно проиграют, на безнравственность игры, основанной на ожидании несчастья других, мы с важными лицами собираемся в заседания и обсуждаем вопросы о том, как бы устроить так, чтобы содержатели игорных домов добровольно закрыли свои учреждения, пишем об этом книги и задаем себе вопросы о том, не требуют ли история, право и прогресс существования игорных домов, какие могут быть последствия от рулетки: экономические, интеллектуальные, нравственные и др.

Если человек пьянствует и я ему скажу, что он может сам перестать пьянствовать и должен сделать это, то есть надежда, что он меня послушается; но если я скажу ему, что пьянство его составляет сложную и трудную проблему, которую мы, ученые люди, постараемся разрешить в наших собраниях, то все вероятия за то, что он, ожидая разрешения проблемы, будет продолжать пьянствовать.

То же и с ложными и утонченными научными, внешними средствами прекращения войны, вроде международных судилищ, третейского суда и т. п. глупостей, когда мы при этом старательно умалчиваем о самом простом и существенном средстве прекращения войны, бросающемся в глаза каждому. Для того, чтобы люди, которым не нужна война, не воевали, не нужно ни международного права, ни третейского суда, ни международных судилищ, ни разрешения вопросов, а нужно только людям, подлежащим обману, очнуться, освободиться от того spell, от того околдования, в котором они находятся. Средство для того, чтобы не было войны, состоит в том, чтобы не воевали те, которым не нужна война, которые считают грехом участие в ней. Средство это проповедывалось с древнейших времен христианскими писателями — Тертуллианом, Оригеном, проповедывалось павликианами и продолжателями их менонитами, квакерами, гернгутерами; про средство это писали Даймонд, Гаррисон, Балу; вот уже скоро 20 лет тому назад и я всячески разъяснял грех, вред и безумие военной службы.

Средство это и применялось уже давно и в последнее время стало особенно часто применяться как отдельными лицами в Австрии, Пруссии, Швеции, Голландии, Швейцарии, России, так и целыми обществами, как квакеры, менониты, назарены и в последнее время духоборы, целое пятнадцатитысячное население которых вот теперь уже третий год борется с могущественным русским правительством, несмотря на все страдания, которым их подвергают, не уступая ему в его требованиях участия в преступлениях военной службы.

Но просвещенные друзья мира не только не предлагают это средство, но терпеть не могут упоминания о нем, и когда слышат про него, то делают вид, что не замечают, или если и замечают, то с важным видом пожимают плечами, высказывая сожаление о тех необразованных и неразумных людях, употребляющих такое недействительное, глупое средство, когда у них есть такое хорошее, состоящее в том, чтобы посыпать соли на хвост той птицы, которую хочешь поймать, т. е. уговорить правительства, живущие только наси-

лием и обманом, отказаться от этого насилия и обмана.

Говорят: возникающие между правительствами недоразумения будут разрешаться судилищами или третейским судом. Но правительства вовсе не желают разрешения недоразумений; напротив, правительства выдумывают недоразумения, если их нет, потому что только недоразумения с другими правительствами дают им повод содержать то войско, на котором основана их власть. Так стараются просвещенные друзья мира отвести глаза рабочего, страдающего народа от единственного средства, освобождающего его от рабства, в котором держат его с детских лет патриотизмом, потом с помощью продажных жрецов извращенного христианства, связывая людей клятвой и, наконец, пугая их наказаниями.

В наше время установившегося близкого мирного общения между людьми разных народностей и государств обман патриотизма, всегда требующий преимущества одного государства или народности перед другими и потому всегда вовлекающий людей в бесполез-

ные и губительные войны, уже слишком очевиден, чтобы разумные люди нашего времени не освобождались от него; в обман обязательности религиозной клятвы, явно запрещенной тем евангелием, которое исповедуют правительства, слава богу, верят всё меньше и меньше, так что действительным препятствием для отказа от участия в военной службе для огромного большинства людей есть только страх наказаний, налагаемых правительствами за такие отказы. Но и страх этот есть только следствие обмана правительств и не имеет никакого основания, кроме гипноза.

Правительства могут и должны бояться отказывающихся и действительно боятся их, потому что каждый отказ подрывает тот престиж обмана, в котором правительства держат людей, но отказывающимся нет никакого основания бояться требующего преступления правительства. Отказываясь от военной службы, всякий человек рискует гораздо меньше, чем он рискует, поступая на службу. Отказ от военной службы и наказание — тюрьма, изгнание есть часто только выгодное страхование себя от опасностей военной

службы. Поступая на службу, всякий человек рискует тем, что он будет участвовать в войне, для чего он и готовится, и на войне попадет в такое положение, в котором он, в самых тяжелых, мучительных условиях, будет как приговоренный к смерти почти наверное убит или изувечен, как это я видел в Севастополе, где полк приходил на бастион, на котором уже было выбито два полка, и стоял там до тех пор, пока и этот новый полк был весь уничтожен. Другая, уже более выгодная случайность та, что поступивший не будет убит, но только заболает и умрет от нездоровых условий военной службы. Третья случайность та, что, получив оскорбление, он не выдержит, скажет грубость начальнику, нарушит дисциплину и подвергнется наказанию худшему, чем то, которому он подвергался бы, отказавшись от военной службы. Самая же выгодная случайность та, что, вместо тюрьмы или ссылки, которой подвергнется отказавшийся от военной службы, человек проведет три или пять лет своей жизни в упражнениях к убийству, в развратной среде и такой же неволе, как и в тюрьме, но только

в унижительной покорности развратным людям.

Это во-первых. Во-вторых, отказываясь от военной службы, всякий человек, как это ни невероятно, все-таки может рассчитывать на то, что ему не придется нести никакого наказания, что его отказ будет тем последним обличением обмана правительств, вследствие которого нельзя уже будет наказывать, потому что не найдется уже более настолько одураченных людей, чтобы они могли содействовать наказанию того человека, который отказался участвовать в их угнетении. Так что подчинение требованиям военной службы есть, очевидно, только подчинение гипнозу толпы, есть совершенно бесполезное прыгание Панурговых овец в воду на явную погибель.

Но, кроме расчета выгоды, есть еще другая причина, которая должна побудить всякого свободного от гипноза и понимающего значение своих поступков человека к отказу от военной службы. Каждый человек не может не желать того, чтобы жизнь его не была бесцельным, никому не нужным существовани-

ем, а была бы служением богу и людям. Часто человек проживает жизнь, не находя случая этого служения. Призыв к участию в военной службе есть этот случай, представляющийся каждому человеку нашего времени. Всякий человек, отказываясь от личного участия в военной службе, как призывающийся или как плательщик податей тому правительству, которое употребляет эти подати на военное дело, служит отказом этим великую службу богу и людям, потому что этим отказом самым действительным способом содействует движению вперед человечества к тому лучшему общественному устройству, к которому стремится и должно придти человечество.

Но мало того, что выгодно отказаться от участия в военной службе и что должно это сделать, большинству людей нашего времени, если только они свободны от гипноза, невозможно не отказаться от военной службы. Для всякого человека есть поступки нравственно невозможные, столь же невозможные, как невозможны бывают действия физические. И таким нравственно невозможным

поступком для огромного большинства людей нашего времени, если только человек свободен от гипноза, есть обещание рабского повиновения чуждым и безнравственным людям, заведомо имеющим целью убийство людей.

А потому всякому человеку нашего времени не только выгодно и должно отказаться от участия в военной службе, но даже невозможно не сделать этого, если только он свободен от одурения гипноза.

«Но что же будет, когда все люди откажутся от военной службы и не будет узды и страха на злых, и злые восторжествуют, и не будет защиты от диких — от желтой расы, — которые придут и завоюют нас».

Не буду говорить о том, что злые уже давно восторжествовали и торжествуют, и, боясь между собой, давно уже властвуют над христианами, так что нельзя бояться того, что давно уже совершилось, не буду говорить и о том, что страх перед дикими и желтыми, которых мы старательно раздражаем и обучаем войне, за есть пустая отговорка, что для воображаемой защиты от этих диких и желтых

достаточно одной сотой части войск, которые теперь содержит Европа, не буду говорить про это потому, что рассуждения о том, что может произойти вообще для мира от такого или иного нашего поступка, не могут служить руководством наших поступков и нашей деятельности. Человеку дано другое руководство, и руководство несомненное — руководство его совести, следуя которому, он несомненно знает, что делает то, что должно. И потому все рассуждения о той опасности, которая предстоит отдельному человеку, отказывающемуся от военной службы, так же как и о том, какая опасность грозит миру вследствие таких отказов, всё это частицы того огромного и ужасного обмана, которым опутано христианское человечество и который старательно поддерживается правительствами, живущими этим обманом.

Оттого, что человек будет поступать так, как велит ему его разум, его совесть, его бог, может выйти только всё самое хорошее, как для него, так и для мира.

Люди нашего времени жалуются на дурное течение жизни в нашем христианском мире.

Да разве это может быть иначе, когда всеми нами признан в сознании провозглашенный за тысячи лет тому назад не только основной божеский закон «не убий», но и закон любви и братства всех людей, и, когда, несмотря на это, каждый мужчина нашего европейского мира на деле отрекается от этого, признаваемого им, основного закона бога и, по приказанию президента, императора, министра, Николая, Вильгельма, наряжается в дурацкий костюм, берет орудия убийства и говорит: «я готов, — кого велют, буду бить, разорять, убивать».

Каково же должно быть общество, составленное из таких людей? Общество это должно быть ужасно, и действительно оно ужасно.

Опомнитесь, братья, не слушайте вы ни тех злодеев, которые с детства заражают вас дьявольским, противным добру и истине, духом патриотизма, нужным только для того, чтобы лишить вас и вашего имущества, и вашей свободы, и вашего человеческого достоинства, ни тех старых обманщиков, которые проповедуют войну во имя бога, ими выдуманного, жестокого и мстительного и извра-

ценного ими лживого христианства, ни еще менее этих новых саддукеев, которые во имя науки и просвещения, желая только продолжения существующего порядка, собираются на собрания, пишут книги и говорят речи, обещая устроить добрую и мирную жизнь людям без их усилия. Не верьте им. Верьте одному своему чувству, говорящему вам, что вы не животные и не рабы, а люди свободные, ответственные за свои поступки и потому не могущие быть убийцами ни по своей воле, ни по воле распорядителей, живущих этими убийствами. И стоит вам только опомниться, чтоб увидеть весь ужас и безумие того, что вы делали и делаете, и, увидав, перестать делать то зло, которое вы сами ненавидите и которое губит вас.

А перестанете делать зло, которое сами ненавидите, и исчезнут сами собой, без вашего усилия, как совы от дневного света, те теперь властвующие обманщики, которые сначала развращают, а потом мучают вас, и сложатся сами собой те новые человеческие, братские условия жизни, которых жаждет уставшее от страданий и измученное обман-

ном, завязшее в неразрешимых противоречиях христианское человечество.

Пусть только каждый человек без всяких хитроумных и сложных соображений и предположений ИСПОЛНИТ ТО, что ему в наше время несомненно говорит его совесть, и он узнает справедливость слов евангелия: «Кто хочет творить волю его, тот узнает о сем учении, от бога ли оно, или я сам от себя говорю» (Иоанн. VII, 17).

Л. Толстой.

23 апреля 1898 г.

ЧЕРНОВОЕ, НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОКОНЧЕННОЕ

[ПИСЬМО В ИНОСТРАННЫЕ ГАЗЕТЫ ПО ПОВОДУ ГОНЕНИЙ НА КАВКАЗСКИХ ДУХОБОРОВ]

Дорогой друг.

В настоящую минуту на Кавказе происходит гонение на христиан духоборцев. И, право, кажется, что мучители, хотя и в другом роде, но не менее жестоки и глухи к страданиям своих жертв и жертвы не менее тверды и мужественны, чем мучители и мученики времен Диоклетиана. Нельзя оставаться спокойным, зная об этих совершающихся делах, а я невольно близко знаю про них и не могу не попытаться сделать то, что могу, для того, чтобы облегчить положение жертв и, главное, грех мучителей, всегда не знающих, что творят.

Средств помочь и тем и другим не только у нас в России, но нигде в мире нет других, кро-

ме света истины и увещания тех, которые в заблуждении своем, преследуя и обижая последователей Христа, думают, что они делают этим угодное богу. Обратиться прямо к лицам, творящим зло, я не могу и потому, что их слишком много, начиная от царя, которого уверили, что гонение на духоборцев есть необходимое дело, до последнего казака, воображающего, что, разоряя, оскорбляя, побивая своего брата духоборца, он [не] только не делает зло, но поступает хорошо, исполняя присягу, и потому, что они не захотят слушать меня; сделать это через русскую печать я тоже не могу,⁷³ потому что то, что я напишу об этом, не пропустит цензура и ни одна бесцензурная газета не напечатает, и потому мне остается одно: говорить через иностранную печать, что я и делаю, обращаясь к вам и прося вас отдать это мое письмо для напечатания в какую-нибудь из самых распространенных газет: Times, Daily News, Daily Chronicle или другие,⁷⁴ те, в которых вы найдете возможным напечатать это известие.

Дело вот в чем.

В Закавказье в начале нынешнего столе-

тия были выселены из южных губерний⁷⁵ более строгие, чем церковные христиане, последователи учения Христа, получившие название духоборцев. Верования духоборцев не какие-нибудь особенные, как это любят представлять люди, враждебные учению Христа, а всё те же верования — исполнения в жизни учения Христа, которые исповедывали с древнейших времен все так называемые секты: павликиане, богомилы, альбигойцы и в позднейшее время квакеры, менониты, штундисты, назарены, верования, одна из выдающихся черт которых состоит в том, что христианин не может совершать насилия и участвовать в них. Так веровали и духоборцы и отказывались от присяги и военной службы⁷⁶ и за это были преследуемы, гонимы и под конец сосланы на Кавказ. Здесь, на Кавказе, несмотря на то, что духоборцы поселены были на нагорных, менее плодородных местах и что они были разорены переселением и не находили помощи в правительстве, они очень скоро, благодаря своему трудолюбию, взаимной помощи и трезвой общинной жизни, они очень скоро размножились и разбога-

тели. Теперь их всех на Кавказе до 20 тысяч, и все они отличаются от других кавказских жителей не только благосостоянием, грамотностью, но даже и внешним видом: все они замечательно рослые, сильные, красивые люди.

С духоборцами случилось то, что обыкновенно случается с замыкающимися в самих себя и вследствие того процветающими религиозными общинами: материальное благосостояние их увеличивается, но религиозное сознание понижается. То же сделалось и с духоборцами на Кавказе. Они постепенно богатели и по мере обогащения делали разные всё большие и большие уступки против своих первоначальных верований и дошли до того, что уже судом и насилием стали защищать свою собственность, присягали и поступали в военную службу. Так продолжалось несколько десятков лет. Но в последнее время, лет 8 тому назад, после смерти предпоследнего их руководителя Калмыкова и потом его вдовы, бывшей одно время их руководительницей, Лукерьи Калмыковой, среди них произошли внутренние раздоры преимущественно по поводу управления и употребления их больших,

в несколько сот тысяч собравшихся общинных капиталов. После смерти Лукерьи Калмыковой руководители и управители сиротским домом и капиталом выбрали молодого глубоко религиозного человека Петра Веригина, который хотел прекратить злоупотребления, вкравшиеся в управление капиталами. Старики, заведывавшие капиталом, хотели подкупить Веригина, но, получив отказ, выставили Веригина бунтовщиком, человеком, желавшим основать отдельное царство, и, подкупив русское начальство, добились того, что Веригина, как всегда делается в России, без суда и тайно сослали сначала в Архангельскую губернию, а потом, за то что он при вступлении нового царя на престол отказался от присяги и, кроме того, вследствие своей христианской жизни имел влияние и на тамошних жителей из Архангельской губ., послали в дальний край Сибири — в Березов.

В нынешнем 95 году, в то время как его пересылали из Архангельска в Березов, мне удалось войти в сношение с ним и видеть его брата и друга, приехавших в Москву, чтобы видеться с ним и другим его другом, который

добровольно жил с ним уже 2 года в изгнании в Архангельской губернии и ехал теперь в Березов. И этого друга я видел, но самого Веригина мне не удалось видеть, так как [он] очень строго содержался, как преступник, в тюрьме. Люди эти имеют внешность обыкновенных образованных людей. Они одеты в европейские платья, сюртуки, пальто, бреют бороды, оставляя усы, очень по внешности опрятны и необыкновенно кротко вежливы и несколько торжественны в приемах. Все они за исключением друга, жившего с Веригиным, чрезвычайно рослые, сильные люди. Один из них — старик, необыкновенно сохранившийся, как это бывает только с людьми, ведущими трудовую, нравственную жизнь. В беседах с этими людьми я убедился, что верования духоборцев были верования всех тех людей, которые со времени проповеди христианства исповедывали его, а не подделанное вместо Христова церковное учение: верования эти состоят в том, что человек есть сын божий, обязанный исполнять волю отца, воля же отца состоит в том, чтобы содействовать установлению царства божия. Средство же

установления царства божия есть признание братства всех людей и уничтожение вражды и насилия, а установление любви и согласия. Так что, исполняя волю бога, человек вместе с тем и достигает и своего спасения и своего высшего блага. И потому духоборцы, как и все истинные христиане, не признают ни насилия, ни наказаний, ни войны, ни убийства животных, ни даже права защиты насилием. Веригина сослала и отвезли в Березов, но движение, поднятое им среди духоборцев, не только не ослабевало, но всё усиливалось. Очень многие из духоборцев отказались присягать новому царю и в нынешнем же году 11-ть человек солдат духоборцев, уже служивших в полках, отказались от военной службы. Вслед за этими солдатами и запасные и рядовые из духоборцев принесли начальству свои билеты, объявив, что они служить не будут. После этого, 28 июня 1895 года, духоборцы, живущие в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии, снесли в одну кучу в поле, около села Спасского, всё свое имевшееся у них оружие и, обложив его дровами и углем и облив керосином, сожгли, показав этим, что не

только некоторые лица из их общины, но все они отказываются от защиты своей собственности и самих себя оружием, что имеет особенно значение на Кавказе, где ношение оружия составляет не только обычай, но считается необходимостью для защиты от диких горцев, часто нападающих на жителей на дорогах и даже в селениях.

К костру собралось много народа, были мужчины, женщины и дети. В то время как оружие горело, духоборцы пели духовные псалмы. Костер горел всю ночь, и народ не расходился.⁷⁷ Сведения эти и дальнейшие я имею от моего друга, человека в высшей степени правдивого и религиозного, который поэтому не стал бы утверждать того, в чем не был бы уверен. Он пишет мне, что это сожжение было выставлено в глазах начальства бунтом, и туда были посланы казаки, которые атаковали безоружную толпу духоборцев, налетев на них лошадьми. Духоборцы мужчины, как пишет Х[илков], поставив в середину женщин и детей, а сами взявшись рука с рукой, так встретили нападение казаков. Несколько человек было ранено лошадьми, и

четыре человека убиты до смерти. После этого губернатор потребовал к себе духоборцев и стал спрашивать стариков, будут ли они служить в военной службе. Старики отвечали, что они уже стары и что их, вероятно, не потребуют. Тогда губернатор потребовал трех запасных рядовых и спросил их, будут ли они служить. Они ответили, что не будут, потому что это противно учению Христа, и, вынув свои билеты, отдали их губернатору. Тогда этих людей стали бить и, как это делалось с древнехристианскими мучениками, спрашивать их после истязаний, отрекаются ли они от Христа и соглашаются ли стать человекоубийцами, и мучимые духоборцы, как древние мученики, отвечали, что не отрекаются и служить не будут. Тогда их били еще и еще, как пишет Х[илков], несколько дней, и духоборцы, как древние мученики, остались верны Христу. После этого в дома непокорных духоборцев были поставлены постоем казаки, где, само собой разумеется, они предались всякого рода насилиям над жителями. Но и казаки, как пишет Х[илков], были покорены мужеством и кротостью духоборцев и, как пе-

редавали ему, «заскучали», т. е. им стало совестно, и они поняли, что дело, которое их заставляют делать, дурное. И тогда на место казаков была вызвана лезгинская милиция, состоящая из людей совершенно диких и чуждых христианству.

В другом же месте, именно в Карсе, как пишет Х[илков], происходило следующее:

Там тоже солдаты духоборцы отдали свои ружья начальству, объявили, что они без надобности, так как они их употреблять уже не будут. Там начальство объявило отказавшимся духоборцам, что их повесят, если они не возьмут ружей. Духоборы ружей не взяли. Тогда начальство построило виселицу, сшило саваны и со всею торжественностью, употребляющейся в казнях, вывело отказавшихся духоборов к казни. Перед виселицей начальство в *последний раз* обратилось к духоборам с вопросом, будут ли они служить. Они отвечали, что не будут, и попросили только позволения помолиться. Когда они кончили молитву, на них надели саваны, но, увидав их непреклонность и не имея еще разрешения свыше о предании их смертной казни, должны были

снять с них саваны и признать себя побежденными.

В настоящее время духоборческие селения продолжают быть заняты войсками, в них никого не впускают и из них, и духоборцы целыми семьями выгоняются из своих домов и куда-то увозятся. Всё это — атака казаков, поранение многих и убийство четырех человек, истязания, производившиеся над запасными солдатами, отказавшимися от службы, угрозы и нравственные пытки, производившиеся в Карсе, насилия, производившиеся сначала казаками, поселенными в духоборческих селениях, а потом лезгинской милицией, всё это известно мне по письму Хилкова. И сведения эти, несмотря на всё желание Хилкова быть точным, могут быть преувеличены, могут быть и неполны, так как Хилков сам находится в ссылке под присмотром полиции и не может свободно переезжать с места на место и, кроме того, начальством, как всегда, принимаются все меры для того, чтобы скрыть то, что делается им. Но почти в то же время, как я получил письмо Хилкова, в газете Биржевые Ведомости от 24 июня⁷⁸ появилось следу-

ющее известие, и известие это, подтверждающее самое существенное из того, что сказано в письме Хилкова и не получившее со стороны правительства опровержения, может быть признано совершенно достоверным.⁷⁹

Вот это известие, представляющее в самом мягком и минимальном виде то, что совершилось и совершается. 11 человек приговорены к самому ужасному наказанию и побоям за то, что они хотят исполнять, как они понимают его, учение Христа, подвергаясь всем угрожающим за это бедствиям. Люди, переведенные в разряд штрафованных, подлежат телесному наказанию розгами и потому находятся в полной власти всякого своего начальника, который может их истязать их, как ему вздумается.

И 400 семейств, жены, дети, старики разоряются, повергаются в нищету и лишаются своей родины только за то, что они — отцы, жены и дети тех людей, которые, исповедуя учение Христа, хотят исполнять его.

Я надеюсь скоро получить более точные сведения обо всем этом деле от нашего друга, поехавшего на место, и сообщу вам или той

газете, которая напечатает это мое письмо, то, что узнаю. Если же бы газета, которой вы передадите это письмо, послала туда своего корреспондента для исследования совершающегося, то я думаю, что она сделала бы то, что должно, потому что дело это, по моему мнению, огромной, исключительной важности. Не говоря уже о том, что исследование этого дела и оглашение его может избавить тысячи людей от страданий за свои христианские, признаваемые нами высшими, верования, может, что еще важнее, избавить правительственных людей, от царя до казака, от участия и ответственности в совершении этих жестоких дел, может содействовать разрешению того назревшего в наше время вопроса, который нельзя уже обходить, но который так или иначе подлежит разрешению людей именно нашего времени, главная важность этого дела состоит в том, что в этом случае повторяется то, что уже проявлялось несколько раз в последнее время: неизбежное столкновение насильнического склада жизни, признающего себя христианским, с теми истинно христианскими поступками людей, которые

никакими ухищрениями мысли признать нельзя нехристианскими и которых нельзя не только не одобрять, но которыми нельзя не восхищаться, потому что нельзя не признать, что люди, поступающие так, поступают так во имя самых высших свойств души челове[че]ской, без признания высоты которых человечество падает на степень животного существования. Такие столкновения проявляются в последнее время везде и всё чаще и чаще, начиная от отказа от присяги на подданство, присяги в суде, участия в суде и до отказа от военной службы как отдельных лиц в России и в других государствах, где введена воинская повинность, так и отказа целыми общинами, как назарены в Австрии и духоборы и штундисты в России. И христианским правительствам уже пора перестать, как страус, прятать голову перед поднимающимся их обличителем — христианским духом, которым проникаются люди нашего времени, и дать ясный и прямой ответ на требования этого духа: или отречься от насилия, т. е. от себя как правительства, или отречься от Христа, т. е. от добра и истины, служащих⁸⁰

единственным оправданием существования правительства. И потому исследование того дела, о котором я пишу и в котором с особенной яркостью выразилось это столкновение отживающего насильственного порядка с зарождающимся христианским поведением, кроме того практического добра, которое оно принесет, избавив мучеников от страданий, а мучителей от их заблуждения, особенно важно. И чем больше прольется света на это дело, тем лучше.

Лев Толстой.

2/14 августа 1895.

* **CARTHAGO DELENDA EST [1896]**

С каждым годом более и более учреждается Обществ мира, чаще и чаще следуют один за другим конгрессы мира, на которых собираются лучшие люди Европы, обсуживая стоящий поперек дороги всякого движения человечества к осуществлению своих целей вопрос вооружения и приготовления к войне, произносятся речи, пишутся книги, статьи, брошюры, со всех сторон разъясняющие и освещающие этот вопрос. Нет уже теперь образованного и разумного человека, который бы не видел того ужасного, вопиющего зла, которое производят безумные приготовления к войне дружественно связанных между собой народов, не имеющих никаких причин для того, чтобы воевать друг с другом, и не думал бы о средствах уничтожения этого ужасного, безумного зла.

Все аргументы, начиная с Мольтке и кончая г-ном Вогюэ, которыми люди, отстаивающие старый порядок, хотели бы защищать войну, давно уже безнадежно опровергнуты; давно уже разъяснено и доказано, что война

поддерживает в людях не высшие, а самые низшие, зверские чувства; что для разрешения столкновений, возникающих между цивилизованными государствами, могут быть учреждены международные судилища, а для защиты от воображаемого нападения варваров цивилизованным народам достаточно одной сотой тех войск, которые теперь содержатся государствами; несомненно доказано, что войны и приготовления к ним производятся только теми властвующими людьми, которым выгодны войны, и что для всех народов они только пагубны и бессмысленны.

Но, удивительное дело, тут же рядом с этим сознанием бесполезности, преступности и бессмысленности войны между образованными народами, к которой они все усиленно готовятся, в последнее время с особенной самоуверенностью, если не сказать наглостью, проявляются среди военного сословия самые противоположные чувства этому сознанию и выражаются так, как 40, 50 лет тому назад они не смели выражаться.

Почти в одно и то же время в двух самых военных государствах — в Германии и в Рос-

сии — совершены офицерами возмутительные преступления: в Германии пьяный офицер убил беззащитного человека под предлогом оскорбления мундира. В России компания пьяных офицеров тоже под этим предлогом с помощью солдат, врываясь в дома, грабила и секла беззащитных жителей.

Убийство, совершенное немецким офицером, произошло при следующих обстоятельствах:

«11-го октября, вечером, в кафе-ресторане «Тангейзер», который был переполнен народом, сидели два молодых лейтенанта местного гренадерского полка фон-Брюзевиц и фон-Юнг-Штилинг. Около 12 часов ночи в залу вошли два штатских с двумя дамами и сели за столик около лейтенантов. Один из штатских, механик Зипман, задел своим стулом стул, на котором сидел лейтенант фон-Брюзевиц. Лейтенант счел себя оскорбленным и потребовал, чтобы Зипман перед ним извинился, на что тот возразил, что он и не думал оскорблять лейтенанта. Тогда фон-Брюзевиц выхватил шпагу и хотел ударить ею Зипмана, но был остановлен хозяином ресторана и

кельнером, что дало возможность Зипману скрыться.

— Теперь моей чести капут. Я должен подавать в отставку!— воскликнул лейтенант, выходя из кафе, но, узнав от полицейского, что господин, похожий на Зипмана, не выходил на улицу, снова вернулся в кафе, надеясь найти там своего обидчика и вернуть свою честь. Действительно, он увидел там Зипмана и бросился на него с обнаженной шпагой, несмотря на то, что безоружный механик, убегая от офицера, усиленно просил у него извинения.

Произошла отвратительная сцена: среди оцепеневших мужчин и кричавших в ужасе женщин храбрый лейтенант гонялся за убежавшим механиком и, наконец, нагнав его в углу двора, уложил на месте ударом шпаги. Опуская окровавленную шпагу в ножны, офицер с чувством удовлетворения произнес: «Ну, теперь моя честь спасена!»

Поступок русских офицеров еще отвратительнее: Пьянствующие офицеры вывели из терпенья толпу, над которой они издевались, и одного из этих пьяных офицеров прибили и

сорвали с него погоны. Офицер собрал товарищей и солдат и с этой командой пошел по домам евреев, врываясь в них, грабя жителей и отыскивая несчастные погоны. Погоны найдены были на мельнице, и тут начались истязания хозяев мельницы, истязания, кончившиеся смертью, как говорят некоторые. То, что сущность дела такова, — в этом не может быть сомнения; подробности же могут быть неверны, и поправить их нельзя, потому что всё это дело старательно было скрыто от всего русского общества. В газетах было только известие о том, что разжаловаются в солдаты неизвестно за что двенадцать офицеров.

Казалось бы, что поступки как немецкого, так и русских офицеров таковы, что правительства как того, так и другого народа должны бы принять все зависящие от них меры для того, чтобы поступить с этими одичавшими людьми так же, как оно поступает с гораздо менее развращенными и дикими уголовными преступниками, и позаботиться о том, чтобы искоренить тот дух, который воспитывает таких извергов. Ничуть не бывало. Как то, так и другое правительство, очевидно, со-

чувствует такому роду поступкам и поощряет их.

Вильгельм II — *qui laisse toujours passer l'occasion de se taire et ne laisse jamais passer l'occasion de dire une bêtise*,⁸¹ сказал по случаю поступка убийцы Брюзевица, что если оскорблена честь мундира, то военный должен помнить, что оскорблен этим сам император, и они, офицеры, должны немедленно и основательно пустить в ход свое оружие.

Точно то же было и в России. Хотя при системе молчания и требовании всеобщего молчания о всем том, что важно и интересно обществу, мы не знаем, что именно было сказано властями по этому случаю, мы знаем, что сочувствие высших властей на стороне этих защитников мундира и что поэтому-то и не были судимы эти преступники, и наказание им назначено то, которое обыкновенно очень скоро прекращается прощением и возвращением прежнего звания. Мы знаем это еще и потому, что такие случаи, как случай Брюзевица в Германии, за время царствования Александра III повторялись и в России несколько раз: было несколько убийств офи-

церами беззащитных граждан, и убийц не судили, или судили, ни к чему не присуживая. Мы знаем это еще и потому, что тот самый Александр III, которому присвоается почему-то эпитет миротворца и христианина, не только не воспрещал дуэлей, против которых боролись и борются все христианские императоры и короли, но прямо предписал их законом, для того чтобы поддержать в войсках пропадающий принцип чести военного звания.

50, 40 лет тому назад всего этого не могло быть: не было таких офицеров, которые бы убивали беззащитных людей за воображаемую честь мундира, и не было таких государей, которые одобряли бы убийство беззащитных граждан и узаконивали бы убийство на дуэли.

Случилось нечто подобное химическому разложению. Поваренная соль, пока она не разложена, не представляет ничего неприятного. Но, подвергшись разложению, она дает отвратительный удушливый газ хлор, который прежде, в соединении своем, был незаметен. То же сделалось в нашем обществе с во-

енными людьми.

В прежнее время военный человек 30-х, 40-х, 50-х, даже 60-х годов, составляя нераздельную и необходимую часть тогдашнего общества, не представлял из себя не только ничего неприятного, но, как это было у нас, да и везде, я полагаю, представлял из себя, особенно в гвардии, цвет тогдашнего образованного сословия. Таковы были наши декабристы 20-х годов.⁸²

Не то уже представляют теперешние военные. В обществе совершилось разделение: лучшие элементы выделились из военного сословия и избрали другие профессии; военное же сословие пополнялось всё худшим и худшим в нравственном отношении элементом и дошло до того отсталого, грубого и отвратительного сословия, в котором оно находится теперь. Так что на сколько более человечны, и разумны, и просвещенны стали взгляды на войну лучших не военных людей европейского общества [и] на все жизненные вопросы, на столько более грубы и нелепы стали взгляды военных людей нашего времени как на вопросы жизни, так и на свое дело

и звание.

Оно и не могло быть иначе: военные люди за 30, 40 лет тому назад, никогда не слыжавшие сомнения о достоинстве военного звания, наивно гордились им и могли быть добрыми, честными и, главное, вполне христиански просвещенными людьми, продолжая быть военными; теперь же это уже невозможно. Теперь для того, чтобы быть военным, человеку нужно быть или грубым, или непросвещенным в истинном смысле этого слова человеком, т. е. прямо не знать всего того, что сделано человеческой мыслью для того, чтобы разъяснить безумие, бесполезность и безнравственность войны и потому всякого участия в ней, или нечестным и грубым, т. е. притворяться, что не знаешь того, чего нельзя не знать, и, пользуясь авторитетом сильных мира сего и инерцией общественного мнения, продолжающего по старой привычке уважать военных, — делать вид, что веришь в высокое и важное значение военного звания.

Так оно и есть.

За 40 лет тому назад военные писатели, следя за всем тем, что делалось в Европе, пи-

сали о том, как уничтожить войну, или как по крайней мере сделать ее менее жестокой. Теперь же генерал, считающийся ученым и просвещенным военным, в ответ на статью об уничтожении войны, смело пишет:

«Вы усиливаетесь доказать, — пишет он, — будто протест против милитаризма мало-помалу доведет до полного устранения боевых столкновений; я же полагаю, что такое устранение немислимо, ибо противоречит основному закону природы, которой равно дорого (и равно безразлично) разрушение, как и созидание; ведь ничего не разрушать и ничего не созидать — одно и то же. Что бы вы ни созидали, вы неминуемо должны нечто и разрушать. Ах, господа, господа! Да неужели вам не приходит в голову, что превращение права «грубой» силы в силу «деликатного» права не уничтожает первого права, а только переводит его в скрытое состояние? Неужели вы не замечаете, что сила права была бы очень не сильна, если бы у него за спиною не стоял полицейский, а за полицейским — солдат, т. е. право силы? Что дает обязательную силу деликатным приговорам, вроде многих лет ка-

торги, пусканья семьи по миру, для удовлетворения «законной» претензии какого-нибудь Шейлока? Должно быть, убеждение в праведности судьи, в нерушимости писанного закона, не правда ли?»

И, очевидно воображая, что он открыл новость о том, что право держится насилием, и этим доказал необходимость, войны, генерал этот спокойно проповедует то, что ему хочется и нужно, именно зверство диких животных, которые зубами раздирают добычу.

«Редкость столкновений на холодном оружии, — говорит он, — доказывает ничтожество не его, а тех, кто неспособен сойтись на дистанцию штыка или шашки; с военной точки зрения проповедь о ничтожестве холодного оружия есть отрицание самоотвержения и оправдание самосохранения, т. е, попросту говоря: апофеоза трусости».⁸³

30, 40, 50 лет тому назад такие статьи были невозможны. Еще менее возможны были такие руководства для солдат, сочинения того же автора, которые теперь распространяются между ними.

Во всех солдатских казармах для поучения

тех миллионов людей, которые проходят солдатство, висит наставление под заглавием «памятка». В памятке этой сказано (она вся ужасна, но выписываю некоторые места):

«Сломится штык — бей прикладом; приклад отказался — бей кулаками; попортил кулаки — вцепись зубами. Только тот бьет, кто отчаянно, до смерти бьется.

Трое наскочат: первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун. Храброго бог бережет.

Умирай за веру православную, за царя батюшку, за святую Русь. Церковь бога молит. Погубящий душу свою, обрящет ее». (Мало ему свое — он евангелием хочет подтвердить свое зверство.) «Кто остался жив, тому честь и слава».

И, наконец, заключение:

«Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, справедливу, благочестиву. Молись богу! От него победа? Чудо-богатыри! Бог вас водит, он вам генерал!»

И это кощунственное бешеное сочинение, которое мог произвести только мерзкий и пьяный человек, развешено во всех казармах,

и все молодые [люди] во всей христианской России, поступавшие на службу, должны изучать это сочинение и верить ему.

30, 40, 50 лет тому назад ничего подобного не могло быть. Да, разложение вещества совершилось с одной стороны натром, с другой стороны — удушливым паром, который прежде не был замечен.

С одной стороны конгрессы мира, солидарность всех просвещенных людей мира, ненавидящих войну и ищущих средств предотвратить и уничтожить ее; с другой стороны убийства и истязания беззащитных людей за честь мундира, памятки и статьи храброго генерала, отечески внушающего необходимость и пользу пожирания друг друга.

Сопоставляя то и другое, мне вспоминается рассказ путешественника, присутствовавшего на празднестве дагомейцев, во время которого должны были быть убиты 300 пленных. Путешественник, стараясь говорить так, чтобы быть понятным, употребил все силы своего красноречия для того, чтобы внушить дагомейским вождям о том, что убийство противно их же верованиям, о власти душ умер-

ших над живыми, о том, что это против их выгоды, так как они могли бы заставить этих диких работать или воевать, о том, что это невыгодно, так как вызывает врагов делать то же с их пленными.

Дагомейские вожди, опустив головы, украшенные перьями, с кольцами в носах, сидели молча, — как говорил путешественник, — передавая друг другу чашу с пьяным напитком. Но когда он кончил, они вскочили и, оскалив зубы, подали знак воинам к убийству, и началась резня. А вожди, кривляясь своими обнаженными коричневыми телами, плясали вокруг, издавая хриплые, нечленораздельные звуки.

Такими представляются ввиду сложной, умной, утонченной, гуманной работы, которая идет среди лучших представителей европейского общества по вопросу войны, те грубые речи в рейхстагах, статьи газет, речь Вильгельма и особенно эти самоуверенно отеческие наставления нашего генерала, товарища богу по генеральству.

Очевидно, разложение совершилось, и то, что оно совершилось и вонючий пар не дает

дышать нам, уже есть важный шаг вперед. Вонючий газ должен быть уничтожен. Точно так же и военное сословие, выделившись из общей жизни, стало отвратительно и должно быть уничтожено.

Но как же уничтожить его?

Средство для этого есть только одно: общественное мнение, уяснение общественного мнения, значения и свойств военного сословия.

Люди эти, очевидно, составили вокруг себя удушливую, вонючую атмосферу, в которой живут и в которую не проникает тот свежий воздух, которым дышит уже большинство людей. Очевидно, люди не допускают до себя этот свежий воздух и, по мере распространения его, сгущают вокруг себя свою вонючую атмосферу. До них никак не доберешься: вы будете, как тот путешественник, усиливать свои доводы, доводить их до последней степени ясности, и в ответ на это вы ничего не услышите, кроме нечленораздельных звуков пляшущего дикого, потрясающего своим томагавком: услышите призывы к убийству для чести мундира и отеческие увещания:

«Ах, господа, господа!... не в этом дело, а надо выучиться грызть людей зубами» и т. п.

И что ужаснее всего, это то, что эти самые люди имеют власть... силу над другими людьми... Как же быть? Какое средство для того, чтоб уничтожить это? А средство есть только одно: уничтожение той атмосферы уважения, восхваления своего сословия, своего мундира, своих знамен и т. д., за которыми скрываются эти люди от действия истины.

КОММЕНТАРИИ

«РЕЛИГИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

В начале августа 1893 г. Толстой получил письмо профессора философии Берлинского университета, буржуазного пацифиста Георга фон Гижицкого (G. von Gizicki, 1851—1895) от 6 августа н. с. 1893 г., в котором Гижицкий, сообщая Толстому об основанном им «Этическом обществе» и журнале «Für Ethische Kultur», просил от имени редакции журнала ответить на два вопроса: 1) что Толстой понимает под словом «религия» и 2) считает ли он возможным существование не зависимой от религии морали.

Толстой, как он писал Гижицкому в письме от 5 октября 1893 г. (см. т. 66, стр. 401), «имел намерение немедленно ответить» на его «достойное письмо», но «так хорошо поставленные вопросы» его захватили, и он старался ответить «насколько возможно обстоятельнее», и это отняло у него больше време-

ни, чем он думал.

К работе над ответом на письмо Гижницкого Толстой приступил, очевидно, вскоре по получении его письма. Первый автограф, представляющий собой начало ответа, не датирован. С этого автографа была сделана копия. Толстой просмотрел ее, исправил, несколько дополнив текст. С этой исправленной копии был сделан новый список, в который Толстой внес свои поправки и дописал конец ответа, проставив дату: «14 августа 1893» (см. рук. № 3). Это была первая черновая редакция статьи, которую Толстой вскоре принялся перерабатывать.

Во второй половине августа работа над статьей, по-видимому, подвигалась медленно. В Дневнике Толстого 23 августа 1893 г. записано: «Пытаюсь писать о религии, но не идет» (т. 52, стр. 99). Более интенсивно Толстой продолжал работу в сентябре (см. письма Толстого: к В. Г. Черткову от 4 сентября 1893 г., т. 87, стр. 218; к С. А. Толстой от 9, 18 и 21 сентября 1893 г., т. 84, стр. 192, 195 и 197). 18 сентября он закончил вторую редакцию статьи и вновь подписал статью (см. рук. № 16), а 5 октября

1893 г. записал в Дневнике: «Всё время писал статью о религии. Как будто кончил» (т. 52, стр. 100—101). Об этом же он сообщил и Гижицкому в упомянутом выше письме от 5 октября 1893 г. (см. т. 66, стр. 401).

Однако работа над статьей продолжалась, о чем Толстой писал жене 20 октября 1893 г. (см. т. 84, стр. 199), а 26 октября 1893 г. М. Л. Толстая сообщала В. Г. Черткову: «Отец усиленно занят «Религией», думает, что кончает, но каждый день по начисто переписанному опять и опять поправляет. Тоже работает над «Тулоном». ⁸⁴ Он давно так много не работал» (т. 87, стр. 231).

30 октября 1893 г. Толстой известил В. Г. Черткова, что он «кончил, кажется, о религии» (т. 87, стр. 232), а С. А. Толстой в тот же день писал: «О религии я совсем кончил» (т. 84, стр. 202). Об этом же 30 октября он извещал и Д. А. Хилкова (см. т. 66, стр. 415).

По-видимому, около 30 октября 1893 г. и была закончена работа над статьей. 2 ноября 1893 г. Толстой уже сообщал жене: «Буланже списал о религии и свезет в Москву, а я жду переводчика и ответ от переводчицы» (т. 84,

стр. 204), и 3 ноября отметил в Дневнике: «Я кончил о религии» (т. 52, стр. 103).

Среди рукописей этой статьи, относящихся к октябрю 1893 г. сохранились следующие датированные рукописи: 1) полная копия, исправленная Толстым и подписанная им 17 октября 1893 г. (рук. № 18), 2) разрозненные листы копии, также исправленной Толстым и подписанной им 21 октября (рук. № 19), и полная рукопись с его исправлениями и с датой, скопированной переписчицей с рук. № 19. Эта рукопись (№ 23) является последней из сохранившихся, так как следующие за ней (№№ 24—30) представляют собой лишь отдельные отрывки статьи в их дальнейшей обработке. Между тем, сравнивая текст этой рукописи с печатными, можно видеть, что была несомненно еще рукопись, которая послужила основой как для наборной рукописи в русском (журнальном) издании, так и для копии, посланной для перевода. Кроме того, П. И. Бирюков, печатая эту статью в т. XV Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого (М. 1913), поместил в конце текста дату: «28 октября 1898 г.»

⁸⁵ Текст статьи в публикации Бирюкова на-

много полнее текста рук. № 23. Следовательно, в его распоряжении была более поздняя рукопись, которую Толстой и подписал 28 октября.

Очевидно, вскоре копия этой рукописи была послана переводчице на немецкий язык С. Ю. Бер, взявшейся переводить статью «Религия и нравственность» для журнала «Für Ethische Kultur». Письма Толстого к Бер не сохранились. Между тем в списке писем, написанных Толстым в 1893 г., который вела М. Л. Толстая, отмечено в конце октября письмо к С. Ю. Бер. Возможно, что это и было сопроводительное письмо к рукописи статьи, посланной ей (см. т. 66, стр. 466).

17 декабря Толстой уже известил В. Г. Чертова: «Вчера я получил первый номер газеты Ethische Kultur с началом перевода, к сожалению, не исправленным. Я послал поправки, а он напечатал» (т. 87, стр. 247). Когда были посланы поправки к статье, неизвестно; но в том же списке писем Толстого отмечены два письма к С. Ю. Бер: от 18—25 ноября и 10 декабря 1893 г. и одно письмо к Гижичскому от 10 декабря 1893 г. (см. т. 66, стр. 466). Можно

предположить, что поправки были посланы в одном из этих писем.

В начале января 1894 г. Толстой получил уже всю статью, напечатанную в №№ 52 и 53 за 1893 г. и в №№ 1 и 3 за 1894 г. журнала «Für Ethische Kultur», о чем он сообщил Гижицкому 5 января 1894 г.: «Я получил 4 №, в которых появилась моя статья «Религия и нравственность»... Мне очень жаль, что необходимые изменения не были произведены в первых номерах» (подлинник по-немецки, см. т. 67, стр. 15).

Со всеми исправлениями Толстого статья была напечатана по-немецки отдельным изданием: Graf Leo Tolstoy, «Religion und Moral». Antwort auf eine in der «Ethischen Kultur» gestellte Frage, Berlin, 1894.

В том же году статья появилась в Англии в переводе В. Г. Черткова и Баттерсби под заглавием: «Religion and Morality». A reply to two questions put by the German Ethical Society («Contemporary Review», March 1894).

По-русски статья «Религия и нравственность» впервые была опубликована в журнале «Северный вестник» (1894, январь) с боль-

шими цензурными пропусками и искажениями и с измененным редакцией заглавием: «Противоречия эмпирической нравственности».

В отдельном издании статья была запрещена циркуляром Главного управления по делам печати от 19 сентября 1894 г. за № 5412 («Архив Гл. упр. по делам печати», дело № 78, 1894 г.).⁸⁶ Впервые статья отдельным изданием вышла в «Посреднике» в 1908 г. Текст был перепечатан журнальный, но под заглавием: «Религия и нравственность».

В собраниях сочинений (изд. 1895 г., ч. XIV; изд. 1897, ч. XIV; изд. 1903, ч. XIII; изд. 1911, ч. XIV), вплоть до издания 1913 г., также перепечатывался журнальный текст, хотя всюду было восстановлено авторское заглавие. В изд. 1913 г., т. XV, П. И. Бирюков дал полный нецензурованный текст по рукописи, помеченной 28 октября 1898 г. (год указан ошибочно), которая не сохранилась.

К истории писания статьи «Религия и нравственность» следует еще упомянуть о поправках к тексту этой статьи, предложенных В. Г. Чертковым в связи с его переводом ста-

тъи на английский язык.

В середине ноября 1893 г. Черткову был послан «черновой список», а в начале декабря 1893 г. «окончательный список» статьи. Благодаря Толстому за присылку рукописей, Чертков 10 декабря писал Толстому: «В статье вашей я решился предложить вам вставку двух слов в начале и конце. Мотивы этого я приложу, когда верну Марье Львовне её список, на котором и будут карандашом обозначены предлагаемые мною вставки» (т. 87, стр. 248).

Среди рукописей сохранился список предложенных Чертковым поправок, вверху которого он надписал: «Лев Николаевич, пожалуйста, просмотрите эти поправки с тем, чтобы обозначить, с какими вы согласны» И далее следовал самый список, составленный из двенадцати пунктов. Толстой, просмотрев этот список, 17 декабря 1893 г. написал Черткову: «Отсылаю ваши поправки, с которыми, как вы увидите, со всеми согласен, кроме скобок» (т. 87, стр. 247). Однако Толстой здесь ошибся, так как, помимо пунктов, в которых Чертков предлагал ввести в текст скобки, Толстой не принял еще одно введенное Чертковым слово

и зачеркнул его в списке.

При публикации статьи в т. XV Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, изд. 1913 г., П. И. Бирюков ввел эти поправки в текст:

Стр. 4, строки 29—30.⁸⁷

В рукописи: во что справедливо исправлено
Чертковым: во что, по его убеждению, справедливо

Стр. 7, строки 13—14.

В рукописи: возобновляясь, не умирая исправлено
Чертковым: возобновляясь не уничтожаясь

Стр. 19, строки 28—31.

В рукописи: противоречия между христианскою нравственностью и языческою философией исправлено
Чертковым: противоречия христианской нравственности с философией личного блага или освобождения от личных страданий и общественною.

В настоящем издании статья «Религия и нравственность» печатается по тексту издания 1913 г. с исправлением опечаток и ошибок переписчиков по рукописям. Предложенные В. Г. Чертковым поправки также вводятся в текст статьи как одобренные Толстым. В

последней поправке перед словом «общественною» вставляются слова «с философией». Эти слова вписаны Толстым в списке В. Г. Черткова (рук. № 31) и опущены Бирюковым.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Религия и нравственность», исчисляется в 476 лл. разного формата (в том числе и отрезки).

Рукописи расположены хронологически под №№ 1—31. В переписке рукописей принимали участие: М. Л. Толстая, Е. И. Попов, М. А. Шмидт, В. С. Толстая, А. П. Иванов, С. Э. Мамонова и неизвестные переписчики.

Рук. № 1 — первый автограф начала статьи; рук. № 2 — копия с автографа, правленая Толстым; рук. № 3 — правленая копия рук. № 2 и автограф; первая редакция статьи с авторской датой: «14 августа 1893»; рук. №№ 4—17 — неполные последовательные копии с авторскими поправками; в конце рук. № 16 подпись и дата Толстого: «18 сентября 1893»; рук. № 18 — полная копия всей статьи с поправками, подписью и датой Толстого: «17 октября 1893»; рук. № 19 — разрозненная копия

с датой Толстого: «21 октября»; рук. №№ 20—22 — рукописный материал, оставшийся от дальнейшей переработки статьи; рук. № 23 — полная копия статьи с поправками Толстого; дата скопирована рукой М. А. Шмидт с рук. № 19; рук. №№ 124—30 — копии отдельных частей статьи и разрозненные листы с поправками Толстого; рук. № 31 — список поправок, предложенных В. Г. Чертковым, с отметками Толстого.

«ХРИСТИАНСТВО И ПАТРИОТИЗМ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Поводом к писанию статьи «Христианство и патриотизм» послужила квазипатриотическая шумиха, поднятая русскими и французскими газетами в связи с заключением франко-русского союза и торжествами по случаю прибытия в начале октября 1893 г. русской эскадры под командованием, вице-адмирала Авелана в Тулон.

Толстой приступил к работе над статьей 8 октября 1893 г. Первую редакцию статьи, подписанную этим числом (см. рук. № 1), Тол-

стой, начал непосредственно с изложения опубликованной в газетах телеграммы из Парижа от 5 октября с описанием торжеств по случаю заключения союза, но тут же перешел к изложению содержания прочитанной им «недавно» статьи «ученого психиатра» (И. А. Сикорского) о психопатической эпидемии малеванщины, напечатанной в «Киевских университетских известиях». Сравнивая эту эпидемию с эпидемией, «появившейся в Париже», Толстой находит вторую несравненно опаснее первой, потому что последствиями ее будут «неисчислимыя бедствия». Если распространителями эпидемии малеванщины являются совсем ничтожные и безвредные люди, то распространители парижской эпидемии — могущественные люди, «обладающие и властью и громадными средствами». Эти люди, пишет Толстой, «не их Паскали, Руссо, Дидероты, Вольтеры...а самые пошлые и жалкие представители правительственного патриотизма» (рук. № 1).

Начав обработку статьи, Толстой постепенно расширил первую часть, посвященную описанию празднеств в Тулоне и Париже,

введя в нее в качестве иллюстраций ряд цитат из газет и «Сельского вестника», и отодвинул изложение статьи Сикорского.⁸⁸

Вся статья была начата в резко обличительных тонах, описание торжеств давалось в саркастическом тоне.

Толстой знал, что напечатать эту статью по тогдашним цензурным условиям в России было невозможно, и первоначально предполагал послать ее в немецкие газеты. Об этом Толстой сообщил бывшей у него в начале октября 1893 г. Л. И. Веселитской, которая в свою очередь по приезде в Петербург передала об этом Н. С. Лескову. Лесков живо откликнулся на это сообщение и в письме от 16 октября писал Толстому: «Океан глупости»,⁸⁹ говорят, вывел Вас из терпения, и Вы хотите противопоставить этому отрезвление в немецком издании. Правда ли это? «Океан глупости» противен чрезвычайно, но благоразумно ли ставить свою ладонь против обезумевшего быка?. В каком фасоне это будет написано и в какое немецкое издание будет направлено? И почему именно в *немецкое*, а не в *английское*? Немецкое приводит целую ассоциацию

идей, которые совсем неудобны у нас теперь».

90

20 октября Толстой ответил Н. С. Лескову: «Вы правы, что если посылать, то в английские газеты. Я так и сделаю, если пошлю, и в английские и в немецкие. Говорю: если пошлю, потому что всё не кончил еще. Я не умею написать сразу, а всё поправляю. Теперь и опоздал. И сам не знаю, что сделаю... если следует послать, то это напишется хорошо. До сих пор этого нет, поэтому еще медлю» (т. 66, стр. 405—406), а 22 октября писал дочери Т. Л. Толстой: «Мама подала очень хорошую мысль послать Тулон,⁹¹ если посылать, к Сутнер»⁹² (т. 66, стр. 408).

Между тем Толстой продолжал работать над статьей, расширяя и дополняя ее новыми материалами.

29 октября И. И. Горбунов-Посадов послал Толстому вырезку из газеты «Русские ведомости» (1893, № 291 от 22 октября) со статьей «Русская эскадра в Тулоне (От нашего корреспондента)», прося обратить внимание на приведенную в статье речь тулонского епископа при спуске броненосца «Жоригибери».

31 октября Толстой, сообщая дочери Татьяне Львовне о получении от Горбунова этой вырезки, писал, что она ему «пригодилась» (т. 66, стр. 416). Речь тулонского епископа была почти целиком помещена в гл. II статьи.

Повидимому, к началу ноября 1893 г. статья в черновом виде была закончена. 30 октября Толстой писал Д. А. Хилкову: «Написал статью Протест против франко-русских празднеств... Эту статью пошлю в английские газеты» (т. 66, стр. 415); и в тот же день сообщил В. Г. Черткову: «Я кончил, кажется, о религии⁹³ и теперь хочу кончить о франко-русских празднествах и пошлю в «Daily Chronicle» и к Suttner в ее журнал «Die Waffen nieder» (т. 87, стр. 232).

Этой редакцией Толстой остался недоволен. 3 ноября он записал в Дневнике: «Написал Тулон и не посылаю»⁹⁴ (т. 52, стр. 103); и в тот же день сообщил В. Г. Черткову: «С Тулоном сделалось то, что он мне опротивел» (т. 87, стр. 234). Однако 5 ноября он писал Черткову же: «Я вам написал, что статья о Тулоне оттолкнула меня, и я принял это за внутренний голос. Это было очень глупо с моей сторо-

ны. Я опять ею занят, хотя хорошего в ней очень мало» (т. 87, стр. 236).

Работа над статьей продолжалась интенсивно весь ноябрь, и 1 декабря Толстой подписал статью, что обычно означало окончание какой-то редакции статьи. 3 декабря он сообщил Г. А. Русанову: «Теперь пишу о Тулоне, гипнотизации патриотизма, кажется кончил» (т. 66, стр. 436); однако М. Л. Толстая в тот же день уведомила В. Г. Черткова: «Тулон всё это время усиленно работает. Сегодня отец подписался под ним и говорит, что кончил, но я не верю, так как он давно уже говорит это, и сейчас буду очищать ему для его работы завтра» (т. 87, стр. 237).

Так это в действительности и было. И декабрь 1893 г. и январь и почти весь февраль 1894 г. Толстой продолжает исправлять статью и уже ни разу не упоминает об окончании ее (см. письма к Н. С. Лескову от 10 декабря 1893 г., Н. Н. Ге (отцу) от 24 декабря 1893 г., Ж. Легра от 5 января 1894 г., Ш. Саломону от 30 января 1894 г., В. Г. Черткову от 8 февраля 1894 г. и С. А. Толстой от 3 февраля 1894 г. — т. 66, стр. 445 и 452, т. 67, стр. 17 и 24, т. 87, стр. 255,

и т. 84, стр. 209); а в Дневнике он отмечает 22 декабря 1893 г.: «Тяжелая, некончающаяся работа над Тулоном, которую я не могу бросить»; 24 января 1894 г.: «Писал всё только Тулон. Немного подвинулся. Но вообще плохо»; 9 февраля 1894 г.: «Работа Тулона идет всё так же плохо. Много есть концов средних, но нет настоящего сильного. Может быть, оттого, что начало легкомысленно» (т. 52, стр. 105, 108 и 111).⁹⁵

22 февраля 1894 г. Толстой окончил новую редакцию статьи (см. рук. № 38) и 26 февраля сообщил Л. Л. и Т. Л. Толстым: «Тулон кончил» (т. 67, стр. 56), но уже 2 марта им же писал: «Бросил Тулон, который мне очень не нравится неопределенностью тона — то газетного игривого, то рассудительного-скучного, и не знаю, пошлю ли» (т. 67, стр. 59). Между тем, очевидно вскоре, Толстой возобновил работу, исправляя статью как по рукописи, датированной 22 февраля 1894 г. (№ 38), так и по предшествующей ей (№ 37). Последние исправления он внес в рук. № 37. В эту рукопись были перенесены переписчиками также исправления, сделанные Толстым в рук. № 38, и,

кроме того, исправления, сделанные в несохранившейся рукописи, которая, вероятно, была послана одному из переводчиков. В рук. № 37 эти исправления вписаны рукой М. А. Шмидт (см. описание рукописей). После внесения всех исправлений Толстой подписал эту рукопись 17 марта 1894 г. и пометил: «Со всем, совсем, совсем кончено».

В Дневнике под 23 марта 1894 г., после полуторамесячного перерыва, Толстой записал: «За всё это время писал Тулон и дней пять тому назад кончил и решил не переводить и не печатать. И это облегчило меня» (т. 52, стр. 112).

Однако 21 апреля 1894 г. он записал в Дневнике: «Тулон решил послать переводчикам. Все одобряют» (т. 52, стр. 115).

Статья «Христианство и патриотизм» была послана для перевода на французский язык Жюлю Легра,⁹⁶ на английский — К. И. Тёрнеру и на немецкий — С. Ю. Бер.

На французском языке статья в переводе Ж. Легра впервые появилась в «Journal des Débats» в мае 1894 г. и затем отдельным изданием в том же переводе под заглавием

«L'esprit chrétien et le patriotisme», édit. Perrin, Paris, 1894.

К. И. Тёрнер по просьбе Толстого⁹⁷ вернул статью, не доведя перевод до конца, так как статью эту взялся переводить В. Г. Чертков, договорившийся с Баттерсби о публикации ее в Англии.⁹⁸ На английском языке статья впервые была опубликована в «Daily Chronicle» в июне 1894 г.

Перевод С. Ю. Бер не был напечатан ввиду того, что ее издатель отказался печатать статью после опубликования ее на французском языке. По-немецки статья впервые опубликована в переводе В. Е. Генкеля в издании Г. Мюллера в Берлине в августе 1894 г.

По-русски статья «Христианство и патриотизм» впервые опубликована в изд. М. К. Элпидина в Женеве в 1895 г. (Carouge — Genève, M. Elpidine, Libraire-éditeur).

В России статья эта была запрещена цензурой и распространялась в подпольных гектографированных изданиях. Кроме того, печатные экземпляры ввозились контрабандно из-за границы. Особенно большое распространение статья получила в прибалтийских губер-

ниях и Польше. 31 мая 1901 г. лифляндское жандармское управление в связи с этим запросило письмом за № 1753 Главное управление по делам печати, что делать с этими изданиями. 18 июня 1901 г. Главное управление известило, что ввоз означенных изданий запрещен, и предложило «неукоснительно следить о прекращении всякого доступа им из-за границы» («Архив Петербургского цензурного комитета», дело 78, ч. IV).⁹⁹

Впервые в России статья в числе других запрещенных статей Толстого («Не убий», «Письмо к либералам», «Письмо к фельдфебелю» и пр.) была напечатана в 1906 г. отдельной брошюрой в изд. «Обновление». Издатель Н. Е. Фельтен был привлечен к судебной ответственности за издание этих брошюр.

В 1911 г. статья была включена С. А. Толстой в т. XVIII Собрания сочинений Л. Н. Толстого с большими цензурными искажениями и пропусками. И в той же редакции в 1913 г. была напечатана в т. XVI11 Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого под ред. П. И. Бирюкова, изд. т-ва И. Д. Сытина.

В настоящем издании статья «Христиан-

ство и патриотизм» печатается по изданию М. К. Элпидина (Женева, 1895). Опечатки и ошибки исправляются по рукописям.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Христианство и патриотизм», исчисляется в 1384 лл. разного формата (в том числе и обрезки).

Рукописи располагаются хронологически под №№ 1—39. В переписке рукописей принимали участие: М. Л. Толстая, П. А. Буланже, Е. И. Попов, И. И. Горбунов-Посадов, П. П. Кандидов, М. А. Шмидт и неизвестные переписчики.

Рук. № 1 — первый автограф статьи, подписанный Толстым и датированный им «1893. 8 октября, Я. П.».

Рук. №№ 2—27 — последовательные копии, в подавляющем большинстве своем неполные, с большим количеством обрезков.

Рук. № 28 — копия, датированная Толстым «20 ноября».

Рук. № 29 — копия, датированная Толстым «21 ноября. Москва».

Рук. №№ 30—32 — разрозненные копии. В конце рук. № 32 подпись Толстого и его дата:

«1 декабря 1893».

Рук. № 33 — почти полная копия всей статьи. На первой странице заглавия, последовательно исправлявшиеся Толстым: «(Психопатическая эпидемия), (Наваждение), (Не лгать), (Гипнотизация и обеспечение мира), (Обеспечение мира), (Психо[па]тическая эпидемия), (Гипнотизация и патриотизм), Гипнотизация патриотизма.¹⁰⁰

Рук. №№ 34—36 — последовательные копии.

В рук. № 35 заглавие: «Патриотизм и христианство».

Рук. № 37 — полная копия всей статьи. Исправлялась Толстым несколько раз, после чего была подписана и датирована «17 марта 1894». В эту рукопись переписчиками перенесены поправки, сделанные Толстым в следующей рукописи (из которой перенесено и заглавие статьи), а также из рукописи неизвестной. Эти последние поправки сделаны М. А. Шмидт красными чернилами. Толстой, внося эти исправления, несомненно стремился местами смягчить текст и зашифровать упоминавшиеся в статье имена. Важнейшие из них

следующие:

Стр. 29, строка 20.¹⁰¹

После слов: да здравствует Франция! *вычеркнуто:* Французский министр утверждает, что Кронштадт и Тулон почему-то свидетельствуют о дружбе народов, и дает русскому народу аттестацию «благородного». Г-н Авелан не хочет расстаться, не произнеся тех слов, которые начертаны в сердцах русского народа. И восторг охватывает всех присутствующих.

Стр. 31, строки 2—5.

Вместо: капитан Лавров *вписано:* который-нибудь из русских капитанов

Вместо: г-н Авелан *вписано:* русский адмирал и *далее, после слов:* за прекрасную Францию! *вычеркнуто:* как научился он этому выражению у опытного оратора г-на Моренгейма.

Далее повсюду заменяются: Авелан — начальником русской эскадры; г-н Карно — президентом республики; Делянов — министром просвещения.

Стр. 33, строка 13.

Вместо: епископ Миньо в Тулоне *вписано:*

епископ в Тулоне

Стр. 33, строки 38—39.

Вместо: Генерал Богданович благодарил г-жу Адан *вписано:* Генерал такой-то благодарил г-жу такую-то

Стр. 39, строки 19 и 26.

Вместо: г-н Суворин *вписано:* сторонники войны

Вместо: посол Моренгейм *вписано:* русский посол

Стр. 41, строка 16.

Вместо: сказать этому наглецу *вписано:* ему сказать

Стр. 46, строка 32.

После слов: нелепое провозглашение *вычеркнуто:* «Божьей милостью, мы и т. д. (точно дело это так ужасно, что и нельзя человеческим языком написать про него). Явится нелепое провозглашение».

Стр. 46, строка 34.

После слова: финляндский *вычеркнуто:* и еще какой-то обдорский и кондийский

Стр. 49, строка 3.

Вместо: г-н Дерулед *вписано:* один известный... с Германией и далее везде *вычеркнуто:*

Дерулед и заменено: наш гость

Рук. № 38 — копия рук. № 37 после первой правки ее Толстым. Вторичные исправления Толстого, сделанные в рук. № 37, в настоящую рукопись не попали. Заглавие надписано Толстым: «Христианство и патриотизм». В конце рукописи дата переписчика: «1894 г. 22 февраля».

Рук. № 39 — рукописный материал, относящийся ко всем стадиям работы Толстого над статьей.

**«ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ Е. И.
ПОПОВА «ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ЕВДОКИМА НИКИТИЧА
ДРОЖЖИНА. 1866—1894»**

**ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И
ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ**

27 января 1894 г. в воронежской тюремной больнице умер заключенный за отказ от военной службы сельский учитель Евдоким Никитич Дрожжин, в судьбе которого Толстой принимал близкое участие. Получив известие о его смерти, Толстой записал в Днев-

нике: «Дрожжин умер, замученный правительством) (т. 52, стр. 111).

В. Г. Чертков и Е. И. Попов решили написать биографию Дрожжина, о чем и сообщили Толстому. Толстой одобрительно отнесся к их намерению и в письме к Е. И. Попову от 7 февраля 1894 г. писал: «Это дело радостное и вам по силам. Я уверен, что вы сделаете его хорошо» (т. 67, стр. 31) и то же подтверждал в письме к В. Г. Черткову от 8 февраля 1894 г.; «Непременно надо написать его житие» (т. 87, стр. 254).

Биография Дрожжина была написана Е. И. Поповым и в конце октября 1894 г. отправлена к Толстому на просмотр. 2 ноября 1894 г. Толстой сообщил Попову: «Получил сейчас... Дрожжина. Очень рад этому. Я не читал еще. Прочел только предисловие. Предисловие это очень хорошо... Буду читать внимательно и с карандашом, отмечая, что придется, и всё вам сообщу» (т. 67, стр. 265).

В конце 1894 г. Толстой был занят исправлением биографии Дрожжина (см. запись в Дневнике 20 ноября 1894 г., т. 52, стр. 154), а вероятно, 29 января 1895 г. начал писать пре-

дисловие к ней. Первый автограф не датирован; копия же с него, исправленная Толстым, датирована 30 января 1895 г. 2 февраля 1895 г. Толстой сообщил В. Г. Черткову: «Я эти два последние дня писал предисловие к Дрожжину. Хотелось написать коротко, но стало разрастаться. И это дурно» (т. 87, стр. 313); а в Дневнике 7 февраля, вспоминая события за неделю, записал: «За это время написал маленькое предисловие к биографии Дрожжина» (т. 53, стр. 4). Однако работа продолжалась с перерывами весь февраль и была закончена, судя по дате под первопечатным текстом, 4 марта 1895 г.

Статья впервые была опубликована в 1895 г. в Берлине, как предисловие к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. 1866—1894» (в изд. «Библиографического бюро» и в изд. Фридриха Готгейнера).

Во время печатания книги В. Г. Чертков обратился к Толстому с письмом от 20 марта 1895 г., в котором советовал Толстому поместить его статью не как предисловие к книге Попова, а как послесловие к ней, основываясь на характере статьи Толстого. Толстой согла-

сился с этим предложением и 23? марта ответил: «С вашим планом издания Дрожжина я согласен. В той же книге, в конце, поместим статью Жени ¹⁰² под заглавием: «Общественное значение поступка Дрожжина» (т. 87, стр. 324). Очевидно, тогда же Е. И. Попов по поручению Толстого обратился в «Библиографическое бюро» в Берлине с предложением изменить план книги. Однако издательство в письме от 27 апреля н. с. 1895 г. отклонило такое предложение, не желая увеличивать размер книги включением в нее упомянутой статьи Попова.¹⁰³

Книга вышла без статьи Попова, а статья Толстого была напечатана в виде предисловия. Впервые как послесловие она напечатана в изд. В. Г. Черткова (Purleigh 1898).

В настоящем издании статья Толстого печатается как послесловие согласно выраженной им воле) по первопечатному тексту. Опечатки и ошибки, вкравшиеся по вине переписчиков, исправляются по рукописям.

Общее количество рукописного материала, относящегося к послесловию к книге Е. И.

Попова «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина» исчисляется в 179 л. разного формата (в том числе и обрезки). Рукописи разложены хронологически под №№ 1—11. В переписке рукописей принимали участие: М. Л. Толстая, Е. И. Попов и Ф. А. Страхов.

Рук. № 1 — первый черновой автограф; рук. № 2 — копия рук. № 1, исправленная и дополненная Толстым, подписанная им и датированная «30 января 1895»; рук. №№ 3—5 — разрозненные копии статьи; рук. № 6 — полная копия под заглавием: «Предисловие», исправленная и датированная Толстым «31 января»; рук. № 7 — полная копия всей статьи, исправленная Толстым, с датой переписчика в конце статьи: «2 февраля 95 г. Москва»; на обложке пометы В. Г. Черткова: «Окончательная версия» и Толстого: «В Берлин, написать в бюро и в Женеву, хотят ли напечатать. (Приложить статью из Daily Chronicle)»; рук. № 8 — копия рук. № 7, под заглавием: «Предисловие» и с датой, скопированной с предыдущей рукописи. Статье Толстого предпослана заметка: «От составителя», подписанная Е. И. Поповым и датированная 26 октября 1894 г.

В тексте заметки имеется одна поправка Толстого. Исправляя эту рукопись, Толстой изменил окончание статьи, дополнив его новым текстом на страницах в 4°; рук. № 9 — копия окончания предыдущей рукописи; рук. №№ 10 и 11 — автограф и копия вставки в статью.

«ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ П. И. БИРЮКОВА «ГОНЕНИЕ НА ХРИСТИАН В РОССИИ В 1895 г.»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

8 сентября 1895 г. П. И. Бирюков, вернувшись с Кавказа, привез Толстому свою статью «Гонение на христиан в России в 1895 г.»¹⁰⁴ и прочитал ее Толстому. Толстой, прослушав статью, отметил в Дневнике: «Шадю написать предисловие» (т. 53, стр. 53).

Приступил к писанию предисловия Толстой, по-видимому, не сразу, так как первоначально он старался приспособить в качестве предисловия свое «Письмо в иностранные газеты», и, только убедившись в невозможности это сделать, он начал писать статью заново.

во. Первый автограф не датирован; но копия с него имеет дату Толстого «16 сентября»; так что, очевидно, Толстой начал ее писать 15 сентября. Закончена статья была 19 сентября 1895 г. — этой датой помечена Толстым последняя рукопись.

Повидимому, сначала Толстой решил, не дожидаясь окончания своего послесловия, отправить статью П. И. Бирюкова Д. Кенворти с коротким письмом своим в виде предисловия, которое он написал на имя редактора английской газеты. В конце этого письма он добавлял: «Мысли, вызванные во мне этими событиями, я выразил отдельно, и если вы хотите этого, то могу прислать их вам для напечатания уже после появления настоящей записки» (т. 68, стр. 173).¹⁰⁵ Об этом намерении Толстой писал и В. Г. Черткову 21 сентября 1895 г. (см. т. 87, стр. 329).¹⁰⁶

Однако 22 сентября Толстой, отмечая события с 8 сентября 1895 г., записал в Дневнике: «За это время писал... вновь статью по случаю гонения на духоборов. Поша приехал, привез сведения, но менее обстоятельные, чем бы я желал. Статья моя недурна. А может быть,

ошибаюсь. Послал всё нынче Кенворти» (т. 53, стр. 53—54).

Д. Кенворти совместно с Раппопортом перевел на английский язык статью Бирюкова и напечатал ее с письмом Толстого «К редактору английской газеты» в виде предисловия (без добавления, цитированного выше) в № 34715 газеты «Times» от 23 октября н. с. 1895 г. Послесловие Толстого в газете напечатано не было.

Впервые послесловие было опубликовано со статьей П. И. Бирюкова в изд. Элпидина (Carouge — Genève, 1896).

Общее количество рукописного материала, относящегося к послесловию к статье П. И. Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 г.», исчисляется в 94 лл. разного формата (в том числе и отрезки). Рукописи расположены хронологически под №№ 1—5. В переписке рукописей принимали участие: П. И. Бирюков, М. Л. Толстая, И. М. Трегубов, М. А. Шмидт и неизвестный переписчик.

Рук. № 1 — автограф под заглавием: «Garthago delenda est»; рук. №№ 2—5 — после-

довательные копии с исправлениями Толстого. В рук. № 2 — дата Толстого: «16 сентября»; в рук. №№ 3 и 4 — даты Толстого: «18 сент. 1895» и «19 сентября 1895». Рук. №№ 2 и 4 подписаны Толстым.

В настоящем издании послесловие печатается по первопечатному тексту. Ошибки переписчиков и опечатки исправляются по рукописям.

«БОГУ ИЛИ МАММОНЕ?»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Статья «Богу или маммоне?» была написана Толстым для издаваемого И. И. Горбуновым-Посадовым «Сельского календаря». Толстой приступил к работе над ней, очевидно, 17 марта 1896 г. Судя по датам на рукописях (см. описание рук. №№ 2 и 3), в следующие два дня он был занят исправлением написанного.

23 марта 1896 г. Толстой сообщил дочери, М. Л. Толстой: «Написал маленькую статейку о пьянстве в народный календарь Ивана Ивановича. Мне хотелось ему помочь в календа-

ре и сказать о пьянстве. Но статья до сих пор вышла слабая» (т. 69, стр. 74).

1 апреля 1896 г. статья была закончена и отправлена для печати Горбунову-Посадову. Однако цензура запретила помещение этой статьи в календаре, но соглашалась разрешить ее к печати в отдельном издании при условии, если Горбунов-Посадов получит точное удостоверение от Толстого, что статья написана именно в данное время, так как по сведениям цензурного комитета эта статья была написана давно и была запрещена.

Об этом писал Толстому Горбунов-Посадов в письме от 8 июня 1896 г., прося подтверждения Толстого, что статья написана специально для «Сельского календаря». Кроме того, Горбунов-Посадов просил Толстого на всякий случай изменить заглавие статьи на какое-нибудь более «светское», боясь, что цензура придерется к заглавию, данному Толстым. Эту вторую просьбу Горбунов-Посадов сообщил в дополнительно посланном письме в тот же день, 8 июня.

Толстой в письме от 9 июня 1896 г. послал Горбунову-Посадову просимое им «удостовере-

рение» и на отдельном листке приписал: «Если нельзя прежнее заглавие, то озаглавьте: «За пьянство или против него». Или придумайте какое-нибудь от себя. Я на всякое согласен» (т. 69, стр. 106).

Статья впервые была опубликована под заглавием: «Богу или маммоне?», тип. И. Д. Сытина, М. 1896 (цензурное разрешение: Москва, 12 июня 1896 г.).

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Богу или маммоне?», исчисляется в 93 лл. разного формата. Рукописи расположены хронологически под №№ 1—6. В переписке рукописей принимали участие: С. А. Толстая, М. А. Шмидт и неизвестный переписчик.

Рук. № 1 — первый автограф статьи под заглавием: «Два войска»; рук. №№ 2—6 — последовательные копии. В рук. № 2 заглавие было неправильно скопировано: «Два волка»; Толстой заменил заглавием: «Два лагеря»; окончательное заглавие определилось в рук. № 3. Рук. № 2 по исправлению была подписана Толстым и датирована «18 марта»; рук. № 3 дати-

рована «19 марта»; рук. № 5 первоначально была датирована С. А. Толстой «31 марта 1896 г.». Толстой, исправляя рукопись, изменил дату: «1896 г. 1 апреля».

На обложке рук. № 6 Горбуновым-Посадовым помечено: «Написано Л. Н. Толстым для «Сельского календаря» И. Горбунова-Посадова. Цензурою была запрещена для календаря».

В настоящем издании статья печатается по первопечатному тексту.

«КАК ЧИТАТЬ ЕВАНГЕЛИЕ И В ЧЕМ ЕГО СУЩНОСТЬ?»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

4 июля 1896 г. Толстой писал одному из своих корреспондентов, С. И. Кобелеву: «Я нынче летом занялся тем, чтобы подчеркнуть в евангелиях то, что совсем просто и понятно, пропустив то, что может быть разно перетолковано, и, читая из евангелий одни эти понятные места, получил большую радость» (т. 69, стр. 115); а в Дневнике под 19 июля 1896 г., отмечая события за месяц, записал: «За это

время еще написал предисловие к чтению евангелия и отчеркнул евангелия» (т. 53, стр. 99).

К статье «Как читать евангелие и в чем его сущность?» относятся две рукописи. Одна из них — автограф, 4 лл. 4°, с заглавием: «В чем сущность учения Христа», подписанная и датированная Толстым «21 и.»; другая — копия с первой, рукой П. И. Бирюкова, с большими исправлениями Толстого и с заглавием, измененным рукой Бирюкова на: «Как читать Евангелие?». Дата проставлена также рукой Бирюкова: «21 июня 1896 г.». Текст этой рукописи почти совпадает с печатным текстом статьи. Вероятно, с этой исправленной копии был сделан белой список, который еще раз просматривался Толстым.

Впервые статья под заглавием «Как читать евангелие и в чем его сущность?» была опубликована в изд. В. Черткова, Лондон, 1897.

В настоящем издании статья печатается по первопечатному тексту с одной поправкой. В изд. В. Черткова статья датирована 22 июля 1896 г.; здесь же дата месяца исправляется на июнь, так как нельзя предположить на осно-

вании всех приведенных данных, чтобы Толстой через месяц после ее окончания, просматривая ее, почти не внес в нее исправлений.

«ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

К работе над статьей «Христианское учение» Толстой приступил между 23 марта и 21 апреля 1894 г.

Первый набросок-конспект статьи Толстой сделал в Записной книжке между записями под указанными числами (см. т. 52, стр. 157) и, очевидно, судя по содержанию, одновременно набросал начало конспекта на отдельном листе (см. рук. № 1).

В Дневнике под 21 апреля 1894 г. Толстой записал: «Почти месяц не писал...¹⁰⁷ За всё это время писал предисловие к Мопассану... и еще катехизис, который напрасно затеял, не окончив начатого» (т. 52, стр. 115). Под «катехизисом» он понимает статью «Христианское учение». В Дневнике и письмах того времени Толстой чаще всего так называет свою статью

именно потому, что она была начата в форме вопросов и ответов, хотя в рукописях нигде не встречается такое заглавие статьи.

В апреле — мае 1894 г. работа подвигалась медленно. 3 мая в Дневнике Толстого записано: «Всё думал о катехизисе. Это гораздо — как всегда бывает — серьезнее и важнее и труднее, чем я думал» и 15 мая: «Катехизис мало подвинулся, но, кажется, выйдет» (т. 52, стр. 117 и 118). О работе над статьей за это время Толстой упоминает и в письме к Н. Н. Ге (сыну) от 8 или 9 мая 1894 г. (см. т. 67, стр. 117).

В июне — июле 1894 г. работа Толстого над статьей шла с переменным успехом: то он записывает, что «пишет катехизис», то отмечает, что работа «не идет» (см. записи в Дневнике 2, 14, 25, 29 июня и 8 и 27 июля 1894 г., т. 52, стр. 118, 120, 124, 128 и 130); однако он не перестает «обдумывать» свою статью и в Дневнике заносить мысли, связанные с ее содержанием.

В письме к Е. И. Попову от 20 июня 1894 г. он сообщает: «Думаю постоянно, хотя и не пишу теперь, об изложении, главное о самом

учении жизни, о самой сущности его, и очень рад, что занят этим» (т. 67, стр. 157).

Начав писать статью в форме кратких вопросов: «для чего бог произвел нас?» или «в чем состоит дело божие?» и таких же кратких ответов на них, Толстой постепенно усложнял вопросы и расширял ответы, охватывая все шире круг вопросов веры и стараясь углубить и полнее обосновать свою аргументацию. Статья постепенно расширялась и систематизировалась. Отдельные вопросы выделялись в главы. В процессе работы главы или части их перемещались, и статья в целом меняла свой характер, и соответственно этому менялось и заглавие ее (см. описание рук. №№ 2—21).

К 3 августа 1894 г. Толстой вчерне уже закончил первую редакцию статьи под заглавием: «Учение блага» (см. описание рук. № 22). Однако, продолжая работу, он пришел к мысли, что у него еще нет для статьи «той формы, которая бы удовлетворила его» (см. запись в Дневнике под 9 августа 1894 г., т. 52, стр. 131). Одновременно с исправлением уже написанного Толстой набрасывает несколько новых

вариантов начала статьи (см. описание рук. №№ 47—50), но и они не удовлетворяют его. Многочисленные записи в Дневнике свидетельствуют о неустанной работе над «Катехизисом», о неутомимых поисках формы (см. записи 15, 22, 27 и 28 августа, 1, 6, 16 сентября 1894 г., т. 52, стр. 132, 134, 135, 137 и 141). В письме к А. А. Толстой от 4 сентября 1894 г. Толстой так определяет свою работу над этой статьей: «Это изложение в самой короткой и всем понятной форме своего религиозного исповедания веры» (т. 67, стр. 219). О желании писать в «простой, доступной форме», «народным, понятным всем языком» Толстой отмечает и в своем Дневнике (см. записи 29 сентября, 21 и 27 октября 1894 г., т. 52, стр. 144, 148 и 151); а в письме к Е. И. Попову от 23 октября 1894 г., сообщая о состоянии своей работы над «Катехизисом», он замечает: «Я не могу даже сказать, что продолжаю свою работу, дня три ничего не пишу и чувствую необходимость всё изменить и всё начать сначала. Я увидел на этой работе опасность отвлеченного умствования. Не успеешь оглянуться, как забредешь в страшные дебри. Кажется, что

остановился во-время. Поверка одна — доступность младенцам и простым людям — чтобы было понятно Ваничке¹⁰⁸ и дворнику. А если нет, то ищи, в чем заврался» (т. 67, стр. 253).

В поисках формы статьи Толстой приходит к мысли, что «нужно бросить катехизическую форму» и начать статью в обычном изложении. Об этом он записывает в Дневнике 2 ноября 1894 г. (см. т. 52, стр. 153) и сообщает в письме к В. Г. Черткову от того же числа (см. т. 87, стр. 303). Однако в ближайшее время своего намерения Толстой не осуществил, и работа продолжалась (с перерывами) в прежней форме до марта 1895 г. (см. записи в Дневнике 16, 20 ноября и 25 декабря 1894 г., 6 января, 7 и 21 февраля и 12 марта 1895 г., т. 52, стр. 154 и 156; т. 53, стр. 3, 7 и 11, и письмо к С. А. Толстой от 7 января 1895 г., т. 84, стр. 234). В марте Толстой прервал работу над статьей и не принимался за нее, повидимому, до конца ноября 1895 г.; между тем и за это время он не оставлял мысли об окончании статьи и продолжал «обдумывать» ее (см. записи в Дневнике 18 марта, 8 июня и 5 августа 1895 г., т. 53,

стр. 13, 36 и 47, и письмо к Д. А. Хилкову от 12 марта 1895 г., т. 67, стр. 47).

С 3 августа 1894 г. по март 1895 г. Толстым не была закончена какая-либо новая редакция статьи. Вся работа за это время происходила в переделках и исправлении предшествующих вариантов статьи по отдельным частям и попытках начать писать статью заново, но опять-таки в форме катехизиса.

8 марта 1895 г. в ответ на просьбу В. Г. Черткова в письме от 28 февраля 1895 г. прислать ему «ту часть катехизиса», которая была Толстым «окончена», Толстой отвечал: «Копию с катехизиса не могу сделать, потому что он весь в переделке» (т. 87, стр. 321—322).

В таком виде Толстой прервал свою работу над «Катехизисом», не придав своей статье сколько-нибудь законченного вида.

5 ноября 1895 г. Толстой записал в Дневнике: «Как хорошо, что я не кончил катехизиса. Похоже, что напишу иначе и лучше» (т. 53, стр. 69).

Повидимому, в конце ноября 1895 г. Толстой приступил к писанию своей статьи в новой форме — в форме отдельных положений

(параграфов), объединяя их в главы, которым он давал характеризующие их заглавия: «Бог», «Древние вероучения», «Усвоение нового жизнепонимания» и т. п. 1 декабря 1895 г. он сообщил В. Г. Черткову: «Я всеми силами пытаюсь изложить свою веру — то, что было катехизис, — совсем сначала, и то вспыхнет и кажется ясно, то опять потухнет и останавливаюсь. Думаю, что, хотя почти ничего, даже совсем ничего, потому что то, что написал, не годится, — думаю, что все-таки не грешу, напрягая свои силы на это, хотя бы и без успеха. Что-то движется» (т. 87, стр. 341—342).

В дальнейшем ни в письмах, ни в Дневнике Толстой нигде свою статью не называет «Катехизисом», а именует ее «Изложением веры». В рукописях же он неоднократно меняет ее заглавие (см. описание рук. №№ 51—65).

Над новым «Изложением веры» Толстой пристально работал в декабре 1895 г. Однако в январе и феврале 1896 г., повидимому, следовал перерыв в работе; по крайней мере нет свидетельств тому, чтобы Толстой принимался за эту статью. Возобновилась работа в марте 1896 г. и продолжалась более или менее

интенсивно до 5 октября 1896 г. (см. записи в Дневнике 6 марта, 2, 3, 11 и 16 мая, 8 июня, 14 сентября и 10 октября 1896 г., т. 53, стр. 83, 84, 86, 97, 98, 106 и 108). 19 июня 1896 г. Толстой записал в Дневнике: «Докончил 13 июня начерно. Теперь переделывал» (т. 53, стр. 99). А после месячного перерыва, 19 июля 1896 г., отметил в Дневнике: «За это время подвинулся в «Изложении веры». Далеко не то, что нужно и что хочу, совсем недоступно простолюдину и ребенку, но все-таки высказано всё, что знаю, связно и последовательно» (т. 53, стр. 99). Весь август (см. описание рук. №№ 84 и 90) и сентябрь Толстой был занят отделкой статьи, о чем он сообщал в письмах к С. А. Толстой от 9 сентября 1896 г. (см. т. 84, стр. 255) и к В. Г. Черткову от 13 и 15 сентября 1896 г. (см. т. 87, стр. 366 и 368); а 26 сентября он сообщил С. А. Толстой: «Прекрасно работал и, кажется, кончил начерно свое изложение веры, по крайней мере так, что если умру, не исправив, все-таки поймут, что я хотел сказать» (т. 84, стр. 259).

Толстым вчерне была закончена рук. № 113. Эту рукопись он просматривал и позднее.

В конце текста этой рукописи М. Л. Толстая проставила дату, повидимому последнего авторского просмотра: «5 окт. 1896 г.».

10 октября 1896 г. Толстой отметил в Дневнике: «Почти месяц не писал... За это время, хотя в очень дурном виде, но окончил изложение веры» (т. 53, стр. 108).

Однако уже 12 октября 1896 г. Толстой, сообщив В. Г. Черткову об окончании статьи, писал: «Я кончил в том виде, в котором она теперь, и начал то же вновь в более простом и сокращенном виде, и это пошло. Нынче написал 8 глав, и Таня, вчера вернувшаяся, переписала» (т. 87, стр. 374). Свою работу над упрощенным изложением статьи Толстой отметил и в Дневнике под 20 октября, 2 и 12 ноября 1896 г. (см. т. 53, стр. 115, 116 и 118). От этой переделки сохранились две рукописи: автограф первых восьми глав, написанных в конспективной форме, и копия с него, правленная Толстым несколько раз. Дальше этого работа не пошла.

Между тем Толстой, повидимому, и позднее не оставлял мысли заняться переработкой своей статьи. Так, 25 ноября 1898 г. он за-

писал в Дневник ряд мыслей к «Изложению веры» (см. т. 53, стр. 214—215).

12 мая н. с. 1897 г. В. Г. Чертков сообщил Толстому, что он переводит «Христианское учение» на английский язык по имеющейся у него копии (с рук. № 113) и просил разрешить издать эту статью как на английском языке, так и на русском, предпослав статье Толстого предисловие от издателя, в котором бы объяснялось, что статья эта не получила окончательной обработки и «не была предназначена автором для печати в настоящем ее виде». Чертков сообщил в письме проект предисловия и просил Толстого в свою очередь в виде «частного письма» написать разрешение на публикацию с объяснением причин, побудивших его напечатать статью. Это письмо Толстого Чертков предполагал включить в свое предисловие.

19 июня 1897 г. Толстой ответил Черткову: «Распространяйте Христианское учение с тем предисловием, которое вы предполагали» (т. 88). А просимое Чертковым разрешение на публикацию Толстой послал ему в письме от 2 сентября 1897 г.: «Разумеется, я считаю это

писание неконченным и далеко не удовлетворяющим тем требованиям, которые тот же «я» предъявил бы ему 20 лет тому назад. Но теперь я знаю, что кончить его, довести до той степени ясности, которую я бы хотел, я не успею; а между тем думаю, что все-таки и в этом виде найдется в нем кое-что полезное людям, и потому печатайте и издавайте так, как есть. А велит бог, и освобожусь от других дел, и будут еще силы, вернусь к этому писанию и постараюсь сделать его проще, яснее и кратче».

В связи с печатанием статьи в Англии Толстой, по-видимому, перечитал ее и в письме от 5 апреля 1898 г. писал Черткову: «Если можно, вычеркните из Христианского учения в главе X параграф 5. Мысль, выраженная там, мне очень дорога, но выражена совсем дурно и неточно и вводит в соблазн людей, как я это видел на опыте» (т. 88). В ответ на это Чертков в письме от 2 мая н. с. 1898 г. просил Толстого сохранить это место, так как в статье, по его мнению, «есть более соблазнительные места, чем это», и что исключение этого места «расстроило бы весь ход работы».

«У нас теперь, — писал он, — почти вся книга набрана, стереотип сделан и шрифт разобран, так что сократить это место, значило бы почти все снова набрать» (т. 88). Толстой согласился с его доводами и 3 мая 1898 г. ответил: «Выпускать §, о котором я писал, разумеется, не нужно. Ваши доводы совершенно справедливы» (т. 88).

Статья была напечатана в английском переводе под заглавием: «The Christian teaching», Brotherhood Publishing Co, ed. by V. Tchertkoff, London, 1898 (и в том же году перепечатана в Нью-Йорке); и на русском языке: «Христианское учение», V. Tchertkoff, Purleigh, Essex, England, 1898, с предисловием от издателя, подписанным 21 апреля 1898 г., в которое было включено цитируемое выше письмо Толстого от 2 сентября 1898 г. Чертков печатал статью по копии с рук. № 113, но с некоторыми отступлениями и изменениями. Часть мест, исправленных Толстым и не разобранных при переписке, напечатаны по первой редакции. Статья разбита Чертковым на восемь частей, с заглавиями: I — «Древние верования и новое жизнепонимание», II — «О

грехах», III — «О соблазнах», IV — «Обманы веры и освобождение от них», V — «Освобождение от соблазнов», VI — «Борьба с грехами», VII — «О молитве», VIII — «Заключение». Помимо этого, была введена общая нумерация параграфов во всех главах (1—404), как объяснял Чертков в письме к Толстому, «для удобства читателя» (см. т. 88). Этот же текст статьи был опубликован в четырнадцатой части Сочинений Л. Н. Толстого, изд. 12-е, М. 1911, и в т. XV, Собрания сочинений Л. Н. Толстого, под ред. П. И. Бирюкова, М. 1913.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Христианское учение», исчисляется в 2154 лл. разных форматов (в том числе и отрезки). Рукописи расположены хронологически под №№ 1—115. В переписке рукописей принимали участие в разное время: П. И. Бирюков, П. П. Кандидов, Е. И. Попов, Ф. А. Страхов, М. Л. и С. А. Толстые, Ф. А. Ушаков, В. Г. Чертков, М. А. Шмидт и неизвестные лица.

Рук. № 1 — автограф без заглавия на 1 л. 4°. На лицевой стороне листа текст перечеркнут;

на оборотной — новое начало статьи, оставленное Толстым без продолжения.

Рук. № 2 — копия с несохранившегося автографа. На обложке рукой М. Л. Толстой помечено: «Закон божий. 5 май 1894».

Рук. №№ 3—7 — копии. На обложке рук. № 7 М. Л. Толстой надписано: «Закон божий. Черновые. Май». Первый лист этой рукописи Толстой перечеркнул и на обороте его написал новое начало статьи под заглавием: «Христианское учение жизни».

Рук. №№ 8—14 — копии и автографы под тем же заглавием.

Рук. № 15 — автограф под заглавием: «Христианское учение».

Рук. №№ 16—21 — копии под тем же заглавием.

Рук. № 22 — копия всей статьи. Заглавие сначала исправлено Толстым на «Учение истины» и затем на «Учение блага». В конце текста проставлена дата рукой М. Л. Толстой: «3 августа 1894».

Рук. №№ 23—46 — копии разных частей статьи под заглавием: «Учение блага».

Рук. №№ 47—50 — автографы и копии

нескольких новых начал статьи под заглавиями: «Учение блага», «Учение истины», «Учение об истинной жизни», «Учение о новой жизни», «Учение спасения и блага», «Учение Христа». В начале первого листа рук. № 50 дата рукой М. Л. Толстой: «3 сент. 94».

Рук. №№ 51—65 — автографы и копии; несколько новых начал статьи под заглавиями: «Что должен делать человек для исполнения воли бога?», «Учение нового завета», «Учение блага», «Учение истины», «Христианское учение», «Христианское вероучение». На обложке рук. № 63 помета рукой М. Л. Толстой: «Черновые. 3 июнь 1896».

Рук. № 66 — копии двух частей статьи с датами переписчиков: 12 и 28 июня 1896 г.

Рук. № 67 — копия с пометой на обложке рукой В. Г. Черткова: «Черновики «Христианского учения», полученные от Л. Н-ча 30 июня 96 г. (в Я. П.)».

Рук. № 68 — копия с заглавием: «Христианское учение». На обложке помета В. Г. Черткова: «Получено 30 июля 96 (в Я. П.)».

Рук. №№ 69—83 — копии и автографы разных частей статьи под заглавием: «Христиан-

ское учение».

Рук. №№ 84—89 — копии разных частей статьи. На обложке рук. № 84 пометы: рукой М. Л. Толстой: «Проверено 25 июля» и рукой В. Г. Черткова: «Исправлено Л. Н-чем 27 июля 1896» .и ниже его же рукой: «Занесены поправки, утвержденные и сделанные Л. Н-чем 31 августа 1896».

Рук. № 90 — копия. На обложке помета В. Г. Черткова: «Христианское учение. Черновое. К 9 авг. 96».

Рук. №№ 91—108 — копии разных частей статьи.

Рук. № 109 — автограф предисловия.

Рук. №№ 110—112 — копии предисловия.

Рук. № 113 — полная копия всей статьи. В конце рукописи дата М. Л. Толстой: «5 окт. 1896 г.». С этой копии производился набор статьи в изд. В. Г. Черткова в 1898 г.

Рук. № 114 — автограф начала статьи в новой редакции с заглавием: «Христианское учение о жизни».

Рук. № 115 — копии статьи в новой редакции. На обложке помета М. Л. Толстой: «Христианское учение о жизни. Черновики. 24

окт. 1896».

В настоящем издании статья «Христианское учение» печатается по рук. №№ 112 (предисловие) и 113 (статья).

«ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВОЗЗВАНИЮ «ПОМОГИТЕ!»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

В связи с усилившимися в 1896 г. гонениями на кавказских духоборов, их бедственным и все ухудшавшимся положением, П. И. Бирюков, И. М. Трегубов и В. Г. Чертков написали воззвание, имея целью обратить внимание общества на положение духоборов и привлечь пожертвования.

В конце октября авторы воззвания прислали текст его Толстому для отзыва и исправления. В письме, написанном между 30 октября и 2 ноября 1896 г., Толстой сообщил Черткову: «Ваше воззвание я исправляю очень усердно. Не знаю, вышло ли хорошо. Было очень нескладно. Может быть, и теперь тоже. Но все-таки думаю, что лучше» (т. 87, стр. 377). Вскоре рукопись воззвания в исправленном

Толстым виде была отослана Черткову.¹⁰⁹ С этой рукописи было сделано несколько списков, которые и стали распространять. Один из этих списков был послан Толстому. Между тем авторы воззвания несколько изменили отредактированный Толстым текст и приписали новый конец. Толстой остался недоволен как текстом воззвания, находя в нем «преувеличения» и «холодность», так и тем обстоятельством, что воззвание не было никем подписано. Однако переделывать его он не решился до приезда Черткова в Москву, чтобы лично об этом переговорить.¹¹⁰

Чертков приехал к Толстому 11 или 12 декабря 1896 г. Очевидно, тогда же был установлен окончательный текст воззвания¹¹¹ и решено было подписать его и присовокупить к нему послесловие Толстого. 12 декабря Толстой отметил в Дневнике: «Приехали Чертковы. Нынче написал послесловие к воззванию» (т. 53, стр. 123).

В этот день была закончена первая черновая редакция послесловия (рук. № 1); последняя редакция помечена 14 декабря 1896 г. (рук. № 6).

Воззвание с послесловием Толстого в машинописных списках вскоре получило широкое распространение. А В. Г. Чертков около 20 декабря 1896 г. уехал в Петербург, пытаясь, с одобрения Толстого, довести содержание воззвания до сведения царя Николая II.

В результате распространения воззвания, а также и прочей деятельности по оказанию помощи духоборам Бирюков, Трегубов и Чертков были высланы: первые двое — в Курляндскую губ., а Чертков в Англию.

В Англии Чертков опубликовал воззвание с послесловием Толстого под заглавием: «Помогите! Обращение к обществу по поводу гонений на кавказских духоборов, составленное П. Бирюковым, И. Трегубовым и В. Чертковым. С послесловием Льва Николаевича Толстого», изд. Владимира Черткова, № 3, Лондон, 1897.

К послесловию к воззванию «Помогите!» относятся шесть рукописей (всего 42 лл. разного формата).

Рук. № 1 — первый автограф без заглавия и подписи.

Рук. №№ 2—5 — последовательные копии

частей статьи. К рук. № 5 приложен лист с пометой: «Из бумаг, переданных Л. Н-чем Александре Львовне 28 октября 1910».

Рук. № 6 — полная копия статьи, исправленная, подписанная и датированная Толстым «14 декабря 1896». По этой рукописи статья была опубликована в изд. В. Черткова, Лондон, 1897. По этой же рукописи послесловие печатается в настоящем издании.

«CARTHAGO DELENDA EST» (1898)

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

В конце марта или в начале апреля 1898 г. Толстой получил циркулярное письмо, составленное совместно двумя издательствами: «La Vita Internazionale» (Милан) и «L'Humanité Nouvelle» (Париж), с вопросами об отношении к «войне и милитаризму» (вопросы эти Толстой процитировал в начале статьи). Письмо было подписано директорами издательств E. Moneta и A. Hamon, которые просили ответить на поставленные вопросы не позднее 25 апреля н. с. 1898 г.

Толстой, повидимому вскоре по получе-

нии письма, написал и Moneta и Намон'у, обещая прислать статью в ответ на их анкету. Письма Толстого к этим лицам не сохранились; однако из их последующих писем явствует, что Толстой писал им. Так, Намон в письме от 30 апреля н. с. сообщает о получении письма Толстого и благодарит за обещание прислать статью, при этом оговариваясь, что «долго не отвечал» на письмо Толстого потому, что «был в отсуствии». То же писал и Moneta в письме с почтовым штемпелем получения 20 апреля 1898 г.

К работе над статьей Толстой приступил, повидимому, в начале апреля, С. А. Толстая 6 апреля 1898 г. записала в дневнике: «Л. Н... утром писал о войне»;¹¹² а 11 апреля 1898 г. Толстой сообщил Э. Кросби, что он пишет статью, «озаглавленную Carthago delenda est» (т. 71, стр. 353). В Дневнике же 12 апреля, отмечая события с 21 марта, Толстой записал: «Занятия Carthago delenda est... Работал довольно мало» (т. 53, стр. 189).

16 апреля Толстой подписал статью, считая ее в какой-то степени законченной. Между тем 17 апреля, посылая Г. А. Русанову, по

его просьбе, экземпляр этой статьи, Толстой писал, что «не советует переписывать» ее, так как он думает, что хотя и «мало будет поправок, но будут» (т. 71, стр. 357). Но уже 19—20 апреля Толстой предлагает эту статью («об отказах от военной службы») П. И. Бирюкову в подготовлявшийся им совместно с В. Г. Чертковым в Англии первый номер сборника «Свободное слово» (см. т. 71, стр. 358). Очевидно, к 20 апреля статья уже была в основном закончена и только требовала некоторой отделки.

Окончательно была подписана статья 23 апреля. 27 апреля в имении своего сына Ильи Львовича Гриневке, Толстой записал в Дневнике: «За последнее время в Москве всё кончал *Carthago delenda est*. Боюсь, что не кончил, и она еще придет ко мне. Хотя порядочно» (т. 53, стр. 191).

Вероятно, вскоре после окончания статья была послана в Англию для первого номера сборника «Свободное слово» и одновременно в Италию — в «*La Vita Internazionale*» и во Францию — в «*L'Humanité Nouvelle*».

Посылая статью в указанные журналы,

Толстой, повидимому, сомневался в том, что она по содержанию удовлетворит редакции этих журналов. Среди рукописей статьи сохранился первый лист рукописи, которая, очевидно, готовилась к отправке в какой-нибудь из этих журналов. В начале этого листа над текстами статьи помещено письмо Толстого:

М. Г.

Мнение мое насчет предложенных вами вопросов таково, что оно едва ли подойдет к направлению вашего издания. На всякий случай, прежде чем послать это мое писание в какой-либо другой журнал, посылаю его вам для напечатания, если вы найдете таковое согласным с вашими желаниями.

Recevez, Monsieur, assurance des mes sentiments des

L. T.¹¹³

Письмо это написано рукой переписчика и потом перечеркнуто Толстым. Возможно, что оно было переведено на французский язык и весь лист был переписан и уже в переписанном виде вложен в отправленную рукопись.

Чертков, по получении рукописи статьи, в письме от 17 мая н. с. 1898 г. писал Толстому, что находит статью «сильной и неопровержимой», и лишь указывал на одно место, где говорится «о выгоде» отказа от военной службы, с которым он не согласен. К письму он приложил выписку из статьи со слов: «но отказывающимся нет никакого основания» и кончая словами: «уже будет наказывать» (см. стр. 201—202, строки 37—25) с внесенными им поправками. Толстой просмотрел эту выписку, зачеркнул поправки Черткова, в большинстве случаев не согласившись с ними, и лишь в некоторых местах внес предлагаемые Чертковым исправления.

Впервые статья была напечатана в № 1 сборника «Свободное слово», 1898, стр. 6—17; затем в переводе на итальянский язык в журнале «La Vita Internazionale», в номере от 20 сентября н. с. 1898 г.¹¹⁴ В России статья была напечатана в 1906 г. в изд. «Обновление», но была конфискована. В 1911 г. включалась в девятнадцатую часть Сочинений Л. Н. Толстого, изд. 12-е, М. 1911, но книга также была конфискована.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Carthago delenda est» (1898) исчисляется в 229 лл. (преимущественно ученические тетради). Рукописи расположены хронологически под №№ 1—13. В переписке рукописей принимали участие: Н. Л. Оболенский, Т. Л. Толстая и неизвестные переписчики.

Рук. № 1 — автограф, первый черновой набросок статьи; рук. №№ 2—12 — последовательные копии с поправками Толстого; рук. № 13 — копии отдельных мест статьи, среди которых присланный В. Г. Чертковым отрывок, который он просил Толстого просмотреть (см. историю писания). Из всех рукописей Толстым датирована только рук. № 9: «16 апреля 1898». Последняя рукопись, с которой производился набор в Англии, не сохранилась.

В настоящем издании статья печатается по тексту изд. «Свободного слова».

«ПИСЬМО В ИНОСТРАННЫЕ ГАЗЕТЫ ПО ПОВОДУ ГОНЕНИЙ НА КАВКАЗСКИХ ДУХОБОРОВ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

В конце июля 1895 г. Толстой получил письмо Д. А. Хилкова от 14 июля 1895 г., в котором Хилков писал о расправе над кавказскими духоборами, произведенной местными властями в связи с отказом духоборов принимать присягу и служить на военной службе и последовавшим, в ознаменование этого, сожжением духоборами оружия в ночь с 28 на 29 июня. Хилков подробно, со слов очевидца, описывал экзекуцию и сообщал об арестах и выселении значительного числа семей духоборов, прося опубликовать все эти сведения из его письма в русских или иностранных газетах. В ответ на это Толстой 29 июля 1895 г. писал Хилкову, что напечатать его «рассказ» в русских газетах нельзя, но что посылать в иностранные газеты он считает «излишним, главное потому, что рассказ этот написан очень дурно», что «в нем нет простоты, точно-

сти, определенности и правдивости». Далее Толстой сообщал, что он напишет в Англию Джону Кенворти о происходящих гонениях на духовоборов, прося прислать корреспондента, чтобы на месте ознакомиться с происходящими событиями. Хилкова же он просил собрать сведения более обстоятельные и точные (см. т. 68, стр. 131—132).

Между тем письма Кенворти Толстой не написал, а в тот же день, или же на следующий, П. И. Бирюков, очевидно по поручению Толстого, составил краткое сообщение, в форме письма к редактору английской газеты, на основании полученных от Хилкова сведений. Толстой радикальным образом переработал текст Бирюкова и написал на отдельном листе свое введение (см. рук. №№ 1 и 2). Составившаяся таким образом статья была переписана и, вновь исправленная Толстым, подписана им и датирована «2/14 августа 1895» (рук. № 3).

После этого статья дважды переписывалась и исправлялась Толстым (рук. №№ 4 и 5).

5 августа 1895 г. Толстой записал в Дневнике: «Было письмо от Хилкова с описанием го-

нений на духоборов. Я написал письмо в английские газеты. Переводится теперь» (т. 53, стр. 47).

Однако, несмотря на то, что был начат перевод статьи, в английские газеты она послана не была. Объясняя причину этого, Толстой в письме к своему сыну Льву Львовичу от 4 сентября 1895 г. писал, что сведения, «которые они имеют о гонениях, сомнительны» и что он ждет возвращения П. И. Бирюкова, который уехал на Кавказ, чтобы «узнать всё» (т. 68, стр. 158). Об этом же Толстой сообщал 4 сентября 1895 г. и своему знакомому М. В. АLEXИНУ (см. там же, стр. 154).

П. И. Бирюков, уехавший на Кавказ для проверки на месте полученных Толстым сведений о расправе с духоборами, возвратился 8 сентября 1895 г., привезя с собой статью «Гонения на христиан в России в 1895 г.», написанную по материалам, собранным им. Эти материалы, помимо того, что они были более точны, содержали и новые сведения. 8 сентября Толстой записал в Дневнике: «Приехал Поша.¹¹⁵ Читал свою статью о гонениях. Очень хорошо. Надо написать предисловие. Про-

смотрел прежнюю статью — она не годится» (т. 53, стр. 53).

Толстой «просмотрел» свою статью (по рук. № 5), пытаясь исправить ее и дополнить сведениями, полученными от Бирюкова, и поместить ее в качестве предисловия к статье Бирюкова. Между тем после вторичного просмотра (рук. №. 6) он отказался от мысли переделать свое письмо-статью в предисловие, прервав свои исправления и не доведя их до конца. Таким образом, эта статья-письмо осталась незаконченной и при жизни Толстого неопубликованной.

Впервые напечатана в «Летописях Государственного литературного музея. Книга вторая. Л. Н. Толстой», М. 1938, стр. 6—11.

Общее количество рукописного материала, относящегося к публикуемой статье, исчисляется в 48 лл. разного формата. Рукописи расположены хронологически под №№ 1—6. В переписке рукописей принимали участие П. И. Бирюков и М. А. Шмидт.

Рук. № 1 — записка П. И. Бирюкова с большими исправлениями и дополнениями Тол-

СТОГО.

Рук. № 2 — автограф нового начала статьи.

Рук. № 3 — копия с рук. №№ 1 и 2 с исправлениями Толстого. В эту рукопись внесены рукой переписчика поправки, сделанные Толстым в рук. № 4 (несколько пропущено).

Рук. № 4 — копия рук. № 3 с ошибками и пропусками и изменениями, сделанными неизвестной рукой. Исправления Толстого лишь на последних трех страницах. К рукописи приложена вырезка из газеты «Биржевые ведомости» 1895, № 201 от 24 июля, с корреспонденцией из Тифлиса о духоборах.

Рук. № 5 — машинописная копия рук. № 4 с небольшими исправлениями автора. Изменено лишь начало статьи.

Рук. № 6 — машинописная копия рук. № 5. Исправления Толстого в начале и в конце статьи.

В настоящем издании «Письмо в иностранные газеты...» печатается по рук. № 3, как наиболее полной и исправной (рук. № 4 — несовершенная копия, с изменениями против оригинала; рук. №№ 5 и 6 — переработка письма-статьи в предисловие к статье Бирю-

кова). Поправки Толстого, сделанные в рук. № 4 и не внесенные переписчиком (пропущенные) в рук. № 3, включаются.

«CARTHAGO DELENDA EST» (1896)

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Сведений о работе Толстого над статьей «Carthago delenda est» (1896) почти не имеется. Есть только одна запись в Дневнике Толстого 16 ноября 1896 г., относящаяся к этой работе: «3-го дня целое утро усердно писал *опять о войне*.¹¹⁶ Что-то выйдет?» (т. 53, стр. 118).

Рукописи статьи полностью не сохранились. Чернового автографа статьи нет. Первые копии с него также неполны. Среди рукописей только одна, предпоследняя из правленных Толстым (№ 3), имеет дату: 14 ноября 1896 г.

Можно предположить, что статья Толстого была начата в связи с чтением статьи генерала М. И. Драгомирова, перепечатанной из журнала «Разведчик», в выдержках, в газете «Новое время», в № 7434 от 6 ноября 1896 г. В

статье этой Драгомиров пытался доказать неизбежность и законность войн. Толстой цитирует отдельные места статьи Драгомирова, не называя его фамилии.¹¹⁷ Статья эта так возмутила Толстого, что он 13—15 ноября 1896 г. писал А. М. Кузминскому: «Что бы вы уговорили Драгомирова,¹¹⁸ чтобы он не писал таких гадких глупостей, и, главное, тон этот: «Ах, господа, господа» и т. д. Ужасно думать, что во власти этого пьяного идиота столько людей» (т. 69, стр. 206).

Судя по сохранившимся рукописям, статья Толстого была задумана в более широком плане. Исправляя статью, Толстой постепенно сокращал и изменял и самое содержание ее. Первоначально статья начиналась с цитаты из речи французского писателя Фредерика Пасси «Вооружения будущего», произнесенной им в 1895 г. «в большом собрании» в Париже. Речь Пасси была горячим протестом против милитаризма. Толстой назвал ее «прекрасной». Комментируя эту речь, он отмечал, что «лучшие люди европейского общества» уже понимают «всю преступность войны», но вместе с этим указывал и на то, что взгляды

большинства военных людей стали «более грубы и нелепы». Далее приводил в подтверждение описание двух инцидентов с немецкими и русскими офицерами и потом уже переходил к статьям Драгомирова.

Описание инцидентов и с немецким лейтенантом и русскими офицерами в первых редакциях статьи значительно полнее и резче. Толстой сообщает, что он узнал о поступке русских офицеров от своего знакомого, «киевского военного», что русские офицеры избивали преимущественно евреев, и передает свой разговор с этим военным, с возмущением отмечая, что тот «не считает евреев за людей».

В процессе исправления Толстой вычеркивает и ссылку на речь Пасси и свой разговор с военным о евреях и изменяет описания указанных инцидентов.

Таким образом, статья постепенно сокращалась и смягчалась.

Однако вскоре Толстой оставил работу над статьей, и она осталась неотделанной. Опубликована она не была.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Carthago delenda est» (1896) исчисляется в 77 лл. разного формата. Рукописи сохранились в неполном виде и расположены хронологически под №№ 1—5. В переписке рукописей принимали участие: М. Л. и С. А. Толстые и М. А. Шмидт.

Рук. № 1 — часть копии с несохранившегося оригинала, без начала и конца; рук. № 2 — часть копии с заглавием: «Еще о войне». При переработке этой рукописи Толстой написал новое начало под заглавием: «Carthago delenda est»; рук. № 3 — полная копия с датой М. Л. Толстой: «14 ноября 1896 г. Ясная Поляна»; рук. № 4 — полная копия без поправок Толстого; рук. № 5 — полная копия с незначительными исправлениями Толстого.

В настоящем издании статья печатается по рук. № 5.

СОДЕРЖАНИЕ (из 39-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого)

Предисловие к тридцать девятому — сорок
второму томам ... V

Редакционные пояснения ... XXXIX

СТАТЬИ

Религия и нравственность (1893) ... 3

Христианство и патриотизм (1893—1894) ...

27

Послесловие к книге Е. И. Попова «Жизнь и
смерть Евдокима Никитича Дрожжина.
1866—1894» (1894—1895) ... 81

Послесловие к статье П. И. Бирюкова «Го-
нение на христиан в России в 1895 г.» (1895) ...
99

Богу или маммоне? (1896) ... 106

Как читать евангелие и в чем его сущ-
ность? (1896) ... 113

Христианское учение (1894—1896) ... 117

Послесловие к воззванию «Помогите!»
(1896) ... 192

Carthago delenda est (1898) ... 197

ЧЕРНОВОЕ, НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОКОНЧЕННОЕ

[Письмо в иностранные газеты по поводу
гонений на кавказских духоборов] (1895) ...

209

* Carthago delenda est (1896) ... 216

КОММЕНТАРИИ

В. С. Мишин

«Религия и нравственность»

История писания и печатания и описание
рукописей ... 225

«Христианство и патриотизм»

История писания и печатания и описание
рукописей ... 229

«Послесловие к книге Е. И. Попова «Жизнь
и смерть Евдокима Никитича Дрожжина.
1866—1894»

История писания и печатания и описание
рукописей ... 235

«Послесловие к статье П. И. Бирюкова «Го-
нение на христиан в России в 1895 г.»

История писания и печатания и описание
рукописей ... 237

«Богу или маммоне?»

История писания и печатания и описание

рукописей ... 239

«Как читать евангелие и в чем его сущность?»

История писания и печатания и описание рукописей ... 241

«Христианское учение»

История писания и печатания и описание рукописей ... 242

«Послесловие к воззванию «Помогите!»

История писания и печатания и описание рукописей ... 248

«Carthago delenda est» (1898)

История писания и печатания и описание рукописей ... 250

«Письмо в иностранные газеты по поводу гонений на кавказских духоборов»

История писания и описание рукописей ... 253

«Carthago delenda est» (1896)

История писания и описание рукописей ... 256

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Л. Н. Толстой. Фотография В. Г. Черткова
1905—1910 гг. между стр. IV и V.

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293.

[^^^]

Т. 39, стр. 73.

[^^^]

Т а м же, стр. 74.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

[^^^]

Там же, стр. 323.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 294.

[^^^]

См. ТТ. 28, 34—36.

[^^^]

В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 167.

[^^^]

Т. 39, стр. 52.

[^^^]

Там же, стр. 54—55.

[^^^]

Т. 11, ч. III, гл. V.

[^^^]

Т. 39, стр. 12.

[^^^]

Т. 39, стр. 115.

[^^^]

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 295.

[^^^]

Там же, т. 15, стр. 180.

[^^^]

Т. 39, стр. 119.

[^^^]

Т. 40, стр. 217.

[^^^]

Т. 49, стр. 68.

[^^^]

Т. 85, стр. 218.

[^^^]

Т. 64, стр. 152.

[^^^]

Л. Н. Толстой. Мысли мудрых людей на каждый день, изд. Посредник, М. 1903.

[^^^]

П. А. Буланже, Он жив — «Солнце России», 1912, № 145; К. С. Шохор-Троцкий, «Круг чтения» и его краткая история — «Толстой. Памятники творчества и жизни», т. 2, стр. 196.

[^^^]

Т. 55, стр. 3.

[^^^]

Т. 75, стр. 168.

[^^^]

Т. 55, стр. 99.

[^^^]

Т. 75, стр. 168—169.

[^^^]

Т. 85, стр. 218.

[^^^]

Т. 43, стр. VII.

[^^^]

Т. 40, стр. 162.

[^^^]

Там же, стр. 134.

[^^^]

Т. 40, стр. 214.

[^^^]

T. 41

[^^^]

T. 41.

[^^^]

Т. 40, стр. 111.

[^^^]

T. 41.

[^^^]

В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 136.

[^^^]

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 302.

[^^^]

Там же, т. 17, стр. 33.

[^^^]

Буддизм, хотя и требующий от своих последователей отречения от благ мира и от самой жизни, основывается на том же отношении самодовлеющей и предназначенной к благу личности к окружающему ее миру, только с тою разницей, что прямое язычество признает право человека на наслаждения, буддизм же — на отсутствие страданий. Язычество считает, что мир должен служить благу личности. Буддизм считает, что мир должен исчезнуть, так как он производит страдания личности. Буддизм есть только отрицательное язычество.

[^^^]

[сверхчеловеков]

[^^^]

[Буквально: бог из машины; в переносном смысле: неожиданно появляющееся обстоятельство.]

[^^^]

Сельский вестник, 1893, № 41.

[^^^]

[Да здравствует Россия! Да здравствуют русские!]

[^^^]

«Новое время».

[^^^]

«Новое время». Октябрь 93 г.

[^^^]

[Бульон из дичи, маленькие пирожки.

Мусс из парижских омаров.

Вырезка по-бearnски.

Фазаны à la Перигор.

Салат из трюфелей с шампанским.

Дичь по-тулузски.

Русский салат.

Фрукты по-тулонски.

Ананасное мороженое.

Десерт.]

[^^^]

[Суп ливонский и сент-жерменский.

Зефир Нантюа.

Вареная осетрина по-молдавски.

Грудинка из молодого оленя]

[^^^]

[старое бургундское, шампанское Моет]

[^^^]

[реванш]

[^^^]

Так мне известен следующий протест студентов, посланный в Париж, но не принятый ни в одной газете:

«Открытое письмо к французским студентам.

Недавно кучка московских студентов юристов, с инспекцией во главе, взяла на себя смелость говорить от лица всего московского студенчества по поводу тулонских празднеств.

Мы, представители союза землячеств, самым решительным образом протестуем как против самозванства этой кучки, так и по существу против происшедшего между нею и французскими студентами обмена приветствий. Мы тоже смотрим с горячей любовью и глубоким уважением на Францию, но смотрим так на нее потому, что видим в ней великую нацию, которая прежде постоянно являлась для всего мира глашатаем и провозвестником

великих идеалов свободы, равенства и братства, которая была первою и в деле от-

важных попыток воплощения в жизнь этих великих идеалов, и лучшая часть русской молодежи всегда была готова приветствовать Францию как передового воина за лучшее будущее человечества. Но мы не считаем такие празднества, как кронштадтские и тулонские, подходящим поводом для подобных приветствий.

Напротив, эти празднества знаменуют собой печальное, но, надеемся, временное явление, — измену Франции своей прежней великой исторической роли: страна, призывавшая когда-то весь мир разбить оковы деспотизма и предлагавшая свою братскую помощь всякому народу, восставшему за свое освобождение, теперь воскуряет фимиамы перед русским правительством, которое систематично тормозит нормальный, органический и живой рост народной жизни и беспощадно подавляет, не останавливаясь ни перед чем, все стремления русского общества к свету, к свободе и к самостоятельности. Тулонские манифестации — есть один из актов той драмы, которую представляет созданный Наполеоном III и Бисмарком антагонизм между двумя ве-

ликими нациями — Францией и Германией. Этот антагонизм держит всю Европу под ружьем и делает вершителем политических судеб мира русский абсолютизм, всегда бывший опорой произвола и деспотизма против свободы, эксплуататоров против эксплуатируемых. Чувство боли за свою страну, сожаление о слепоте значительной части французского общества — вот какие чувства вызывают в нас эти празднества. Мы вполне убеждены, что молодое поколение Франции не увлекается Национальным шовинизмом и, готовое бороться за тот лучший социальный строй, к которому идет человечество, сумеет отдать себе отчет в настоящих событиях и отнестись к ним надлежащим образом; мы надеемся, что наш горячий протест найдет себе сочувственный отклик в сердцах французской молодежи.

Союзный совет 24-х объединенных московских землячеств».

[^^^]

[В тот момент, когда русская эскадра покидает Францию, мне хочется высказать вам, насколько я тронут и благодарен за горячий и блестящий прием, который встретили мои моряки повсюду на французской территории. Выражения живой симпатии, которые проявились еще раз так красноречиво, прибавят еще новые узы к тем, которые соединяют две страны, и послужат, я надеюсь, к укреплению всеобщего *мира*, цели их постоянных усилий и желаний.]

[^^^]

[Депешу, за которую я благодарю ваше величество, я получил в тот момент, когда я покинул Тулон, чтобы вернуться в Париж. Прекрасная

эскадра, на которой я имел удовольствие приветствовать русский флаг в французских водах, дружеский и радушный прием, который ваши храбрые моряки встретили повсюду во Франции, блестяще доказывают еще раз, какая искренняя симпатия соединяет наши две страны. В то же время они вселяют глубокую веру в то благодетельное влияние, которое могут оказать две большие нации, преданные делу *мира*.]

[^^^]

[по молчаливому согласению]

[^^^]

[Долой Германию!]

[^^^]

[если хочешь мира, готовься к войне. Империя — это мир, республика — это мир.]

[^^^]

[^^^]

[После того как было подавлено восстание коммуны, Франция успокоилась. Сейчас же после войны она принялась за работу. Она заплатила немцам без затруднения громадную военную контрибуцию в пять миллиардов. Но Франция потеряла свою военную славу во время войны 1870 года. Она потеряла часть своей территории. Более полутора ста тысяч человек, которые жили на верховьях и устьях Рейна и Мозеля и которые были настоящими французами, были вынуждены сделаться немцами. Но они не подчинились своей судьбе. Они ненавидят Германию; они постоянно надеются снова стать французами. Но Германия дорожит своими завоеваниями, и это великая страна, жители которой искренне любят свою родину и солдаты которой храбры и дисциплинированы. Чтобы отнять у Германии то, что она у нас взяла, нам нужно быть хорошими гражданами и хорошими солдатами. Чтобы вы сделались хорошими солдатами, учителя ваши учат вас истории Франции. История Франции показывает, что в нашей

стране сыновья всегда мстили за несчастье своих отцов. Французы во времена Карла VII мстили за своих отцов, побежденных при Кресси, Пуатье, Азинкуре... А вам, детям, воспитанным теперь в наших школах, надлежит мстить за ваших отцов, побежденных при Седане и Меце. Это ваша обязанность, громадная обязанность вашей жизни. Вы должны всегда думать об этом]

[^^^]

[«Размышления о VII книге»,]

[^^^]

[кого же, черт возьми, здесь обманывают?]

[^^^]

[Это можно сделать только так,]

[^^^]

[— Скажите ему, что мы любим русских,]

[^^^]

[— О, добрый человек!]

[^^^]

[«Германия, Германия выше всех»,]

[^^^]

[Разделяй и властвуй.]

[^^^]

В государствах, где нет обязательной воинской повинности, закон бога и совести о неубийстве, хотя и не так очевидно, но также нарушается всеми гражданами, потому что наем, вербовка и содержание войск, совершаемые на деньги, сознательно платимые всеми гражданами на признаваемое ими необходимым дело убийства, есть точно такое же согласие на убийство и содействие ему, как и личное поступление на военную службу.

[^^^]

Не только совершенное непонимание учения Христа, но полное нежелание понимать его, могло допустить то поразительное лжетолкование, по которому слова «кесарю кесарево» означают признание необходимости повиновения кесарю. Во-первых, о повиновении нет речи; во-вторых, если бы Христос признавал обязательность платы подати и потому повиновения, он прямо сказал бы: «да, должно платить», но он говорит: «кесарю отдай то, что его, т. е. монету, а жизнь — богу», и этими последними словами не только не поощряет повиновение власти, но, напротив, указывает на то, что во всем, что принадлежит богу, не должно повиноваться кесарю.

[^^^]

Друг этот тогда за такой же отказ от военной службы был заключенным в Курске на гауптвахте. Теперь, в ту минуту, как я пишу это, друг этот содержится в строжайшем секрете, без разрешения свиданья с кем бы то ни было, в Московской пересыльной тюрьме, на своем пути в Тобольскую губернию, куда он ссылается по распоряжению государя.

[^^^]

[Как это известно всем, изучавшим происхождение этих книг, евангелие никак не есть непогрешимое выражение божеской истины, а произведение бесчисленных рук и умов человеческих, исполненное погрешностей, и потому ни в каком случае не может быть принимаемо, как произведение св. духа, как это говорят церковники. Если бы это было так, то его бы открыл сам бог, как передается, что он открыл заповеди на горе Синае, или каким-нибудь чудом передал бы эту готовую книгу людям, как это утверждают мормоны о своем священном писании. Теперь же мы знаем, как записывались, собирались эти книги, как исправлялись, переводились, и потому не только не можем принимать их как непогрешимое откровение, а обязаны, если мы уважаем истину, исправлять встречающиеся в них погрешности.]

[^^^]

Все противоречия эти я изложил подробно в книге «Критика догматического богословия».

[^^^]

[поворотные пункты]

[^^^]

[светящихся фонтанов,]

[^^^]

[Чтобы быть полезным развитию человеческих и цивилизаторских идей, «La Vita Internazionale» (Милан) при содействии «L'Humanité Nouvelle» (Париж и Брюссель) сочла своим долгом принять участие в решении трудной задачи, которая недавно выступила во всей своей значительности по поводу щекотливого вопроса, живо взволновавшего Францию и весь мир; мы говорим о войне и о милитаризме. Поэтому мы просим всех людей, занимающих видное место в Европе в области политики, науки, искусства, в рабочем движении и даже среди военных, присоединиться к этому высокоцивилизаторскому делу и прислать нам ответы на следующие вопросы:

1. — Требуют ли войны между цивилизованными народами история, право, прогресс?

2. — Каковы последствия милитаризма — интеллектуальные, нравственные, физические, экономические и политические?

3. — Каковы должны быть решения вопросов войны и милитаризма для пользы буду-

щего всемирной цивилизации?

4. — Каковы средства, ведущие скорейшим путем к таким решениям?]

[^^^]

Зачеркнуто: вследствие того молчания обо всех злых делах правительства, которое наложено на русскую прессу.

[^^^]

Зач.: с тем, чтобы гонители увидели то зло, которое они делают, и, устыдясь, прекратили его.

[^^^]

Зачеркнуто: христиане, т. е. так называемые
духоборцы, за их образ мыслей, основанный
на учении Христа, и за вытекающее из него
поведение.

[^^^]

Зач.: безропотно переносили за это всякие гонения, иногда очень жестокие.

[^^^]

Зачеркнуто: Сведения эти и дальнейшие я имею от моего друга кн. Хилкова, человека в высшей степени правдивого и религиозного и потому не решившего бы утверждать то, что не могло бы быть доказано. Князь Хилков этот — тот человек, которого за то, что он, бросив службу, где его ожидала блест[ящая] карье[ра], отдав большое свое имение крестьянам, поселился среди них, работал, как и они, и не скрывал от них своих мыслей, которого за это сослали на 6 лет в одну из самых худших местностей Кавказа и у которого отняли по высочайшему повелению его двух детей (6-м[есячного] мальчика и 4-х л[етнюю] девочку) и отдали их бабке, враждебно расположенной к сыну, под тем предлогом, что дети не крещены по православному обряду. Кн. Хилков пишет следующее:

[^^^]

Описка. Следует: 24 июля.

[^^^]

В этом месте в рукописи поперек текста рукой Толстого написано: Тут известие.

[^^^]

Написано: служащими

[^^^]

[который всегда пропускает случай смолчать
и никогда не пропускает случая сказать глупость,]

[^^^]

Далее отчеркнуто место с пометой пр[опустить]: Тогдашние военные не только не сомневались в справедливости своего звания, но гордились им, часто избирая это звание из чувства самоотвержения.

[^^^]

Новое Время, 6-го ноября 1896 г., № 7434.

[^^^]

«Христианство и патриотизм».

[^^^]

Год напечатан ошибочно вместо: «1893».

[^^^]

См. Н. Н. Апостолов, «Лев Толстой и русское самодержавие», Гиз, 1930, стр. 120

[^^^]

Страницы и строки указываются по настоящему изданию.

[^^^]

В печатном тексте этой статье посвящена гл.
III.

[^^^]

Лесков имеет в виду франко-русские торже-
ства.

[^^^]

«Письма Толстого и к Толстому», Гиз, 1928,
стр. 152.

[^^^]

Так Толстой называл сокращенно статью «Христианство и патриотизм».

[^^^]

Берта фон Зуттнер (1843—1914) — немецкая писательница, пацифистка, издательница журнала «Die Waffen nieder» («Долой оружие»).

[^^^]

«Религия и нравственность».

[^^^]

Переводчикам.

[^^^]

В Записной книжке Толстой среди записей от конца декабря 1893 г. и начала февраля 1894 г. имеется ряд мыслей к статье (см. т. 52, стр. 252—253).

[^^^]

См. по этому поводу письмо Толстого к нему от 5 января 1894 г., т. 67, стр. 16.

[^^^]

Письмо Толстого к Тёрнеру неизвестно.

[^^^]

См. письма Толстого к Черткову от 17 марта, 7 и 12 мая 1894 г. и Черткова к Толстому от 3 мая 1894 г. (т. 87, стр. 263, 275, 276 и 277).

[^^^]

См. Н. Н. Апостолов, «Лев Толстой и русское самодержавие», Гиз, стр. 121-122.

[^^^]

Часть этих заглавий была, очевидно, вписана в предшествующих рукописях, так как первый лист неоднократно перекладывался.

[^^^]

Страницы и строки настоящего издания.

[^^^]

Е. И. Попов.

[^^^]

См. еще письмо Толстого в издательство «Библиографическое бюро» от 19 апреля 1895 г., т. 68, стр. 77—78.

[^^^]

См. историю писания «Письма в иностранные газеты по поводу гонений на духоборов», стр. 253—254.

[^^^]

В т. 68 письмо это ошибочно датировано 10 сентября 1895 г. Этой датой в изд. Элпидина помечена статья Бирюкова. Письмо же Толстого не датировано. Оно могло быть написано не раньше 15—16 сентября, то есть времени начала писания статьи.

[^^^]

В т. 87 письмо это ошибочно датировано 21 октября, в то время как следующее за ним датировано 7 октября.

[^^^]

То есть не записывал в Дневник.

[^^^]

Малолетний сын Толстого.

[^^^]

В архиве Толстого сохранились две рукописи
воззвания с исправлениями Толстого.

[^^^]

См. письма: к И. М. Трегубову от 17 ноября 1896 г., т. 69, стр. 207—208; к В. Г. Черткову от 25 ноября 1896 г., т. 87, стр. 384.

[^^^]

Печатный текст датирован 12 декабря 1896 г.

[^^^]

«Дневники С. А. Толстой», изд. «Север», М.
1932, стр. 46.

[^^^]

Письмо это публикуется впервые.

[^^^]

Номер журнала со статьей Толстого был конфискован и издатель предан суду, однако был оправдан, и конфискация отменена.

[^^^]

П. И. Бирюков.

[^^^]

Первоначально статья носила заглавие «Еще о войне».

[^^^]

В первых рукописях фамилия названа.

[^^^]

М. И. Драгомиров был в то время командующим Киевским военным округом; А. М. Кузминский — председателем Киевской судебной палаты.

[^^^]